

ФОНД РУССКИЙ МИР

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РУССКОГО МИРА
В ТРАНСГРАНИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Материалы Международной научно-практической конференции,
27-29 марта 2019 г.

Барнаул
2019

УДК 316.722(470 + 571)(58)
ББК 60.523(2 Рос)(54)
С 693

Редакционная коллегия:

д-р филос. наук В. Ю. Инговатов (отв. ред.)
ст. преподаватель И. В. Демин (отв. ред.)
канд. филос. наук А. Г. Инговатова
канд. ист. наук М. Г. Колокольников

С 693 Социокультурный потенциал и перспективы развития Русского мира в трансграничном пространстве Центральной Азии : материалы Международной научно-практической конференции, Барнаул, 27-29 марта 2019 г. / Отв. ред. В. Ю. Инговатов и И. В. Демин. – Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2019. – 252 с.

В настоящем издании публикуются статьи по материалам докладов одноименной международной научно-практической конференции. Все работы тематически объединены исследованием многообразных сторон Русского мира: его философии как проекта глобального и регионального развития, практическому опыту его интегрирующего влияния на пространство Центральной Азии, а также языковым и образовательным аспектам отношений Русской цивилизации и центрально-азиатских культур.

Материалы сборника рассчитаны на широкий круг специалистов: философов, историков, социологов, юристов, культурологов, филологов, педагогов и др. Кроме того, издание адресовано всем, кто интересуется актуальными проблемами Русского мира и постсоветского пространства.

УДК 316.722(470 + 571)(58)
ББК 60.523(2 Рос)(54)

*Издание сборника статей конференции
осуществлено на средства Фонда «Русский мир»
(грант № 1982Гр/Л-109-18)*

© Авторский коллектив, 2019
© Алтайский государственный технический университет
им. И. И. Ползунова, 2019
АО «Алтайский полиграфический комбинат», 2019

Содержание

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ. РУССКИЙ МИР: КОНЦЕПТОСФЕРА И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ	7
Т. А. Артамонова	
НРАВСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКОГО МИРА В РОССИИ	8
А. Х. Бугазов	
ЕВРАЗИЙСТВО КАК ФОРМА РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	13
В. А. Вакаев	
АЛТАЙ КАК «СЕРДЦЕ ЕВРАЗИИ»: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	19
С. Ф. Васильев	
ДАНИЛЕВСКИЙ АКТУАЛЕН	24
Е. Б. Вознюк	
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	30
Л. В. Гернего	
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	35
А. А. Гусева, Б. П. Гусев	
СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА КАК САМОБЫТНАЯ ЯЧЕЙКА РУССКОГО МИРА.....	41
И. В. Демин	
ДЕГРАДАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ РУССКОГО МИРА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	46
Н. В. Довгаленко	
РУССКИЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ И ЕГО АЛЬТЕРНАТИВЫ	54
А. В. Иванов, С. М. Журавлева	
«РУССКИЙ МИР» И ЕВРАЗИЯ	59
В. Ю. Инговатов	
МЕТАФИЗИКА РУССКОГО МИРА: ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И СОВРЕМЕННОСТЬ.....	66
А. Г. Инговатова	
ЭВРИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ МИССИИ КУЛЬТУРЫ РУССКОГО МИРА	71

Л. А. Отставнова

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА 82

С. П. Парамонова

ОТНОШЕНИЕ К ФАВОРИТИЗМУ ЗАНЯТЫХ ГРУПП АЛТАЙСКОГО КРАЯ И
СТУДЕНТОВ АГТУ 87

Т. В. Фаненштиль

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО
СУБЪЕКТА НАУКИ В РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ 96

Н. В. Халина

ИНТЕНЦИОНАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ “РУССКИЙ МИР” 101

**РАЗДЕЛ ВТОРОЙ. ИНТЕГРИРУЮЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ РУССКОГО МИРА В
ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ 105**

С. И. Бондаренко

ПРОБЛЕМЫ БЫТОВОГО И ЭТНОСОЦИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА ЦЕЛИННИКОВ
НА ТЕРРИТОРИИ АЛТАЯ И СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА 106

Ю. А. Гаврилова

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
В СФЕРЕ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ПРИРОДНЫХ
РЕСУРСОВ 111

Г. Д. Джунушалиева

ЦИВИЛИЗАЦИОННО-ИНТЕГРИРУЮЩАЯ РОЛЬ РОССИИ В СТАНОВЛЕНИИ
КИРГИЗСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В РАНЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД 117

Е. В. Епифанова

КАЗАХИ В САРАТОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА 123

К. К. Каланов

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ ПОКОЛЕНИЙ
(НА ПРИМЕРЕ ТАШКЕНТСКОГО ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ 1966 ГОДА) 129

М. Г. Колокольцев

ВЛИЯНИЕ РУССКОГО НАРОДНИЧЕСТВА НА ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ
ВОСТОКА 135

Н. Ю. Колокольцева

РОЛЬ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ СИБИРСКОГО
КУПЕЧЕСТВА НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВВ. 143

Т. Ф. Кряклина

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ:
ОРГАНИЗАЦИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 147

С. А. Мальченков

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОЙ
РОССИИ 153

А. Т. Сабиров

УСТНАЯ ИСТОРИЯ В ИЗУЧЕНИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА.
ОПЫТ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ 158

И. Г. Федин

ИНТЕГРИРУЮЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРАВОВОГО КОНЦЕПТА РУССКОГО МИРА
«СОВЕСТЬ» ПРИ ЕГО РАЗВИТИИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИИ
И СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ 164

Е. П. Цепенникова

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПЕЧАТНЫЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ
ИСТОЧНИКИ ПО ТЕМЕ: “ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АЛТАЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИ
КАК КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ” 170

Н. В. Цыганенко

РЕЛИГИОЗНОСТЬ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И РОССИИ: К ПРОБЛЕМЕ
ПОИСКА КРИТЕРИЕВ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 178

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ. ОБРАЗОВАНИЕ И РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ .. 185

Р. В. Алиева

ПЕРЕДАЧА СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА
«БУРМИСТР» И. С. ТУРГЕНЕВА) 186

Д. В. Аникин

РУССКИЙ МИР И НОВОПЕРСИДСКИЙ КОНТИНУУМ: ПРОБЛЕМЫ
ИНТЕГРАЦИИ И ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ 192

Н. Ю. Бухнер, Н. В. Цыганенко

РУССКИЙ МИР В ИНТЕРПРЕТАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ 196

Е. В. Валюлина	
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ РУССКОГО МИРА В КИТАЙСКИХ МЕДИА	204
О. А. Вольф, Е. В. Шахаева	
ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ (НА ПРИМЕРЕ ХАКАССКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА ИМ. Н. Ф. КАТАНОВА)	208
И. Н. Каланчина	
ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА СИБИРИ НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. М. ТОПОРОВА.....	213
Д. А. Омельченко	
АКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В РЕГИОНАХ РОССИИ .	219
Н. И. Осмонова	
КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКОЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ КЫРГЫЗСТАНА В ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО	225
Е. Ю. Позднякова	
ГОРОДСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ (НА ПРИМЕРЕ УРБОНИМОВ Г. БАРНАУЛА)	230
Р. С. Саликжанов, Ш. Б. Саликжанова, Б. М. Сейфуллин, Ж. Б. Ахметова	
ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОФЕССИЯ: В ОЦЕНКАХ МОЛОДЕЖИ КАЗАХСТАНА И РОССИИ.....	236
Т. А. Селеменова	
ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ РОССИИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ.....	245
ОБЩИЕ РЕШЕНИЯ КОНФЕРЕНЦИИ.....	249

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

**РУССКИЙ МИР: КОНЦЕПТОСФЕРА И
СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ**

Т. А. Артамонова / Т. А. Artamonova*

**ПРАВСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКОГО МИРА В РОССИИ
(THE MORAL MEANING OF A PEASANT WORLD IN RUSSIA)**

Аннотация. «Крестьянский мир» традиционно понимается как сельское сообщество со специфическим социально-хозяйственным укладом. Но это понятие многогранное, включающее в себя и духовно-нравственное измерение. Нравственные устои крестьянской общины в России являются примером групповой морали, где главной ценностью является трудолюбие. Долгие годы общинные ценности как регулятор социальных и семейных отношений просуществовали в среде староверов.

Ключевые слова: крестьянский мир, община, русский народ, нравственные принципы, староверы.

Abstract. The “Peasant World” is traditionally understood as a rural community with a specific socio-economic structure. But this concept is multifaceted, including the spiritual and moral dimension. Moral foundations of the peasant community in Russia are an example of group morality, where diligence is the main value. The longest common values as a regulator of social and family relations existed among the Old Believers.

Keywords: peasant world, community, Russian people, moral principles, Old Believers.

Сегодня все актуальнее звучит вопрос о значении и путях развития общины в России, как наиболее органичной и традиционной формы бытия русского народа. В течение многих веков общинные формы мироустройства развивались крестьянством, казаками, членами трудовых артелей и православными монахами. Этот общественный институт был представлен как поземельное объединение, как податная (фискальная) единица, ячейка крестьянского, городского или ремесленного самоуправления, как церковно-религиозная общность. Особо следует остановиться на самой массовой форме — крестьянской поземельной общине как духовно-нравственной основе российского общества.

Первым, кто обратил внимание на специфику устройства крестьянской общины и ее роли в жизни российского общества, был известный славянофил А.С. Хомяков. В 1842 году в статье «О сельских условиях» он рассматривает особенности русской крестьянской общины, которая, по его мнению, возникает естественным образом и является продуктом самодеятельности самих

* Татьяна Александровна Артамонова, канд. филос. наук, доцент, Алтайский государственный аграрный университет (Барнаул, Россия). E-mail: Art-katun@mail.ru.

крестьян. Принято считать, что в учении славянофилов общинное мироустройство, укорененное в православных традициях, противопоставлено западному пути индивидуализма и рационализма, «наружной связанности» и «индивидуальной изолированности». Но среди философов-западников также были сторонники общинного уклада, хотя в общине они видели не столько проявление достойного исторического прошлого народа, сколько надежду на улучшение будущего устройства жизни.

«Сельское сообщество в его исконном смысле — это сообщество близких по мироощущению и ценностям людей; целый мир как органическая и полноправная часть огромного человеческого и природного мира. Неслучайно русское слово «мир» (в смысле целой Вселенной) явно сопрягается с понятием общины («міром»), а также с миром в смысле отсутствия вражды между людьми и народами» [1, с. 18]. «Мир» воспринимался русским человеком как главенствующая моральная сила: выше был только Бог. Крестьянский мир служил залогом физического выживания и духовного преуспевания, в нем выражалась сила единения народа. Это особый миропорядок, где все жизненно важные вопросы решались сообща. Крестьянин говорил: «мир собирался», «мир порешил», «мир выбрал», вкладывая сюда значение высшей духовно-нравственной инстанции — «мир крещеный», «мир христианский» [2, с. 36].

Жить с миром совестно было прямой обязанностью каждого члена мира. Без «мирского ведома» крестьянин не мог совершать никаких действий, затрагивающих общие интересы. Если миром было решено следовать какому-то правилу или принципу, то нарушать это было непозволительно ни при каких условиях. Таким образом, община, а не отдельный человек, была носителем морально-правовых принципов. Сам крестьянин не брал на себя право и ответственность устанавливать нормы: всё решал сход. Поведение же отдельного человека часто могло быть противоречивым с моральной точки зрения. Например, допускалось мелкое воровство по отношению к представителям других сословий, но оно жестко пресекалось по отношению к своим общинникам. Нарубить дрова или нарвать фруктов в помещичьем саду не рассматривалось как безнравственные поступки, а общинные леса и сады строго охранялись. Отсюда проистекала противоречивость в оценках нравственных устоев крестьянства со стороны образованного общества. С таким разочарованием столкнулись некоторые народники, верившие в силу глубокой нравственности простого народа. Так, писатель В. Г. Короленко, разделявший в молодости народнические идеи, позднее отошел от представления о безупречной нравственной чистоте крестьян. «С глухими местами у нас вообще связано представление об элементарных, простейших добродетелях. Я сначала думал то же, видя, например, как хозяева оставляют избы без запоров. Значит, думал я, хоть кражи-то здесь неизвестны. Но и в этом я ошибся. Впоследствии меня поразило обилие глаголов, которыми обозначалось понятие кражи. ... Вообще на прочность этой первобытной нравственности рас-

считывать нельзя. Это какое-то странное состояние неустойчивого нравственно-го равновесия, могущее качнуться в любую сторону» [Цит. по: 3, с. 442].

«Неустойчивость нравственного равновесия» в поведении крестьян, по выражению В. Г. Короленко, вытекала, образно говоря, из «извилистой» народной психологии. Можно предположить, что именно «коллективный дух» крестьянского мира упорядочивал и выравнивал её. Как показывает жизненная практика, отдельный человек часто поступает исходя из своих личных и часто эгоистических интересов, тогда, как мир-община – из интересов общего блага. «Несмотря на всю тяжесть формальных санкций, неформальный контроль играл все же более важную роль. Общественное мнение оказывало сильное и постоянное давление на крестьян, сводя на нет отклонения от принятых норм поведения» [3, с. 443].

Известно, что община спасала русского крестьянина как от голода, так и от нравственного упадка: разорившийся вследствие кутежа или пьянства общинник не мог продать или заложить свой участок земли. Земля переходила по наследству детям. Сельские общины брали на содержание сирот, одиноких вдов и стариков. На общие средства строились хлебные склады, больницы, школы. Настоящей школой воспитания трудовых навыков для молодежи и подростков в селе были общественные работы-помочи: постройка домов и водных каналов, совместная жатва и сенокос, огораживание общинных угодий и др. Здесь не только перенимались и усваивались самые удачные рабочие приемы, но и закреплялось в сознании ценность совместного общественного труда.

Трудолюбие и взаимовыручка в общине ценилось как одно из основных нравственных качеств личности. От нерадивых и пьющих работников в общине зачастую пытались избавиться, отдав их в рекруты. За тяжкую провинность, как конокрадство, мог произойти и самосуд. Жажда наживы и обогащения за счет чужого труда порицалась, поэтому еще в царской России кулаки («мироеды») вызывали презрение, так как делали свое состояние за счет ростовщичества, спекуляции, наемного труда на кабальных условиях других членов общины. Крестьяне воспринимали общину как критерий социальной и духовной зрелости человека [4]. Общинники выступали против открытия в их селах питейных заведений и накладывали запрет на употребление спиртного; регулировали семейные отношения и вопросы воспитания детей.

Развал общинных отношений начался после реформы 1861 г. вследствие расслоения крестьян. Новые хозяйственные отношения не сложились, а старые уже не защищали крестьянские хозяйства от разорения и деградации общинных моральных принципов. Во-первых, это проявилось в процессе бюрократизации общинного мироустройства, в частности, в увеличении числа должностных лиц. Исполнение полицейской и финансовой функций стало опираться не столько на общинный обычай, как прежде, а на письменные инструкции, а процесс делопроизводства стал более затяжным. Принятие решений носило всё чаще формальный характер и не защищало интересы рядовых крестьян. Во-вторых, развал

общинных отношений связан и с выделением внутри общины зажиточного слоя общинников с решающим правом голоса и формированием частнокапиталистической морали [5]. По мнению ряда исследователей, революции 1905-17 гг. – это попытка отстоять традиционный общинный уклад перед наступлением капиталистического индустриального общества, это протест российского общества против «раскрестьянивания» и насаждения частнокапиталистической морали. «Сама община превратилась в организатора сопротивления и борьбы. “Земля и воля”, – этот лозунг неожиданно стал знаменем русской крестьянской общины. Это оказалось полной неожиданностью и для помещиков, и для царского правительства и даже для марксистов» [6, с. 82].

Дольше всего общинные нравственные ценности как регулятор социальных и семейных отношений просуществовали в среде староверов и продолжительное время передавались от поколения к поколению. Даже в среде зажиточных староверов-купцов действовали такие нормы деловой жизни как ссуда денег без оформления документации: на веру, по совести. Работники в староверческих артелях обладали правом решающего голоса по самым разным производственно-организационным вопросам.

На Алтае самые крупные поселения староверов были в Уймонской долине. Основой духовного выживания староверов-переселенцев в новых для них условиях явились строгие нормы религиозной и трудовой этики и основанный на них общинный уклад жизни. Свое хозяйство они вели заимками, бережно относясь к природе. Всем миром чистили русла рек и проток, рыли каналы и заготавливали лес. Общинный тип жизни формировал сплоченность, социальную ответственность и взаимопомощь. Эти качества позволяли русским переселенцам выжить и адаптироваться в новых для них климатических условиях. Среди них «благопристойное поведение (целомудрие, супружеская верность, ответственное и заботливое отношение к семье, защита своей свободы, сохранение чести и достоинства, скромность, уважение к старшим) поддерживалось традициями, народным правом» [7, с.129]. На этом и держался крестьянский мир русских переселенцев в Сибири, проходивший испытания не только новой социально-исторической действительностью, но и суровыми природно-географическими условиями.

Сельская община в Сибири еще в начале XX века явилась, по выражению народников, «живой историей», где наиболее ярко воплощалась нравственные устои народа и сохранялся приоритет общинного права и морали над официальным. Во всей России крестьянский мир был оплотом и «коллективной совестью» русского человека.

Библиографический список

1. Иванов, А. В. Крестьянский мир как особый тип хозяйствования и образ жизни [Текст] / А. В. Иванов, С. М. Журавлева // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2013. – № 8 (106). – С. 126-129.
2. Платонов, О. А. Русский труд [Текст] / О. А. Платонов. – М.: Современник, 1991. – 335 с.
3. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.) [Текст] / Б.Н. Миронов. – 3-е изд., испр., доп. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. – 549 с.
4. Артамонова, Т. А. [Общинный уклад жизни российского общества: философско-исторический анализ](#) [Текст] / Т. А. Артамонова // Российское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории: материалы VII Всероссийской (XV региональной) с международным участием конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Йошкар-Ола, 23–24 мая 2018 г.) / Мар. гос. ун-т; отв. ред. А. Г. Иванов, А. А. Иванов. – Йошкар-Ола, 2018. – С. 668-676.
5. Апеньшева, Л. Г. К вопросу о типологии морально-нравственных отношений [Текст] / Л. Г. Апеньшева, Е. В. Ушакова, Е. И. Тарасова // Культурно-антропологическая парадигма: практика реализации в условиях компетентностной модели образования: материалы международной научной конференции, г. Барнаул, 21-22 сентября 2017 г. / под ред. С.А. Ан. – Барнаул: АлтГПУ, 2017. – С.14 -17.
6. Кара-Мурза, С. Г. Столыпин – отец Русской революции [Текст] / С. Г. Кара-Мурза. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 288 с.
7. Логинова, Н. С. Основы традиционного семейного воспитания уймонских староверов [Текст] / Н. С. Логинова, О. П. Пономаренко // Ценности человеческого бытия: материалы всероссийской научно-практической конференции, г. Барнаул, 6–7 октября 2016 г. / под ред. С. А. Ан. – Барнаул: АлтГПУ, 2016. – С. 122-125.

А. Х. Бугазов / А. Н. Bugazov*

**ЕВРАЗИЙСТВО КАК ФОРМА РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
(THE EURASIAN FORM DEVELOPMENT OF RUSSIAN CIVILIZATION)**

Аннотация. В статье говорится об особенностях евразийской модели цивилизационного развития. Несмотря на поливариантность данной формы социально-политического бытия, в ее содержании отчетливо проявляется ряд характерных черт. Прежде всего это особые отношения между государством и обществом, заметная роль государственного аппарата в регуляции социальных отношений, наличие сильной вертикали власти, участие силовых структур в ее функционировании.

Ключевые слова: евразийская цивилизация, общество, социальное развитие, социокультурные особенности.

Abstract. The article tells us about the specifics of the Eurasian civilization development model. Despite polyvariance of this form of socio-political life, its content is clearly manifested a number of characteristics. First of all, it is a special relationship between the State and society, a role of the State apparatus in the regulation of social relations, the presence of strong vertical of power, part of the power structures in its functioning.

Keywords: Eurasian civilization, society, social development, socio-cultural features

Практика формирования и функционирования всей системы глобальных отношений в обществе уже с конца прошлого, и особенно в начале нынешнего столетия, демонстрирует очевидную невозможность развития современного мира по типу какой-либо одной цивилизации. Глобализация - это общемировой тренд, интеграция норм экономики, политики, культуры, но не диктат одной или нескольких цивилизаций. Даже если это диктат, то не грубой, а популярной сегодня «мягкой силы». Весьма красноречиво в этом смысле признание А.Тойнби о том, что «сопротивление болезненному процессу внедрения элементов чужой культуры в социальное тело абсолютно неизбежно. Однако столь же неизбежно, – утверждает автор, – и окончательное поражение такого сопротивления» [1, с. 581]. Прошло немало времени с того момента, когда была озвучена эта мысль, но стремление акторов этой идеи «внедрить» элементы своей «безупречной» цивилизации везде, где это возможно, отнюдь не стало меньше. Напротив, желание «облагородить и демократизировать» все человечество по своему образу и подобию приобретает характер тотальной угрозы.

* **Анвар Хусаинович Бугазов**, д-р филос. наук, проф., Кыргызско-Российский Славянский университет (Бишкек, Киргизия). E-mail: abugazov@rambler.ru.

При этом их совсем не смущает тот факт, что сами идеологи либерализма считали, что принципы современного демократического общества в том виде, в котором они сейчас существуют, соответствуют культурно-историческому развитию лишь европейской цивилизации. Например, К. Ясперс вполне определенно утверждал: «Европейский дух проник теперь... и в Россию, но это - не Европа... Русские... сформировались на своей особой почве, на Востоке, восприняв черты своих европейских и азиатских народностей и духовное влияние Византии» [2, с. 98]. В принципе, такого рода европоцентризм в понимании истории не является чем-то новым. Кроме уже упомянутых авторов эту идею в разное время выражали О. Шпенглер, Ф. Хайек, С. Хантингтон и многие другие.

В этой связи вопрос о евразийской форме цивилизационного развития России, как, впрочем, и других постсоветских государств, не кажется столь простым и лишеным основания. В российском интеллектуальном сообществе, как известно, нет единого мнения об особенностях цивилизационного развития России. Пытаясь сформулировать это представление, специалисты часто обращаются к своему историческому прошлому. Таким образом, старый спор между западниками и славянофилами до сих пор актуален, хотя, конечно, в нем появились новые оттенки, отражающие реалии сегодняшнего дня.

Сторонники евразийской альтернативы, пытаясь обосновать свою позицию, часто ссылаются на известных русских философов конца XIX, начала XX вв. Как известно, многие из них полагали, что русский народ не приемлет никакого пути развития, который шел бы вразрез с уникальностью его душевных качеств, образа жизни и мышления, то есть его национально-исторических и социокультурных особенностей [3, 4, 5, 6].

У оппонентов такого рода утверждения всегда вызывали категорическое возражение. Еще в советской историософии считалось, что «веховцы распространили миф об особой религиозности русского народа, выдавая ее за атрибут народной души» [7, с. 195]. У современных публицистов также бытует мнение о том, что известная строфа Ф.И. Тютчева «Умом России не понять, аршином общим не измерить...» выражает всего лишь «чувство неуверенности в себе, присутствие “лишним” людям, вечно вопрошающим “Что делать?”» [8, с. 11, 33].

Безусловно, в истории многих народов можно обнаружить схожие социокультурные элементы в их цивилизационном развитии. Однако суть дела совсем не в этом. Дискуссия лишь подтверждает актуальность такой проблемы, как совместимость различных цивилизационных и культурных образований.

Сегодня все больше исследователей и политических деятелей говорят о возможности такого интегрирования именно в евразийской модели общества. Это, безусловно, задача не одного дня и, может быть, не одного поколения. Тем не менее, несмотря на поливариантность понимания евразийской формы социального бытия, в ее содержании уже сегодня можно заметить ряд характерных черт.

Прежде всего, это «особые отношения» между государством и обществом, под которыми чаще всего имеется в виду роль государственного аппарата в ре-

гуляции социальных отношений. Причем в той сфере, которая с точки зрения западноевропейского менталитета относится к гражданскому обществу, то есть находящейся вне зоны административного внимания и влияния государства.

В современной России, безусловно, есть миллионы граждан, способных самостоятельно нести ответственность перед обществом за свои действия. В то же время устойчивого гражданского общества здесь еще нет, и требуется время для его формирования. При этом соответствующие структуры могут возникать как «снизу», спонтанно, так и создаваться государственными органами, заинтересованными в полноценном демократическом обществе. В данном случае речь идет о том, что в литературе квалифицируется как функция государственного социально-правового контроля, которая призвана способствовать поддержанию целостности и организованности общества, разрешению противоречий и конфликтов, возникающих в процессе его жизнедеятельности. Любое ослабление социально-правового контроля со стороны государства ведет к появлению в обществе деструктивных процессов и разрушению в нем тех же демократических институтов.

Данное обстоятельство позволяет говорить о такой характерной особенности евразийского типа государственности, как наличие сильной вертикали власти, без которой система государственного управления утрачивает свою эффективность. Этим определяется и значительная роль силовых структур в построении и функционировании данной системы управления.

Несмотря на обязательную в этом случае оговорку о том, что такого рода «оптимизацию» правового контроля не следует понимать как «усиление» или «ужесточение» деятельности органов власти, а лишь как желание повысить эффективность и ответственность властных институтов в обществе. Тем не менее, указанные обстоятельства дают основание оппонентам утверждать, что такой подход к формированию политической системы в большей степени применим к тем историческим типам цивилизации, в которых отсутствовали или отсутствуют традиции парламентского демократизма. Думается, это не так, в самой организованности как таковой нет опасности для демократии. Практически везде, где продолжают сохраняться социальные институты, их деятельность основывается на принципах, сформулированных еще М. Фуко в его теории дисциплинарного пространства. В частности, строгое ранжирование и классификация контингента, регламентация времени, программирование осуществляемого процесса, постоянное тестирование и оценивание выполняемой работы и т.д. [9].

В России, тем более в центральноазиатском регионе, где наряду с другими этническими особенностями наблюдаются пассивность, равнодушие, склонность к возвеличиванию и созданию культа личности, где производственная и иные формы дисциплины часто достигаются силовыми методами, социально-правовой контроль, «дисциплинарное пространство» с его механизмом надзора, систематизации, наказания и поощрения может иметь позитивное значение.

В политической системе России, как и в странах Центральной Азии, огромное значение отводится личности, стоящей у власти. Не случайно историк Н. Эйдельман отмечал, что в России больше, чем в какой-либо другой стране, в жизни общества «все решало активное меньшинство, не десятки и сотни уездов, не тысячи и миллионы людей, а средоточие властей - Петербург» [10, с. 50]. По сути, власть в обществе носит персонифицированный характер. Глава государства наделяется некими харизматическими качествами, поскольку он позиционируется не только как лидер конкретной партии, но и нации, общества в целом. В противном случае такой лидер довольно быстро теряет власть и сходит с политической сцены.

Конечно, подобная «особенность» социального развития таит в себе большую опасность. К сожалению, мы имеем много примеров, когда лидер на региональном или государственном уровне, придя к власти, прежде всего стремится закрепить ее за собой лично и надежно обеспечить ее долговечность. Очевидно, что сразу такую ситуацию, формировавшуюся годами, кардинально изменить нельзя. Необходимы целенаправленная работа и время для ее качественного улучшения.

Евразийский тип цивилизационного развития имеет свои социально-психологические особенности. В этой сфере он также мало похож на ту модель, которая свойственна европейским индустриально развитым и ориентирующимся на них странам. Евразийский тип общества отражает специфику уклада жизни народов России: их духовное единство, артельность, не совпадающую с корпоративностью, «общинность» и коллективизм, имеющие многовековую историю.

Среди русского, да и других евразийских народов долгое время не только благополучие, но и само существование каждого индивида зависело от общинного или родового коллектива, его прочности, способности и готовности поддержать нуждающегося. Это был оптимальный для общества тип социального устройства, выдержавший проверку временем на протяжении двух с лишним тысячелетий. В результате если в рамках европейской культуры общество определяется как совокупность индивидуально свободных граждан, то в русской общественной мысли гражданская свобода предстает как проявление коллективистского устройства социума.

Данная ситуация осложняется тем, что структура евразийского, в том числе и российского общества, далеко не однородна. Поэтому процесс трансформации индивида в гражданина тоже своеобразен. Городское население тяготеет к современному, европейскому типу культуры. Доминанта сёл и небольших городов – традиционный уклад с элементами патернализма. Представления о человеке, как и взгляды на общество и государство, здесь совершенно разные. В Российской Федерации по данным переписи населения 2010 года численность городского населения составляет более 74%, однако в большинстве своем это относительно небольшие города. Согласно той же переписи в России всего 16 городов, численность которых превышает один миллион человек. Поэтому соответству-

ющая культура еще должна сформироваться. Процесс урбанизации еще продолжается, и гражданское правосознание также находится в стадии становления.

Существует и такой фактор рассматриваемой проблемы, как влияние межэтнической коммуникации не только на определение нравственных норм и правил во взаимоотношениях между людьми различных рас и народов, но и на развитие общества в целом.

Соприкасаясь с «новой» для себя культурой, общество имеет возможность увидеть достоинства и недостатки своего собственного миропонимания. Разрешение возникающих при таком взаимодействии противоречий представляет собой важный фактор не только международных отношений, но и в целом социального развития. В известной степени это позволяет понять точку зрения тех специалистов, которые считают, что межэтническая коммуникация выступает одним из основных условий «цивилизованности» современного общества. Данный тезис имеет принципиальное значение, поскольку развитие общества в принципе невозможно без способности его граждан интегрировать свои убеждения с ценностями других социокультурных образований, этносов.

Нет необходимости доказывать, что для народов России толерантность давно является традиционным и устоявшимся элементом их этнической культуры. Вопрос в том, как сочетать национальные особенности с европейскими или иными принципами организации жизнедеятельности.

Думается, здесь не может быть простого ответа. События последних лет в разных частях света актуализируют вопрос о том, какие нравственные принципы должны лежать в основе современной парадигмы социального развития. Может ли быть новый «мировой порядок», воспринимаемый в сознании людей как реализация идей гуманизма и демократии, навязан посредством силы? Поэтому столь важно, чтобы в процессе межкультурной коммуникации не только внутренней, но и внешней, не утратить позитивное значение традиционного консерватизма в понимании основных духовных ценностей народов России.

В заключении хотелось бы отметить, что усиление глобализации сопряжено с рядом принципиальных проблем – «исторических вывозов», к числу которых можно отнести и вопросы социального развития как на локальном, так и межрегиональном уровне. Общество, его интеллектуальная элита, ведет интенсивный поиск оптимальных для своих стран моделей цивилизационного устройства, которые должны быть не сканированием чужого опыта, а отражением собственных национально-исторических и социокультурных особенностей развития гражданских институтов и их взаимодействия с другими сферами общественной жизни.

Библиографический список

1. Тойнби, А. Постигение истории. – М., 1991.
2. Ясперс, К. Смысл и назначение истории. – М., 1991.
3. Ильин, И. А. Наши задачи // Юность. – 1989. - № 8.;
4. Ключевский В. О. Сочинения. Т. 4. – М.,1989.
5. Кавелин, К. Д. Мысли и заметки о русской истории // Кавелин, К. Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. – М., 1989.
6. Лосский, Н. О. Условия абсолютного добра. – М., 1991.
7. Бочкарев, Н. И. В. И. Ленин и буржуазная социология в России. – М., 1973.
8. Раппопорт, А. Г. Утопия и авангард: портрет у Малевича и Филонова // Вопросы философии. – 1991. – №11.
9. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – М., 1977.
10. Эйдельман, Н. «Революция сверху» в России. – М., 1989.

В. А. Вакаев / V. A. Vakaev*

**АЛТАЙ КАК «СЕРДЦЕ ЕВРАЗИИ»: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
(ALTAI AS AN “EURASIAN HEART”: GEOPOLITICAL ASPECT)**

Аннотация. В статье рассматривается геополитическое значение Алтая в контексте прошлого, настоящего и будущего. Делается вывод об особом значении региона в развитии Евразии, детерминированном наличием уникальных природных ресурсов и выгодного географического положения в центре континента.

Ключевые слова: Евразия, Алтай, геополитика, цивилизация.

Abstract. The article discusses the geopolitical significance of Altai in the context of past, present and future. The conclusion is made about the special importance of the region in the development of Eurasia, determined by the presence of unique natural resources and favorable geographical position in the center of the continent.

Keywords: Eurasia, Altai, geopolitics, civilization.

Анализ геополитического значения современного Алтая необходимо проводить на основе понимания особенностей развития данной территории в историческом прошлом. Необходимо отметить, что Алтай (под которым в данном случае понимается Большой Алтай, расположенный на территории нынешних России, Китая, Монголии и Казахстана) с древнейших времен играл особую роль в развитии Евразии. Основное содержание данной роли – генерирование импульсов, оказывающих мощное воздействие на развитие народов, проживающих на территории континента.

Еще на заре человеческой истории Алтай стал уникальным местом, в котором одновременно сосуществовали как минимум три вида разумных людей – неандертальцы, денисовцы и кроманьонцы. Дефицитом информации об этом отдаленном периоде времени не позволяет выявить последствия и значение данного культурного контакта для развития Евразии. Более отчетливо особая роль Алтая проявилась в более поздний период развития человечества – бронзовый век. В это время степи Евразии стали местом формирования и расцвета скотоводческих культур, которые впоследствии оказали определяющее влияние на историю всего человечества. Алтай стал одним из главных центров этих цивилизаций. Первая кочевая культура, начавшая мировую экспансию, возникла в степях между Алтаем и Уралом. Это была андроновская культура, которую связывают с предками индоевропейских народов. Приручив лошадь, изобретя колесницу и освоив производство изделий из бронзы, эти народы получили преимущества

* Владислав Александрович Вакаев, канд. филос. наук, доц., Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, Россия). E-mail: vlad_vak75@mail.ru.

перед соседними народами, которым не преминули воспользоваться. Волны их нашествий выплеснулись в нескольких направлениях: они завоевали Среднюю Азию, Индию, Иран, проникли на Ближний Восток и в Западную Европу, став предками современных индийцев, иранцев, славянских, германских, романских и целого ряда других народов. Это было первая, но далеко не последняя волна, которую генерировал Алтай. Это позволяет назвать данную территорию «сердцем» Евразии, импульсы которого ощущалось во всех уголках огромного континента. С удивительным постоянством здесь одна за другой образовывались кочевые цивилизации, оказывающие существенное влияние на историю человечества. Взлет каждой из них был связан с открытием какой-либо технологии, способствующей более эффективному использованию энергии. Территория Большого Алтая стала местом зарождения как минимум четырех великих кочевых империй. Сначала это были скифы, освоившие езду верхом и создавшие сложно-составной лук. Потом появились гунны – одной из причин их взлета было усовершенствование седла и наконечников стрел. Взлет еще одного народа – тюрков, также был связан с важным техническим новшеством. Они изобрели стремена, что позволило радикально изменить тактику конного боя. И, наконец, монголы, которые создали и применили особую социальную технологию «коллективного альтруизма». Это была знаменитая Яса Чингисхана, главный принцип которой – жертвование собой в интересах группы. Сплоченные железной дисциплиной, монголы, объединившие других кочевников Великой Степи, сумели создать одну из самых больших империй в истории человечества.

Описанная выше закономерность обусловлена, на взгляд автора, естественными причинами. Для успешного развития любой цивилизации нужно три главных фактора: еда, материал для производства инструментов и энергия (для обогрева, передвижения, приведения в движение механизмов). Алтай для кочевых цивилизаций стал идеальным местом – степи давали корм для скота, в горах можно было добыть металл (сначала медь, а потом железо), здесь же было топливо для его выплавки, лошадь давала энергию для передвижения. Сыграло свою роль и положение Алтая, находящегося в географическом центре Евразии. Природные ресурсы и географическое положение – вот главные факторы, влияющие на судьбу Алтая. Разумеется, они важны не сами по себе, а в сочетании с человеческим разумом, энергией и волей, которые позволяют использовать эти ресурсы для развития и роста.

Особая роль Алтая проявилась и после включения его части в орбиту русской цивилизации. Как минимум трижды данная территория существенно повлияла на историю страны. В первый раз – обеспечив добычу стратегически важных драгоценных металлов (золота и серебра), на которых базировалась денежная система интенсивно развивающейся Российской империи. Это предопределило очередной взлет Алтая во второй половине XVIII – первой половине XIX веков. Алтай в те годы стал самой передовой территорией России за Уралом. После того, как во второй половине XIX века рудники истощились, а сереб-

ро потеряло свое значение в финансовой системе, приобрел значение другой ресурс Алтая – земля. Одним из способов решения проблемы безземелья и голода российского крестьянства стала политика переселения в Сибирь. Плодородные земли Алтая в наибольшей степени способствовали решению этой задачи. Сюда были направлены значительные потоки переселенцев, началось интенсивное развитие сельского хозяйства, было начато строительство необходимой для этого инфраструктуры. Так столыпинская реформа обусловила вторую волну развития российской части территории Алтая. Третья волна развития Алтая началась в советский период, когда край стал одной из главных территорий, на которых развернулась целинная эпопея. Принесла существенную пользу Алтайскому краю, в целом этот проект оказался неудачным. Страна, с помощью экстенсивных методов получив кратковременный рост производства зерна, вновь столкнулась с его дефицитом. СССР перешел к закупкам продовольствия за рубежом. Как следствие, интерес к Алтаю стал уменьшаться, а вместе с этим стал затухать и полученный импульс. С этого времени Алтай находится в фазе спада.

Впрочем, есть основания предполагать, что это состояние может смениться новым рывком, который будет обусловлен изменившимися геополитическими условиями. Для понимания этих условий необходимо выявить ресурсы, которые будут наиболее востребованы в ближайшем будущем. Один из ключевых таких ресурсов – продовольствие. «Зеленая революция», свершившаяся во второй половине XX века, казалось, навсегда отодвинула от человечества угрозу голода. Новые сорта растений, массированное использование удобрений, новая технологии и техника, работающая на доступном и дешевом топливе, сделали продовольствие весьма доступным. Однако есть основания предполагать, что «революция» достигла своего естественного предела: увеличивать урожайность при имеющихся технологиях больше уже нельзя. Более того, становится все труднее сохранить производство продовольствия на имеющемся уровне, так как в мире продолжается сокращение объемов пахотных земель. Только урбанизация ежегодно выводит из оборота свыше 300 тыс. га сельхозземель. Еще больше отбирает опустынивание – до 21 млн га в год. Для того, чтобы компенсировать рост населения, человечеству ежегодно нужно вводить в оборот 50 млн га пашни. Свою негативную роль может сыграть и сокращение запасов фосфоритов, которые необходимы для производства удобрений.

Можно предположить, что в обозримой перспективе человечество столкнется с острым дефицитом продовольствия. В этих условиях резко возрастет роль стран и регионов, способных нарастить объем производимого продовольствия. И Алтай – одна из немногих точек на планете, которая способна это сделать. Здесь есть плодородные почвы, достаточно воды, сравнительно благоприятный климат. Есть основания предполагать, что в ближайшее время может решиться и логистическая проблема, мешающая вывозу алтайского продовольствия. Процесс потепления в Арктике приводит к повышению доступности Северного морского пути, на который, в свою очередь, у Алтая существует прямой выход по реке

Объ. Благодаря использованию самых дешевых видов транспорта – речного и морского, алтайская продукция сможет попадать на мировой рынок. Все это позволяет сделать прогноз о том, что в ближайшие десятилетия объем производимой на Алтае сельскохозяйственной продукции увеличится в разы. Это, в свою очередь, обусловит рост интереса к алтайским землям.

Еще один ресурс Алтая, имеющий мировое значение – цветные металлы. В общей сложности на территории Алтайского края находится как минимум 10 месторождений полиметаллических руд с промышленными суммарными запасами 55 млн тонн. В них содержатся значительные запасы меди, свинца, цинка, а также сопутствующих им элементов – кадмия, селена, индия, германия и т.д. Все эти металлы имеют огромное значение для современной промышленности, которая наращивает их потребление. При этом запасы полиметаллических руд стремительно сокращаются. По некоторым прогнозам, их может хватить на три-четыре десятилетия. По мере исчерпания месторождений в странах, являющихся сегодня лидерами по производству свинца, цинка и меди, будет обостряться конкурентная борьба за оставшиеся запасы. Это позволяет спрогнозировать рост интереса к российским и, в частности, алтайским, металлам.

Другой, не менее важный ресурс Алтая – его уникальный природный потенциал. Сочетание различных ландшафтов, обширные лесные массивы, отличающиеся биоразнообразием, природные объекты, обладающие значительным рекреационным потенциалом (солёные озера, горы, ленточные боры). Эти и ряд других факторов обуславливают попадание Алтайского края и Республики Алтай в тройку наиболее экологически чистых регионов России. В условиях ухудшения экологической ситуации в мире, роста объемов загрязнения воды, воздуха и почв, сокращения площади нетронутых природных объектов значение подобных территорий будет возрастать. Они будут привлекать не только отдыхающих, но и желающих остаться на постоянное место жительства. Так же будет расти спрос на экологически чистые продукты, биологически активные добавки к пище, воду и даже воздух. Появившаяся недавно информация в СМИ о предпринимателе из Республики Алтай, который наладил поставки алтайского воздуха в баллонах в Китай подтверждает возможности даже такого экзотического вида экспорта.

Еще один фактор, который открывает перед регионом особые перспективы – его уникальное географическое положение в центре континента на стыке четырех цивилизаций – русско-православной, китайской, исламской и буддийской. Другой такой точки на планете нет. Алтай мог бы стать территорией взаимодействия данных цивилизаций. Оно может осуществляться в ходе реализации общих проектов реализация проектов в сфере промышленности, сельского хозяйства, транспорта, энергетики, образования, науки, здравоохранения, экологии. Особое значение имеет реализация культурных проектов: богатая история Алтая открывает для этого широкие возможности. Оптимальной формой организации подобных проектов может стать международный евразийский центр, на базе ко-

того можно будет реализовывать вышеописанные направления работы. Привлекая ученых, студентов, специалистов, бизнесменов из стран Средней, Центральной и Восточной Азии, подобный центр мог бы стать площадкой для обмена опытом, налаживания контактов.

Необходимо понимать, что все вышеперечисленные факторы не только открывают перед Алтаем широкие возможности для развития в будущем, но и несут существенные риски. Увеличивающийся дефицит ресурсов с неизбежностью обострит конкурентную борьбу между государствами и цивилизациями, стимулирует рост миграционных потоков, что, в свою очередь, повышает риск межнациональных и межрелигиозных конфликтов. Ситуацию усугубляет традиционное стремление Запада помешать объединению евразийских цивилизаций. Это несет угрозу целенаправленной организации конфликтов и точек напряжения. Осознание данных рисков требует повышенного внимания и ответственности в процессе реализации описанных выше конкурентных преимуществ Алтая.

С. Ф. Васильев / S. F. Vasilyev*

**ДАНИЛЕВСКИЙ АКТУАЛЕН
(DANILEVSKY IS TOPICAL)**

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды Н. Я. Данилевского и Вл. Соловьева на национальную идею России, их связь с современностью.

Ключевые слова: Россия, Запад, культура, национальная идея, западники, славянофилы.

Abstract. The article considers the views of N. Ya. Danilevsky and Vl. Solovyov on the national idea of Russia, their relationships with the present time.

Keywords: Russia, West, culture, national idea, Westerners, Slavophiles.

Свыше ста лет прошло со дня выхода в свет книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». Книга вызвала полемику и сильную критику со стороны Вл. Соловьева. Соловьев посчитал взгляды Данилевского вырождением славянофильства. Казалось бы спор этот – дела давно минувших дней. Однако украинские события и последовавший за ними конфликт России с Западом вновь сделал старый спор актуальным. Мы видим, что противоборство на Украине нередко рядится в одежды «цивилизационного выбора». Это предполагает противопоставление культуры и цивилизации Запада и культуре и цивилизации России. Правящие круги России, помимо своей воли, оказались втянуты и в идейный спор с Западом. И речь теперь идет уже не о противостоянии социализма и капитализма, а о противостоянии культур, столкновении цивилизаций (почти по С. Хантингтону). Вновь обнаружилась та враждебность Европы к России, которую отмечал еще Н. Я. Данилевский в 19 веке.

Теоретический вопрос – является ли российская культура подвидом европейской, западной культуры или она является особой, самостоятельной культурой? – стал выплескиваться в практическую плоскость.

Западники обычно указывают на массу заимствованных элементов западной культуры в российской культуре как доказательство ее принадлежности Западу. Но остается неясным, является ли это признаком того, что российская культура – это разновидность западной или это просто свидетельство влияния *другой* культуры на российскую? Ведь таких влияний в мировой истории можно указать множество.

Если Россия – часть Запада, то она должна развиваться как Запад, в западных экономических, политических и культурных формах. Для западников упо-

* **Сергей Федорович Васильев**, канд. филос. наук, доц., Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова (Барнаул, Россия). E-mail: ghjrk@rambler.ru.

добление Западу, принятие его достижений есть единственно правильный путь развития России. Они склонны принижать степень особенности русской культуры, считая ее подвидом европейской. С точки зрения западников у России нет иной миссии, кроме как вестернизировать себя и помогать вестернизации других народов. Однако неясным с этой точки зрения остается факт постоянного несовпадения развития России и Запада. Почему нужны постоянные усилия по вестернизации России? Если бы Россия была частью Запада, то такие усилия были бы не нужны, да и прямо абсурдны.

Но как западники объяснят факт существования славянофилов? Как возможно противодействие вестернизации, обещающей такое множество материальных и духовных благ? Данное противодействие свидетельствует о коренном *различии* культур. Да и само понятие вестернизации подразумевает различие культур: западной и не-западной. И превращение последней в западную. Но не-западная культура восстает против своей вестернизации.

Если же Россия – своеобразная культура и цивилизация, отличная от европейской, западной, то как она должна развиваться? Как тогда относиться к взаимодействиям с Западом? Нужно ли без разбора отвергать все западное? Может быть, есть общечеловеческие элементы, которые могут быть и должны быть усвоены всеми культурами, в том числе и российской? Относятся ли к ним демократия, права человека, уважение к закону, рыночная экономика? Не в выработке ли этих ценностей заключается миссия Запада? Но в чем тогда может заключаться своеобразие пути России, ее миссия? Эти вопросы пока далеки от разрешения.

Н. Я. Данилевский писал об идее России и других наций, государств. Идею нации, как нам представляется, можно понимать в двух смыслах. Идея нации может означать ее особенность, неповторимую специфику, которая проявляется в ее неповторимой культуре и истории. Или же идея может пониматься как *миссия* данного народа во всемирной истории, его функция во всемирно-историческом процессе развития человечества.

В первом случае нация может и не иметь никакой миссии, кроме миссии развертывания своего особого культурного содержания. Н. Я. Данилевский понимал идею России именно в таком смысле. Правда, он трактовал Россию как важнейший элемент славянского культурно-исторического типа. Сосредоточение на особенности культуры данного народа ведет к теоретическому обособлению данной культуры от других культур, утверждению особых типов культур. В таком случае теоретически распадается единство человечества и всемирная история как единый процесс. Мировая история разделяется на ряд отдельных историй отдельных типов. К этому пришли Н. Я. Данилевский и О. Шпенглер. Однако в противоречии с такой установкой мы находим у них признание фактов воздействия одних культур на другие. И даже попытку – у Н. Я. Данилевского – оценить разные культуры с позиций какого-то единого масштаба. Отсюда и его

надежды на славянский тип, который превзойдет все бывшие ранее культуры, опираясь на их достижения.

Признание влияния одной культуры на другую ведет к анализу форм и видов этого влияния. Рассматривая влияние Запада на Россию Данилевский видит его, по большей части, в отрицательном контексте. О. Шпенглер характеризует это влияние понятием «псевдоморфоза».

На наш взгляд, понимание идеи нации во втором смысле как особой миссии данного народа в процессе развития человечества предполагает и первый смысл. Нация должна быть особенной, чтобы выполнить свою особенную функцию. В данном случае признается единый субъект всемирной истории – человечество. А отдельные народы с их особенными культурами рассматриваются как органы единого человеческого организма. К такой позиции, казалось бы, примыкал Вл. Соловьев. Однако, по нашему мнению, он трактовал ее не совсем адекватно.

По Вл. Соловьеву цель мировой истории: создание братства всех народов, объединившихся в богочеловечество. Это братство, как объединившееся человечество, он мыслит в образе вселенской церкви. Но как же быть с нехристианскими цивилизациями, с иными культурами, иными религиями? Подлежат ли они обязательной христианизации? А если так, то не утратят ли они тогда свою особенность? Вообще: имеют ли национальные особенности и различия какую-либо ценность? Или главное – вселенская истина христианства, а остальное не важно? Но если принять тезис, что в истории реализуется замысел Бога, то тогда нужно признать, что существование разных народов с особенными культурами также входит в этот замысел. А ядром традиционной культуры является религия. Стало быть, и существование разных религий тоже входит в божественный план развития человечества. Славянофилы провозглашали в качестве общественного идеала соборность – свободную любовь всех во Христе. А как же быть не христианам? Их надо любить, пускать их в круг христианской любви? Каким должно быть христианское отношение к другим религиям? Очевидно, в данном случае терпимость, по крайней мере, к религиям правой руки, соответствует христианскому духу.

Н. Н. Страхов, как нам представляется, вполне резонно возражал Соловьеву, что его представление о человечестве как едином организме бездоказательно и является пустой фразой. Действительно, если бы человечество было таким организмом, то в нем каждый народ, в силу своей особенности, выполнял бы какую-либо важную функцию в целом. У Вл. Соловьева же выходит, что все эти национальные особенности являются лишь помехой для воцарения всечеловеческого братства на основе единой христианской культуры. Абстрактно-теоретически он готов признать ценность и необходимость национальных различий, однако при обсуждении положения и миссии России в мире фактически скатывается на позицию, которую Данилевский называл «европейничаньем».

Особенное неприятие вызывала у Вл. Соловьева теория культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского. В ней он видел средство для разобше-

ния человечества, противопоставления России и Европы. Между тем сама особенная русская культура не имеет, по Соловьеву, никакой особой ценности, кроме сохранения основ христианства. Все ценное идет от общеевропейской образованности. У Вл. Соловьева мы видим только два ценных фактора истории: христианскую религию и европейскую светскую гуманистическую культуру, цивилизацию. Остальные культуры существуют лишь для того, чтобы воспринять в себя христианство и европейскую цивилизацию, как объект, а не субъект истории. Станный получается тогда организм человечества. Только один орган – Европа – имеет ценность и выполняет важную функцию в человеческой истории. Остальные культуры с их особенностями не имеют для истории никакой ценности и не выполняют никакой собственной роли. Но это же противоречит самому понятию организма. И не согласуется с идеей об управлении мировой истории Богом.

И что же понимать под единым человечеством? Если понимать под таким человечеством христианскую церковь, как это трактовал Вл. Соловьев, то она уже тысячу лет разделена на католиков и православных. А в 16 веке возник еще и протестантизм во множестве своих проявлений. Де-факто единой вселенской христианской церкви мы не наблюдаем. Стало быть, и единого человечества *в этом смысле* нет.

Особенным нападкам подвергался у В. Соловьева национальный эгоизм и, прежде всего, национальный эгоизм России. Он предлагает даже принести в жертву этот национальный эгоизм. Но если буквально следовать такому желанию, то России надо забыть свои национальные интересы и сдаться на милость более сильного государства. Ибо борьба народов и государств, их соперничество – в той или иной форме – факт всемирной истории. Можно было пожертвовать страной и не бороться с монголо-татарским игмом. Но тогда бы не было нашей страны и ее культуры. Вл. Соловьев приводил в качестве примеров самопожертвования призвание варягов и реформы Петра. Однако тут о самопожертвовании можно говорить лишь в смысле жертвы национальным самодовольством и самомнением. А целью этих деяний было укрепление национального государства, то есть самый махровый национальный эгоизм. Защита христиан в Турции и православных в Польше приводились Вл. Соловьевым как пример подлинно христианской политики. Но почему же не пожертвовать этими людьми, раз уж мы решили идти по дорожке самопожертвования? Вл. Соловьев не допускал мысли, что за видимой заботой о единоверцах могут скрываться геополитические интересы национального российского государства. Слишком далека его мысль от земной реальности.

В настоящее время тот давний спор снова становится актуальным. Конфликт с Западом налицо. Пока, по большей части, – это геополитический конфликт, ибо Запад вторгается в сферу интересов России, стремится подчинить себе ее ближайшее окружение. Экономически же Россия привязана к Западу, как поставщик сырья в американской мир-системе. Поэтому пока рано говорить о подлинной

национальной самостоятельности России. Компрадорский капитализм высасывает из России все соки. Элита не чувствует связи с народом, с российской почвой. Как раз национального эгоизма, по нашему мнению, и не хватает ныне России. Нет достаточного осознания и защиты своих национальных интересов.

Все это плоды бездумного западничества, охватившего страну в 90-е годы. Произошел фактический отказ от своей самостоятельной внешней политики. Внутри страны под руководством западных экспертов проводились реформы, которые привели Россию к экономическому краху. Происходила активная вестернизация культуры, подражание западным образцам. Все это привело к культурному шквалу, духовной деградации и аномии. «Европейничанье», о котором писал Н. Я. Данилевский, превратилось у некоторых в откровенную русофобию. Плоды правления западников в России катастрофические.

Что касается Запада, то он уже не тот, что в 19 веке, во времена Вл. Соловьева и Н. Я. Данилевского. Произошла дехристианизация Запада, да и гуманистическая культура с ее ориентацией на высокое достоинство человека отходит в прошлое. Что может теперь предложить Запад с точки зрения ценностей? Разрушение традиционной семьи и нравственности, тоталитарный контроль над семьей, оголтелый индивидуализм, сомнительную «толерантность», постмодернизм с постправдой и постисторией. Похоже, что реализуется предсказание О.Шпенглера о «закате» Европы.

Бездумное подражание Западу в этих условиях – соучастие в его разложении. Но и отрицание всего, что идет с Запада – не конструктивно. Нужен самостоятельный разумный отбор западных веяний. Но, в первую очередь, необходимо самостоятельное духовное творчество. Можно даже сказать: что чтобы стать Западом, нужно прекратить подражать Западу. Ибо Запад рос за счет самостоятельного творчества.

Задача России сегодня: самосохранение и развитие в условиях конфликта с Западом. Для этого необходимо освобождение от бездумного западничества. Конфликт с Западом создает также возможность слома компрадорского капитализма и перехода к более жизнеспособной социально-экономической модели, без которой России не выжить. На наш взгляд, целесообразно консервативное отталкивание от современного Запада в культурной сфере. Сохранение, охранение, возрождение и развитие всего лучшего, что было в классической европейской, российской, советской культурах. Сохранение традиционной семьи и традиционных религий. В политике: твердое и гибкое отстаивание своих национальных интересов. Сохранение своей сферы влияния. Необходима перестройка социально-экономического строя в духе национально и социально ориентированной рыночной экономики.

Необходимо проводить политику «Русский мира». Это означает защиту русских и русскоязычных в соседних странах, распространение российской культуры вовне, содействие сохранению всех культур и языков внутри России и их плодотворному взаимодействию. В этой связи в вопросе об изучении нацио-

нальных языков в национальных республиках необходимо, как нам кажется, проводить политику компромисса. Принцип добровольности изучения сам по себе неплох, но может вызвать недовольство и конфликты. Поскольку многие языки являются государственными в национальных республиках, поэтому каждый учащийся должен освоить некий минимум знаний и умений по местному государственному языку. Для желающих должна быть предоставлена возможность более основательного изучения национального языка. Должна быть также предоставлена возможность изучения всех школьных предметов на национальном языке. Такой компромисс позволит остудить вспыхивающие уже страсти. Конфликт внутри России на национальной почве нам не нужен.

Вестернизация мешает нормальному воспроизводству российской культуры. В области образования мы видим череду реформ под кураторством Всемирного банка, которые ведут ко все большей деградации отечественного образования. Бездумное заимствование западных образцов в сочетании с российской бюрократической глупостью рождают чудовищные «новации» в образовании. Поскольку заподозрить реформаторов в неразумности было бы слишком невежливо, то остается трактовать эти реформы как сознательную диверсию против российского образования. Фронт борьбы за российскую культуру, Русский мир, Россию пролегал сегодня, во многом, в сфере образования.

Е. Б. Вознюк / E. B. Voznyuk*

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
(SOCIO-CULTURAL PROCESSES OF GLOBALIZATION)**

Аннотация. В статье даются характеристики таких социокультурных процессов современного мира, как унификация, гомогенизация и гетерогенизация. Автор рассматривает вызовы, брошенные глобализацией российскому обществу, а также выявляет возможности, открываемые данным процессом, для развития и взаимообогащения культур.

Ключевые слова: глобализация, унификация, гомогенизация, гетерогенизация, культура.

Abstract. In article the characteristics of these socio-cultural processes of the modern world as standardization, homogenization and heterogenization are given. The author considers the challenges posed by globalization to Russian society and also identifies the opportunities offered by this process for development and mutual enrichment of cultures.

Keywords: globalization, standardization, homogenization, heterogenization, culture.

Одной из наиболее обсуждаемых в обществе проблем начала третьего тысячелетия является проблема глобализации. Обилие публикаций и подходов свидетельствует о практической актуальности поднимаемых вопросов, сложности и многообразия этого феномена.

Глобализация представляет собой многоликий процесс, действие которого затрагивает все сферы общественной жизни. Изначально возникшая в экономической сфере, она постепенно охватила все области человеческой жизнедеятельности.

Особой темой в полемике по вопросам глобализации является судьба национальных и этнических культур. Анализ литературы показал, что процессы, порождаемые глобализацией в социокультурной сфере, носят неоднозначный характер, приобретая как позитивные, так и негативные черты. Однако большинство исследователей в области социокультурного измерения глобализации, оценивают ее как феномен, несущий в себе ряд отрицательных смыслов. Так, глобализацию часто связывают с унификацией культур, рассматривают ее как реальную угрозу культурному многообразию. Несмотря на то, что в процессе глобализации принимают участие все передовые в политическом, экономическом и финансовом смысле страны, считается, что покровителем этого процесса являет-

* Елена Борисовна Вознюк, канд. культурологии, Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова (Барнаул, Россия). E-mail: liina_06@mail.ru.

ся США. Очевидно, что последние десятилетия демонстрируют интенсивное насыщение культурного пространства разных стран образами и ценностями американской массовой культуры.

В свою очередь многие исследователи говорят о массовой культуре как о квазикультуре, как о некоем заменителе, рассчитанном на удовлетворение невзыскательных вкусов плохо образованной части населения. Своей популярности современная массовая культура обязана широкому развитию средств массовой информации, которые продуцируют стереотипы желаемого для человека, создают готовые образцы стиля жизни и мировоззренческих установок людей.

Если в некоторых сферах общественной жизни (например, промышленности) унификация может выступать наиболее оптимальным способом решения отдельных проблем, то в области культуры она чревата деструктивными последствиями. Ю.В. Яковец, говоря о тенденции «современной модели глобализации» к унификации цивилизаций, проявляющейся в разных измерениях, считает социокультурную унификацию «самой опасной для судьбы цивилизаций, поскольку социокультурное ядро определяет их генотип, сущность и особенности» [1, с. 30]. С его точки зрения, утрата национального социокультурного разнообразия резко бы снизила жизнеспособность всего человечества. Разделяя мнение исследователя, мы полагаем, что нарастание единообразия опасно превращением этносов, народов и наций в «серую массу», в податливый биомассив, в котором стираются все национально-культурные различия.

Современные российские реалии не являются исключением из указанных процессов. Глобализация несёт потенциальную опасность для России, заключающуюся в возможности постепенной утраты своей национальной идентичности и превращения в один из безликих элементов гомогенного мира.

Наиболее непримиримые противники глобализации называют в качестве ее последствий угрозу национальной безопасности, падение уровня морали, деградацию общественного сознания. Они считают, что участие России в построении единого мирового сверхгосударства противоречит ее исторической миссии, условием которой является возврат к традиционным принципам национального бытия.

А.П. Марков в числе угроз глобализации, брошенных непосредственно «русскому миру», называет также экспансию западного антропологического проекта и культурную аномию [2].

Экспансия западного антропологического проекта предполагает, с точки зрения исследователя, активное внедрение в массовое сознание исторически чуждых народам России жизненных стратегий, в результате чего «разрушаются этос и ментальные матрицы культуры, девальвируются фундаментальные нравственные императивы и константы, лежащие в основе генотипа духовности русской цивилизации» [2, с. 56].

Термином «культурная аномия» исследователь обозначает ситуацию нарастающего хаоса, вызванного упадком структур нормативного регулирования и

разрушением социальных норм и образцов поведения. Он определяет аномию как «состояние общества, в котором культура не способна выполнять существенные функции социальной регуляции, национальной консолидации и духовно-нравственного самоопределения человека» [2, с. 64]. В этих условиях активно утверждает себя идеология нравственного произвола и вседозволенности. «Аномия разрушает механизмы социальной солидарности, ослабляя связи человека с обществом, ведет к утрате смысла жизни, провоцирует рост преступности и отклоняющихся форм поведения» [2].

Однако тотальный негативизм в обсуждении глобализационной тематики создает угрозу исследованию ввиду полного невнимания к положительным характеристикам предмета. Несмотря на то, что глобализация порождает негативные социокультурные процессы, она одновременно открывает широкие возможности для доступа к духовной культуре разных народов.

В настоящее время благодаря компьютерным технологиям пределы культурного пространства, которые может постичь современный человек, широко раздвинулись. В этом смысле неоспоримо положительное значение тех возможностей, которые сегодня дает человеку глобальная сеть Интернет. Например, это может быть посещение виртуальных библиотек, фонотек, кинотек, благодаря чему мировые творения, преодолевая пространственные и временные барьеры, стали доступными для миллионов людей, находящихся в различных концах планеты. Современный человек в режиме on-line может познакомиться с целой совокупностью инокультурных артефактов.

В настоящее время информационно-коммуникативные системы играют важную роль в сохранении культурного наследия этнических общностей. «На расширение информационных потоков, репрезентирующих культуру в сетевом киберпространстве, указывают исследователи многих стран, подчеркивающие особую роль в этом процессе программ и проектов, таких как «Новые информационные технологии», «Электронные публикации, книги и архивы» и др., создания и поддержки специальных сайтов в Интернете, включения проблем выстраивания специализированных культурных сетей в задачи культурной политики. Развитие информационно-коммуникативного пространства рассматривается как дополнительный канал для сохранения и распространения культурного наследия, как стратегическая цель культурной политики разных сообществ. Во многом благодаря Интернету, компьютерным каналам, аудиовизуальной технике записи и воспроизведения символической информации удалось включить в современный культурный контекст язык, ритуалы, традиции этнических культур, умирающих под натиском цивилизации. Конечно, при этом возникает вопрос о точности «перевода», о специфике передачи особенностей этнического сознания, ментальности, духовного мира и т.п. И все же, несмотря на вопросы и проблемы, думается, что перспективы бытования этнической культуры в медиапространстве очевидны. И это мощный шаг вперед, особенно по сравнению с перспективой стандартизации, забвения и гибели культуры» [3, с. 66].

Следует также сказать, что не все исследователи разделяют пессимизм по поводу унификации культур. Например, А. Среберни отмечает, что ключевой проблемой современного глобального взаимодействия выступает конфликт между склонностью к гомогенизации культуры и ее гетерогенизацией [4, с. 305]. Парадоксом культурной глобализации является то, что культурные различия в ряде случаев стали выраженными в гораздо большей степени, чем прежде. Препятствуя глобализационным процессам, многие страны стараются сберечь самобытность своих культурных традиций. По мнению Дж. Бхагвати, подъем мультикультурализма и гордости за свою этническую принадлежность – современные явления, которые в какой-то степени опровергают мрачные предсказания «глобальных пессимистов» [5, с. 148].

В силу возросшей открытости мира носители разных национальных и этнических культур получают более ясное представление друг о друге. Это обстоятельство способствует избавлению от некоторых заблуждений относительно преимуществ чужеродного образа жизни, позволяет с гораздо большей трезвостью увидеть изъяны тех инокультурных моделей, которые еще совсем недавно считались эталоном для подражания.

Итак, мы видим, что современный мир достаточно сложен и противоречив, и процессы, порождаемые глобализацией в социокультурной сфере, носят неоднозначный характер.

В настоящее время происходит экстраполяция по всему миру унифицированной культуры западного типа, чему в значительной мере способствуют средства массовой коммуникации. Многие исследователи выражают серьезные опасения по поводу того, что американская лавина погребет под собой все прочие культуры. В определенном отношении эти опасения являются справедливыми, ведь распространение одних и тех же ценностей по всему миру чревато нарастанием единообразия и разрывом у значительной части населения связи со своим культурным прошлым.

Однако мрачные прогнозы глобальных «пессимистов» отчасти опровергаются тем, что в ряде случаев культурные различия становятся гораздо более выраженными, чем раньше. Препятствуя глобализационным процессам, отдельные страны пытаются сохранить своеобразие собственной культуры и традиционных ценностей.

Кроме того, техническая оснащенность разных стран в значительной мере расширяет каналы их взаимодействия. Широкое распространение информационных технологий привело к тому, что пространство больше не может служить серьезной помехой на пути к межкультурному общению. Это обстоятельство создает основу для широкого доступа к информации, а также обмену знаниями и опытом.

Судя по всему, процесс глобализации стал уже некоторой исторической неизбежностью, несущей для России не только опасности, но и преимущества. Действительно, глобализация имеет множество привлекательных сторон. Это и

беспрепятственные межкультурные обмены, и возможность свободного перемещения по Земле, и доступ к достижениям любых стран и народов. Нам представляется, что всё это открывает перед взаимообогащением культур большие возможности. В конце концов, глобализация – это всего лишь инструмент, и речь идет о том, какие цели она будет преследовать и как реализовываться.

Библиографический список

1. Яковец, Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций [Текст] / Ю. В. Яковец. – М.: Экономика, 2001. – 346 с.
2. Марков А. П. Русская цивилизация в глобальном мире: вызовы, угрозы, ресурсы преобразования [Текст] / А. П. Марков. – СПб.: СПбГУП, 2017. – 453 с. – (Новое в гуманитарных науках; Вып. 69. Электронное издание).
3. Кириллова, Н. Б. Многообразие культур в глобальном медиапространстве [Текст] / Н. Б. Кириллова // Известия Уральского государственного университета. – 2006. – № 47. – С. 58–68.
4. Среберни А. Глобализация и нация [Текст] / А. Среберни // Всемирный доклад по социальным наукам / П. Вагнер, Э. Валлерштейн, Де Браун и др. – 2002. – С. 304-310.
5. Бхагвати, Дж. В защиту глобализации [Текст] / Дж. Бхагвати; пер. с англ. под общ. ред. В. И. Иноземцева. – М.: Ладомир, 2005. – 448 с.

Л. В. Гернего / L. V. Gernego*

**ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
(GLOBALIZATION AND PROBLEMS OF THE RUSSIAN IDENTITY)**

Аннотация. Статья посвящена анализу одной из актуальных проблем современной России – кризису идентичности. В ней рассматривается влияние глобализации на идентичность в мире и в России. Обращаясь к судьбе российской цивилизации, автор выявляет её особенности, факторы формирования, проблемы, ставит цели и задачи для преодоления кризиса идентичности.

Ключевые слова: глобализация, модерн, вызов и ответ, евразийская цивилизация, менталитет, культура, национальная идея, локализация, постиндустриальное общество.

Abstract. The article is devoted to the analysis of one of the urgent problems of modern Russia - the identity crisis. It examines the impact of globalization on identity in the world and in Russia. Addressing the fate of the Russian civilization, the author reveals its features, factors of formation, problems, sets goals and objectives for overcoming the identity crisis.

Keywords: globalization, modern, challenge and response, Eurasian civilization, mentality, culture, national idea, localization, post-industrial society.

Трансформация современного общества, вызванная глобализацией, вновь актуализировала проблему идентичности. Одним из первых определение понятия «идентичность» дал Э. Эрикссон. В целом, он понимал его как процесс организации жизненного опыта в индивидуальное «Я», как «субъективное ощущение своей самотождественности» [1, с. 243-244].

На рубеже XX-XXI века в мире происходят глобальные перемены, ведущие к новой расстановке сил на мировой арене и кризису идентичности. В индустриальном обществе за последние два столетия доминировала западная цивилизация. Россия была единственной самостоятельной локальной цивилизацией, противостоящей Западу.

Однако, с конца XX века в мире начался переход индустриального общества в постиндустриальное в виде разных вариантов: первый- западно-американская модель, сделавшая заявку на создание однополюсного мира во главе с Западом; второй - восточная модель (Япония, Китай и др.), много берущая из экономики и технологий Запада, но сохраняющая свою национальную самобытность. Третий - евразийская модель во главе с Россией. Именно последняя сегодня переживает

* **Любовь Владимировна Гернего**, канд. социол. наук, доц., Забайкальский государственный университет (Чита, Россия). E-mail: lvgernego@bk.ru.

один из самых тяжёлых кризисов: сначала от неё отделились страны Варшавского договора, затем произошёл самороспуск СССР, далее – суверенизация его республик. Каковы же причины этому? По мнению Ю.В. Яковца на это существует несколько веских причин:

- исчерпание социалистической модели индустриального общества, которую осуществила Россия. С точки зрения Ю. В. Яковца СССР распался вовсе не из-за того, что потерпел поражение в холодной войне, как считают многие. А потому что разрядка, предпринятая по инициативе Советского Союза, ликвидация противостояния между двумя системами привели к уничтожению военной угрозы, объединяющей страны из-за страха уничтожения.

- ошибки в стратегии, в выборе дальнейшего направления развития. Вместо того, чтобы развивать постиндустриальную модель XXI века в России занялись реставрацией капитализма периода свободной конкуренции, что привело к паразитическому накоплению капитала, развитию теневой экономики, к росту преступности и обнищанию населения.

- разрыв отношений между частями единой некогда цивилизации, в распаде СЭВ, СССР, что значительно её ослабило и сделало желанным объектом присвоения для агрессивных стран [2, с. 38-50].

Современная актуализация идентичности вызвана также кризисом базовых ценностей эпохи модерна. Глобализация в XX в. усилила напряжение между универсальным, локальным и индивидуальным. С одной стороны, нарастают объединяющие тенденции: распространение средств связи, транспорта, СМИ; глобализация рынков, финансов, производства. Объединяются и глобальные проблемы: экологические, демографические и прочие риски и угрозы. С другой стороны, углубляется индивидуализация человеческих сообществ: разрушаются не только остатки традиционной общины, но и другие формы человеческой общности, например, семья и профессиональные объединения.

Для этих процессов имеются объективные социально-экономические причины. Развитие информационных технологий, средств связи и транспорта, формирование глобальных информационных сетей способствуют экономической глобализации, появлению глобального финансового рынка и превращению корпораций в транснациональные.

XX в. сделал обыденным явлением неустойчивость положения человека и его образа как в собственных глазах, так и для других. Мало того, что социальный и культурный динамизм не гарантируют человеку ни места в обществе, ни устойчивого представления о самом себе, так ещё и ощущается человеком такое состояние как крушение и полная катастрофа.

Современный человек испытывает чувство неуверенности в завтрашнем дне, вызываемое постоянными переменами в темпе и ритмах жизни, он не может воспринимать естественным ни одно из тех мест, которое он занимает в мире.

Одним из факторов, вызывающих кризис идентичности, является пронизанность современной жизни техникой. Техника, с одной стороны, упрощает взаи-

модействия человека с окружающим миром, а с другой усложняет их, фрагментирует на разные зоны технического освоения, что одновременно фрагментирует и образ мира. Весь стиль современной жизни способствует распадению образа человека.

Проблема идентичности - коренная проблема не только человека, но и любой культуры. Ее суть состоит в самоосознании своих основ, своих базовых ценностей. Эта проблема обостряется во время кризисов и радикальных трансформаций. Особенно остро вопрос кризиса идентичности стоит в России, т.к. она потерпела поражение в холодной войне. До революции общим механизмом объединения отечества выступали государство и религия. Причем церковь была подчинена государству, оно выступало гарантом веры. В России государство замещало собственно цивилизационные основы регуляции. Бюрократическая империя была заменой и носителем нормативного и иерархического порядка, объединявшей разнородный конгломерат социальных, этнических, религиозных, культурных образований. Она же была и основанием идентичности России.

В России постоянно шёл поиск идей, принципов, ценностей, объединяющих страну и преодолевающих её сложность и противоречивость. Существовали две основные тенденции. Первая - распространение русской культуры как носительницы общечеловеческих ценностей. Её носителем был русский язык, выполнявший роль официального языка государства и средства межнационального общения. Вторая тенденция - признание православия «всечеловеческой» религией, воплощающей принципы всеобщего братства.

Однако, это не привело к настоящему единению страны. Как православие из-за своей привязанности к самодержавию, так и государство, в силу своей принудительности, не могли стать устойчивой основой консолидации и идентификации России. Поэтому геополитические потрясения России в 1917 - 1919 гг., а затем СССР - в 1991 - 1993 гг. - привели к варваризации геокультурного пространства государства, к кризису идентичности, как россиян, так и самой страны [3].

Сегодня в нашей стране изменились все системообразующие основания идентичности, что привело к возрождению идентичности по национальному или религиозному признаку. В России сложный процесс трансформации идет в условиях не только социально-экономических перемен, но и кризиса ценностных оснований бытия.

Поиск идентичности России затруднен многими обстоятельствами: ее многоэтничностью, многоконфессиональностью, евразийским географическим положением, изменившимся мировым статусом, актуализацией проблем социальной, государственной, цивилизационной, других идентичностей.

Трудности России, кроме всего прочего, обусловлены не только внутрисистемными обстоятельствами. Современная мировая цивилизация завершила 2-е тысячелетие с серьезными глобальными проблемами — вызовами. Это, прежде всего, экологический кризис, демографические проблемы, возрастание разрыва

между бедными и богатыми странами, разжигание войн для получения доступа к ресурсам, кризис самосознания и человеческой мысли вообще, глобализация мира на основе капиталистических отношений по американской модели.

Фактором, усложняющим понимание Россией ее идентичности, является повторяющаяся война со своей прошлой историей. Честному анализу прошлого и настоящего России мешает привычка искать виноватых не у себя, а где-то на стороне. Цивилизационная специфика России связана с тем, что, во-первых, она ещё в X веке приняла византийский вариант христианства, чем навсегда противопоставила себя Западу, а во-вторых, начиная с эпохи Петра I, она встала на путь «догоняющей модернизации». И с тех самых пор идут неутихающие споры о специфике России, что, несомненно, говорит о «незавершенности ее идентичности».

Обычно цивилизационная идентичность является результатом взаимодействия тех религий, этносов, ментальности, экономической жизни, образовательных систем, технологических достижений, которые определяют поведение людей и восприятие происходящего. Ядром цивилизационной идентичности выступают духовно-нравственные и религиозные ценности, которые формируются веками и меняются очень медленно. Вопрос об их сущности встает в самые сложные периоды истории, когда будущее народа оказывается под вопросом [4].

Какой же путь в постиндустриальное общество следует выбрать России в этот критический момент? По мнению Ю.В. Яковца существуют три основных пути:

1). Признание однополярного мира и западной модели развития. Но этот путь превратит Россию в сырьевой придаток Западу. В периоды мировых трансформаций меняются и центры творческого лидерства. А поэтому характер нового постиндустриального идеационального (по П. Сорокину) строя ярче проявляется в Японии, Сингапуре, чем в США. И предпосылки для возникновения интегрального строя преобладают именно в России – низкое материальное благосостояние, наличие большого интеллектуального потенциала. Это стимулирует поиск идей, открытий, способных преобразить мир.

2). Становление России лидером новой модели цивилизационного развития. Этот путь опирается на идею исключительной роли России в формировании будущего общества. Основные преимущества России лежат не в экономике и технологиях, а в системе духовных ценностей, приобретающих важную роль в постиндустриальном обществе. Чтобы укрепить свой статус в мире Россия должна реализовать эти преимущества. Однако, провал социалистического эксперимента подорвал силы и авторитет России в мире и осуществить такую миссию вряд ли возможно.

3). Остаётся только третий путь – реализация стратегии прорыва, «не догоняя, обгоняя» другие страны. Россия ещё имеет шансы для движения по постиндустриальному пути, к паритету между цивилизациями. Опора для такого движения видится не в производстве или природных ресурсах, а исключительно

– в русском народе, которой за всю свою историю неоднократно выходил из самых тупиковых ситуаций, имея образованное население, интеллектуальную базу и непокорный менталитет [2, с. 44-51].

Перед Россией встают непростые цели и задачи: во-первых, необходимо сформировать новый смысл российской идентичности, отвечающий потребностям современного мира. При этом необходимыми источниками самосознания должны стать обращение к урокам истории и анализ современных процессов.

Важной составляющей социальной идентичности граждан должно стать экономическое самоопределение России, которое предполагает развитие экономики, не привязанной к мировому рынку нефти и газа, а основанной на развитии наукоемкого производства и постиндустриальных технологиях. Без этого Россия не войдет в число стран, генерирующих идеи и технологии, и станет страной «третьего эшелона».

Во-вторых, важно определить стратегические цели российского общества, учитывающие ее национальную специфику, историю и менталитет. Эти стратегические цели должны проложить мост между прошлым и будущим, объединить россиян во имя будущего России.

В-третьих, необходимо на государственном уровне разработать целенаправленную демографическую политику по увеличению численности населения нашей страны. В-четвертых, Россия должна найти ответ на вызов глобализации, ни не ценой утраты самобытности, а поиском альтернативного пути. Глобализация может проявляться в разных формах: в виде локализации (когда глобальная культура принимается с существенными местными видоизменениями), гибридизации (намеренных попыток синтеза иностранных и местных культурных особенностей), «управляемой глобализации» (при которой правительства некоторых стран стремятся держать ее под контролем).

Эти варианты глобализации говорят о возможности альтернативных моделей современности, все зависит от творческих и изобретательских способностей народов и их культур, от их стремления к разумному приспособлению [5]. В-пятых, необходимо обрести новую идеологию для постсоветской России. Это невозможно без формулирования тех идей, которые «витают» в обществе. Существуют много разных вариантов национальной идеи для современной России. Экономисты предлагают методологию «альтернативной экономики» [6], часть гуманитариев считают, что национальную идею нужно просто «вспомнить». И состоит она в выполнении своей исторической роли третьего Рима - защитника подлинных христианских ценностей, удерживающих мир от физической и духовной гибели [7].

Бесспорно одно – национальная идея должна выражать главные культурно-исторические потребности народа. Ещё В.В. Ильин указывал на одну из таких важных потребностей: «Перспективы России стоит связывать с восстановлением её статуса империи» [8, с. 276-278], прежде всего, в целях сохранения целостности Евразии для России. Недостатки всех империй проявляются в сложности со-

блюдения интересов разных этнических групп в сочетании с демократией, что закономерно приводит к национализму, сепаратизму, отчуждению и отделению частей от целого.

Главной задачей государства становится сохранение равновесия между властью и народом. Существует две возможности достижения равновесия:

- 1). развал империи в целях интересов нации;
- 2). укрепление империи в тех же интересах. Для России приемлем второй вариант- восстановление своей империи при гармонизации взаимодействия народа и государства в рамках нации [9, с. 161].

Сегодня Россия находится на новом «изломе» своей исторической судьбы. И, в любом случае, она должна обязательно найти Ответы на все Вызовы современности. Опираясь на знание своей истории, она просто обязана предложить проект достойного будущего.

Библиографический список

1. Белинская, Е. П, Тихомандрицкая О. А. Социальная психология личности / Е. П. Белинская, О. А. Тихомандрицкая. – Москва: Аспект Пресс, 2001.
2. Яковец, Ю. В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций / Ю. В. Яковец. – М.: Экономика, 2001.
3. Ерасов, Б. С. Социокультурная методология анализа российского общества: теоретический семинар / Б. С. Ерасов. – М.: Рубежи. – 1997. - №5.
4. Глобализация и перспективы современной цивилизации. М., 2005.
5. Многоликая глобализация / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 379 с.
6. Сабинин, В, Ковалёв, С. О будущем России / В. Сабинин, С. Ковалёв // Стратегия России. – 2018. – № 8(176). – С. 37-47.
7. Куркин, Б. А. Миссия России – удерживать мир / Б.А. Куркин // Стратегия России. – 2018. – № 6 (174). – С. 51-61.
8. Ильин, В. В. Философия истории / В.В. Ильин. – М., 2003.
9. Егоров, В. К. Философия русской культуры / В. К. Егоров. – Изд-во РАГС, 2006.

А. А. Гусева, Б. П. Гусев / A. A. Guseva, B. P. Gusev*
СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА КАК САМОБЫТНАЯ ЯЧЕЙКА РУССКОГО МИРА
(RURAL COMMUNITY AS AN ORIGINAL UNIT OF THE RUSSIAN WORLD)

Аннотация. В статье идет речь о сельской общине как самобытной ячейке русского общества; о ее зависимости от различных этапов русской истории. Главное внимание уделено месту общины в формационной теории К. Маркса.

Ключевые слова: мир, семья, община хлебопашественная, сельская община, русская община, крестьянский мир.

Abstract. The article deals with the rural community as the original cell of Russian society; about its dependence on various stages of Russian history. It focuses on the place of the community in the formation theory of K. Marx.

Keywords: world, family, community, arable farming rural community, the Russian community, the peasant world.

Категория “русский мир” имеет многозначную и многообразную по содержанию наполняемость. В истории отечественной мысли ее дополняют многочисленные синонимичные по своей сути понятия: “семья”, “община хлебопашественная”, “сельская община”, “мир”, “русская община”, “крестьянский мир” и т.п. Без знания их исторических нюансов и оттенков не всегда можно понять, о чем идет речь и в чем их различие. Где начало того, что мы сегодня называем “русский мир”? Отсюда наш интерес к более чем двухсотлетнему спору славянофилов и западников о путях социоэкономического развития России. Возникнув в XIX веке, он продолжается до сегодняшнего дня: то вдруг уходит в забвение, то без всякой преемственности возрождается в новых исторических условиях с новыми фигурантами. В предложенной для читателя статье, мы обратились к родоначальнику исследований первичной древности славян – А. С. Хомякову; к переписке В. И. Засулич и К. Маркса о судьбе русской общины.

В “Семирамиде” Хомяков сельскую общину называет “семьей”, когда хочет подчеркнуть наличие тесных связей родоплеменной организации общества самых ранних, как их назвал Маркс, первичных общин. До понятия “сельская община” в общественном сознании Руси и России преобладающим было понятие “мир”. Так, собрания односельчан назывались “мирской сходкой”. На них обсуждались всем миром и принимались правовые, нравственные и другие реше-

* Алла Александровна Гусева, канд. филос. наук, доц., Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова (Барнаул, Россия); Борис Павлович Гусев, канд. филос. наук, доц., Алтайский государственный аграрный университет (Барнаул, Россия). E-mail: bor-gusbox@gmail.com.

ния. Распределение земельных наделов так же было мирской функцией. “Община хлебопашественная, утверждал Хомяков, очевидно всех лучше устраивается, и, по-видимому, всех полезнее [1, с. 127].

В XVIII веке в русской литературе появилось новое понятие “сельская община”. В 50-х годах XIX - го века по свидетельству русского историка В. О. Ключевского [2, с. 240] в обществе состоялась дискуссия о происхождении сельской общины. Спор приобрел идеологический характер. Революционное крыло - западники - утверждали, что сельская община существовала на Руси между XVI и последней четвертью века XVIII. Консерваторы в лице Хомякова, лидера славянофилов, сельскую общину считали исконным явлением русской жизни. Земельное хлебопашество считали самым гениальным изобретением народа.

Но западникам идеологически выгодно было ограничить существование общин двумя веками истории, когда сельский мир почти сошел на нет, распался под давлением внешних обстоятельств; когда крестьяне, лишившись поддержки мира, оказались в крайне бедственном положении. Жесткая эксплуатация крестьянского труда со стороны государства, монастырей и помещиков в условиях узаконенного крепостничества, неурожайные годы, голод надолго сохранились в народной памяти.

Переложив ответственность за бедственное положение крестьян на сельскую общину и на ее защитников - славянофилов, западники обвинили последних в предательстве интересов крестьянской массы. Тем самым легко привлекли на свою сторону общественное мнение; и создали отрицательный образ славянофилов – действительно настоящих защитников крестьян.

Наконец, отмена крепостного права состоялась. К несчастью, она подтвердила опасения Хомякова. Реформа позволила помещикам и дворянам ограбить крестьян, присвоив большую часть крестьянских наделов. А государство за оставшиеся “отрезки земли” потребовали выкуп, назначив очень высокую цену, подтолкнув свободное крестьянство к пролетариату. Освобожденные от земли крестьяне оказались в положении узаконенного социально-правового угнетения. Но инстинкт земледельца и жажда выживания звали к привычному труду. Навыки и привычки, воспитанные ранее в сельской общине, легли в основу новых социальных образований. Там, где крестьяне объединяли оставшиеся “углы” в коллективную собственность, формировалась качественно новая община. Россия продолжала оставаться аграрной страной. И вопрос о ее историческом пути по-прежнему был на повестке дня.

В новых исторических условиях первая волна движения славянофилов спала. На освободившейся идеологической площадке появилось множество общественных организаций. Всех волновала судьба крестьянства. Мы остановимся на движении народников. Они ближе всех партий подошли к крестьянской судьбе. Ярким представителем первой волны народников была В. И. Засулич. В прошлом убежденная террористка, пересматривает свои взгляды на характер революционной деятельности, вступает в “Народную волю”. Она - литератор и фило-

соф, партийный и общественный деятель. В ней кипит революционный дух. Освобождение крестьян от собственности она рассматривает как драму и трагедию социально-экономического положения крестьян. Она убеждена: из-за того, что “волю дали, а хлеб забрали”, государство обрекло крестьян на нищету, вымирание или пролетарство.

Чтобы быть ближе к народу и понять психологию крестьянина, Засулич делает “выход в народ” (1874). “Изучая крестьянский мир, она открывает как бы заново землепашескую организацию и дает ей название “русская община”. К сожалению, никакой теоретической преемственности уже не могло быть. После смерти Хомякова (1860) и большинства его соратников их теоретические и научные изыскания окружены молчанием, сознательно замалчивались. Кроме того, Засулич изучает другую общину. Не дореформенную из крепостных крестьян, а общину, объединяющую крестьян свободных. Главным достоинством русской общины она называет коллективную собственность на землю, индивидуальный труд и гармоничный, нравственный уклад крестьянской жизни. Она указывала на те же этические признаки, что и Хомяков: внутри русской общины все товарищи и пайщики объединены взаимной и всеобщей пользой. В общинной гармонии ей виделся образ русского крестьянского социализма. Подобно Хомякову общину воспринимала “как училище” добра, ума и специфической русской души.

В отличие от Хомякова Засулич мечтала о революции. Но зная о кровопролитном характере революций в Европе, она настойчиво искала формы мирного перехода к социализму. Такой формой естественного мирного перехода к новой жизни ей видится русская община. Но после прочтения первого тома “Капитала” ее ум испытывает смятение: если по пути к социализму все страны с неизбежностью пройдут этап капитализма, то возможности мирной русской общины становятся иллюзорными.

От имени товарищей народовольцев в 1881 году она обращается письмом к К.Марксу, чтобы выяснить: капитализм для России неизбежность или у России может быть самобытный путь? В ответном письме Маркса можно выделить два момента. Первый: в “Капитале” формационное учение ограничено четкими территориальными рамками - Англией и странами Западной Европы. Но это не исключает распространения капитализма в глобальном масштабе. Второй: при переходе капитализма во всех странах Западной Европы, частная собственность, основанная на личном труде, вытесняется капиталистической частной собственностью, основанной на эксплуатации наемного труда.

В русской же общине наоборот, пришлось бы превратить общую собственность в собственность частную. По мнению Маркса, при определенных условиях община могла бы являться точкой опоры социального возрождения России. Однако, для того, чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон; а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития. В набросках к

письму Маркс предупреждает российских народовольцев от подстерегающих их ошибок. Ни в коем случае не доверять буржуазным авторам, которые утверждают, что согласно экономическим законам общины как таковые не состоятельны и не жизнеспособны. Он называет Г. Мейна, ученого, сотрудничающего с английским правительством, уверявшего общественность, что благородные усилия английского правительства сохранить в Индии общину, разбились о стихийную силу экономических законов. На самом деле англичане насильственно разрушали индийские общины. Община в Индии умерла не своей смертью.

Письмо и четыре наброска к письму Маркса к Засулич [3, с. 400-421] содержат огромную методологическую и практическую ценность. К сожалению народовольцы не смогли ознакомиться с рекомендациями классика формационной теории. В России письмо и наброски впервые были напечатаны в 1924 году. Некоторое время Засулич сотрудничала с В. И. Лениным. Ленин считал взгляды народников по аграрному вопросу в корне неверными [4, с. 306-307]. Засулич перешла к меньшевикам, не приняла Октябрьской революции; оставалась верной идее мирного пути развития России. Засулич умерла в 1919 году. Прошло сто лет. А крестьянский вопрос снова на повестке дня. Но уже в новых исторических условиях.

Аграрии и гуманитарии, ученые и практики Алтайского края серьезно озабочены жизнью крестьянского мира. Хорошую заявку для дальнейших исследований сделала кафедра философии АГАУ. В 2013 г. Иванов А.В. и Журавлева С.М. в Вестнике АГАУ опубликовали статью “Крестьянский мир как особый тип хозяйствования и образа жизни” [5, с. 126-129]. На февральской очередной международной научной конференции 2019 года “Аграрная наука - сельскому хозяйству” наряду с научным анализом состояния и перспектив алтайского села весьма широко была представлена тема, связанная с гуманитаризацией сельского труда, ролью гуманитарной составляющей в аграрном секторе. В докладах крестьянский мир был обоснованно назван локомотивом сельскохозяйственной экономики, воспроизводства человека и природы, а также как среды формирования гармоничных социальных отношений. Крестьянский мир представлен с его достоинствами и неустроенностью современного быта и культурной инфраструктуры (материалы находятся в печати).

Библиографический список

1. Хомяков, А. С. О сельской общине // Хомяков, А. С., Киреевский, И. В. Избр. соч. – М.: РОССПЭН, 2010.
2. Ключевский, В. О. О русской истории / В. О. Ключевский. – М.: Просвещение, 1993.
3. Маркс, К. Наброски ответа на письмо к В. И. Засулич / Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч., 2-ое изд. Т. 19. – М.: Госиздат полит. лит., 1961.
4. Ленин, В. И. Сущность аграрного вопроса / Ленин, В. И. Полное собрание сочинений, 2-ое изд. Т. 21. – М.: Госиздат полит. лит., 1961.
5. Иванов, А. В., Журавлева, С. М. Крестьянский мир как особый тип хозяйствования и образа жизни / А. В. Иванов, С. М. Журавлева // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2013. – №8 (106).

И. В. Демин / I. V. Demin*

**ДЕГРАДАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ РУССКОГО МИРА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
(THE DEGRADATION OF THE VALUES OF THE RUSSIAN WORLD
IN MODERN RUSSIA)**

Аннотация. Автор показывает фундаментальные ценности Русского мира как особого культурно-цивилизационного пространства и их деградацию в современной России. Через всю аксиологию Русского мира проходит идея целостности, подвергающаяся в сегодняшнем российском обществе радикальной деструкции. Доказывается, что притягательность проекта «Русского мира» в глобализирующемся мире будет напрямую зависеть от реанимации классических ценностей русской идеи в самой России.

Ключевые слова: ценности, Русский мир, Абсолютное, соборность, цельное знание.

Abstract. The author demonstrates fundamental values of the Russian world as a special cultural and civilizational space and their degradation in modern Russia. The idea of integrity, nowadays destructing in Russian society, passes through all axiology of the Russian world. It is proved that the “Russian world’s” attraction will directly depend on the reanimation of the classical values of the Russian idea in Russia itself.

Keywords: values, Russian world, Absolute, Sobornost, integral knowledge.

Продвижение ценностей такого культурно-цивилизационного пространства, как Русский мир, в современном глобализирующемся мире не может не учитывать состояния этих самых ценностей в их источнике – России, которая, собственно говоря, вокруг концепции «Русского мира» желает сплотить не только постсоветское пространство, но и даже евразийскую цивилизацию. Если пытаться рассматривать Русский мир как некий цивилизационный проект наряду, к примеру, с проектом Pax Americana, то стоит понимать, что масштабы «мягкой силы» Pax Rossica напрямую зависят от степени жизнеспособности составляющих этот проект базисных ценностей, от степени их влияния и распространенности в самой России. Однако Россия и в своей внешней, но особенно в своей внутренней политике после крушения СССР избрала тот вектор развития, который в значительной степени демонтировал и продолжает демонтировать аутентичные базисные ценности Русского мира. Подражательно либеральный демон-

* **Иван Валериевич Демин**, старший преподаватель кафедры «Философия и социология», Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова (Барнаул, Россия). E-mail: IvanValDemin2012@mail.ru.

таж русских консервативных и социалистических установок социального бытия вызвал в 1990-е гг. острый кризис национальной самоидентификации, который не изжит до сих пор. При этом как раз от его разрешения зависит успешная модернизация страны в эпоху глобализации и конкуренции постиндустриальных экономик.

А. С. Панарин, осмысливая катастрофичность реформ России по лекалам либерального западничества, когда-то назвал один из возможных путей постсоветской российской истории «групповым и индивидуальным дезертирством» [3, с. 339-340]. Дезертирством, надо понимать, из своего цивилизационного проекта с его самобытностью, из Евразии, из эпохи Просвещения и т.д. В самом деле, устремившаяся в «демократическое сообщество» Россия, встав на магистральный путь общечеловеческого (читай – западного) развития в 1990-е гг., решила отказаться от созидательно-творческой роли по освоению «трудного пространства», заменив ее на импортированные с Запада гедонистически-потребительские императивы позднего капитализма эпохи постмодерна. Только как это всегда было в русской истории, импорт по-максималистски радикальный, с болезненным манкуртизмом избавляющийся от своего прошлого: не получилось «светлого будущего» коммунизма, так построим «изобильное настоящее» капитализма. «Изобильное настоящее» в каком-то смысле состоялось, но лишь для узкой группы выигравших от «дезертирства» из Русского мира «успешников». С начала 2000-х гг. появилась тенденция к исправлению ситуации, преимущественно в сфере внешней политики, но при этом внутривнутриполитическая атмосфера в стране, несмотря на широко пропагандируемые консервативные идеологемы, по-прежнему находится под весомым контролем весьма антирусских доминант. Вот почему так важно снова артикулировать базисные ценности проекта Русского мира и затем показать, как они деградируют в современной России. Без этого невозможны ни успешный инновационный рывок самой России в XXI столетии, ни ее притягательность как интегратора евразийского пространства для республик бывшего СССР. Более того, как мне представляется, как раз эти республики, в частности государства центрально-азиатского Востока, в состоянии стимулировать российскую историческую память, не давая ей полностью освободиться от собственной идентичности в условиях выравнивающей культуры западной глобализации.

Ценности Русского мира исторически манифестировались в многообразных смыслах русской идеи. Одним из ее главнейших смысловых оттенков всегда являлось стремление человека к Абсолютному. Человек трансцендирующий и метафизический фундамент его индивидуального и социального бытия выступают здесь как защитная аксиологическая ценность против торжества всякой «автономной поверхности», сегодня – против антисубстанциализма постмодерна. Данная ценность в истории русской мысли выражалась в подчеркнутой синтетичности русского мировоззрения. Ее демонстрировали, в противовес дробящему реальности, аналитическому видению на Западе, представители и идеализма

(включая сюда даже и крайний мистицизм), и материализма. В религиозно-философском ключе это стремление к Абсолютному воплотилось, например, в эсхатологичности и мессианизме русского духа – в непрерывном поиске конечного и совершенного состояния мира и человека, в том поиске, в котором Россия, как думалось по замыслу Творца, отводилось исключительно важное значение. Россия в этом мировоззрении – удерживающая мир от зла, выполняющая религиозно-метафизические задачи. В идее всеединства и утопии всемирной теократии В. С. Соловьева особое предназначение России формулируется так: «Восстановить на земле верный образ Божественной Троицы» [4]. Сквозь эти христиански-утопические призывы звучит самое главное – искание Абсолютного в форме «вселенской правды» (В. Иванов) и признание за свойство русской души «всемирной отзывчивости» (Ф. М. Достоевский). И даже у Н. Я. Данилевского, в чьей историософии сильны ноты не общечеловеческие, а партикуляристские, за славянским культурно-историческим типом тоже остается призвание удержания Абсолютного в целостности и сохранности, правда, в виде акцентированной религиозной стороны культурной деятельности русских, что утверждает, скорее, не столько задачу всемирного объединения на основе «живой» религиозной истины, сколько более реалистичную охранительно-консервативную задачу России в мировой политике. Однако синтетическое мировоззрение русских имеет и научно-философское обрамление: русский космизм, учение о ноосфере В. И. Вернадского и глобальный эволюционизм Н. Н. Моисеева демонстрируют желание русских ученых решать не только сугубо научные проблемы, но и выходить на уровень судеб мира, – в построении такой картины динамики науки, которая бы объединяла в единое целое материальный и духовный прогресс человечества.

По всем признакам в современной России можно диагностировать где угасание, а где и кардинальный отказ от Абсолютного и синтетичности. Общество перешло от глобальных чаяний и сознания «всеосвобождающего конца» к обывательской «середине», и социальная жизнь существенно переместилась в плоскость повседневного, частного, где и царит «автономная поверхность». Метафизический эгоист, эмпирический человек, лишенный тяги к самоотдаче, жертве и согласию (всеединству), но зато принявший непомерно растущие потребительские запросы, – вот черты того типа человека, который, подобно всему остальному миру, процветает и в современной России. Он растворен в примитивной поверхностности досуга, нескончаемых развлечений, тотальном культе тела и моды, навязываемом зрелищным гедонизмом индустрии гламура и массовой культуры. Всё вместе это разнуздывает в человеке самые низменные желания и формирует самые низкопробные вкусы, уничтожающие культурные запреты и ответственное поведение личности в культуре. Можно сколь угодно долго и красноречиво рассуждать о русской культуре – в том числе «сверху» объявляя «годы» культуры, кино, литературы, театра и пр., – но пока человеческое сознание выброшено на поверхность и заражено непрекращающимся потоком еже-

дневно навязываемого «мусора» рекламы, дешевых развлечений и шоу-бизнеса, так же, как, впрочем, и любого информационного шума, ни о каком культурном ренессансе говорить не придется. Культура – это «глубина», и она существует тогда, когда этой «глубиной» живут, а не только ее декларируют. Сами по себе декларации, по-видимому, уже есть следствие падения культуры, переходящей из жизненной актуальности в разряд музейного «культурного наследия» нации.

Вторая ценность Русского мира проистекает из первой – из стремления к синтетичному мировоззрению. Спустившись с уровня метафизики бытия на ступень ниже – уровень метафизики *социального* бытия, мы получим следующую характерную особенность русской идеи, теперь уже в социальной онтологии, – это особого рода социоцентризм, находящийся за пределами контроверзы индивидуализма и коллективизма. Точнее, разрешающий эту контроверзу путем диалектического синтеза индивидуальной свободы и надындивидуальной целостности государства, традиции и коллектива, организующей социальное целое. В истории русской философии, бывшей всегда формой национального самосознания, он выражался в понятиях славянофильской «соборности», «коммюнитарности» (Н. А. Бердяев), «симфонической личности» у евразийцев. Отмечалось и русскими мыслителями, и иностранцами, что русский народ склонен психологически к солидарности, братству, совместным действиям, санкционируемым зачастую патерналистским государством. А это предполагало специфический тип человека, менее эгоистичного и не в пример западному индивидуалисту более кроткого, но без большого ущерба для индивидуальности и свободы личности. Хомяковское понятие соборности поэтому как единства многих индивидуальных лиц на основе общей любви к Богу и Божественной правде стало едва ли не ключевым для описания оригинальности русского миропонимания, концептуально завершая представление о непреходящей религиозности русского национального характера [2, с. 15-16]. При этом стоит отметить, конечно, что более широкое понимание данного явления выводит нас из узких религиозно-православных рамок, делая его инвариантом, русским архетипом, идущим с языческих времен и ярко воплотившимся в советской социалистической идеологии солидарности. Тем не менее, пройдя через всю русскую историю в практически неизменном виде, – не поменял ситуацию в этом вопросе и большевистский режим, многими обвинявшийся и обвиняемый в убийстве русских традиционных ценностей, – соборное начало распалось в постсоветской России.

Либеральные реформы 1990-х гг. нанесли сокрушительный удар по русскому соборному началу, породив крайне варварский нигилистический индивидуализм, становящийся в оппозицию к «большому» народу, «большой» семье, «большому» государству, империи и др. Повторяю, что, если относительно внешней политики с начала 2000-х гг. стала отмечаться противоположная благотворная тенденция по защите позиций Российского государства на международной арене, то в обществе кардинальные ментальные сдвиги постсоветской либеральной революции в значительной степени укореняются и донныне, стано-

ваясь нормальным режимом внутренней политики и социальной жизни. Новая Россия создала и нового русского человека. Каковы же его ценностные ориентиры? К сожалению, они далеки от искания социальной правды так же, как они далеки от искания Абсолютной правды и совершенного добра в нашем несовершенном и несправедливом мире.

В современной России нигилистический индивидуализм сопровождается неуклонным расширением сферы влияния буржуазных ценностей. В результате вещи начинают цениться больше людей, и сам человек судит о себе самом на манер вещизма: он ценен настолько, насколько он позиционирует и реализует себя в обществе как вещь, которая должна продаваться и покупаться. Естественно, неправильно считать, что этого не было раньше: у наших великих писателей XIX в. (у А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, А. Н. Островского и др.) мы встречаем колоссальные по нравственной глубине разоблачения буржуазных понятий и философии «золотого тельца». Всё дело в масштабах ценностных перемен: тогда обуржуазивание российского общества предвосхищалось, оно не было поголовным диагнозом в патриархальной, общинной России. Как говорится, великие гении чувствовали, что грядет эпоха, когда «вишневый сад» будет вырублен деловитыми лопачиными, и предостерегали. Потом Октябрьская революция начала XX в. на практике приостановила, «подморозила» этот процесс. И как раз нигилистический индивидуализм конца XX столетия придал ему поистине всеохватывающий размах, когда буржуазные оценки социальной жизни прижились в массовом сознании русских людей как нормальные и даже иногда – единственно возможные, связанные с вхождением в «цивилизованное общество» демократических государств.

Помимо оправдания буржуазных ценностей, нигилистический индивидуализм оправдывает исключительное, гипертрофированно автономное положение человека в обществе. Опять-таки вопреки идеалу русской классической литературы, всегда боровшейся с апологией человеческого своеволия в духе М. Штирнера или Ф. Ницше и защищавшей «маленького человека», в сегодняшнем российском обществе усиленно навязывается беспредельно антисоциальная «успешническая» идеология, в которой успех – не результат социально полезного труда и вклада в общее дело, а результирующий дивиденд от индивидуальной напористости, саморекламы и эффективного внешнего делания. Отсюда – ценность пресловутой социальной мобильности, становящейся синонимом беспочвенности и открыто заявляемого противостояния обществу. Распавшееся соборное начало не смогут всерьез и надолго собрать какие-то внешние, официозные мероприятия по демонстрации «социальной солидарности»: позитивное ощущение народом принадлежности к единому «Мы» начинается с взаимопомощи и сопереживания между друзьями, коллегами, семьями, другими малыми социальными группами, регионами внутри федерации; реанимировать же солидарность посредством проводимых по графику показательных «общенародных» акций и патристической риторики по меньшей мере близоруко. Большинство будет принимать

участие в подобных демонстрациях «солидарности» не по велению сердца, из присутствующей в сознании духовной потребности, а по соображениям политической конъюнктуры.

Перейдем к третьей – гносеологической – ценности цивилизационного проекта Русского мира. Она же – очень ценный компонент русской идеи. В Русском мире, подобно, кстати, Востоку, искони наличествовало взаимопроникновения истины и нравственности, благодаря чему человеку вменялось быть одновременно разумным и нравственным. Думается, что это вообще фундаментальная базисная ценность каждой цивилизации традиционалистского типа. В ней нравственное совершенствование – условие для постижения истины. В русской философии наиболее выпукло представил эту философею И. В. Киреевский, разработав идеал «цельного знания» в противовес одностороннему западному рационализму. От славянофилов он перешел в идейный багаж иных русских мыслителей, например, того же Соловьева, став для него способом преодоления расколотости человеческой жизни путем обретения такой полноты знания, которая позволяла бы совместить во Всеединстве ценности истины и добра. И впоследствии данный мотив повторялся в русской философии неоднократно: подчеркивалось, как, допустим, у И. А. Ильина, что на первом месте должно стоять не *формалистское*, а *живое* восприятие реальности, когда все сферы человеческого сознания (сердце, воля, ум) как бы дополняют, обогащают друг друга. И опять стоит отдельно подчеркнуть, что «цельное знание» – отнюдь не только религиозно окрашенный смысловой конструкт. По-своему он преломился в оригинальном отечественном феномене – дореволюционной русской интеллигенции, портрет которой был всесторонне проанализирован в знаменитых «Вехах». Русскому интеллигенту как непримиримому борцу за освобождение бедного народа были свойственны и воинствующий атеизм, и очень примитивный материализм, но в его революционно-освободительном пафосе обнаруживалась еще одна неизгладимая черта – сильнейший морализм, искренне «болевший» проблемами социальной неправды. В советской истории русской интеллигенции поменялись цели и мишени ее критики, но сущностная формула «знание + нравственность» осталась нетронутой. Не случайно, что Д. С. Лихачев в статье начала 1990-х гг. определяет русскую интеллигентность как «независимость мысли при европейском образовании» [1, с. 4]. Независимость мысли – это, как мне представляется, в первую очередь убеждения, которые личность способна мужественно отстаивать, руководствуясь не выгодой, а ценностями свободы и совести. А с этой точки зрения интеллигент – это, разумеется, не только образованный, знающий человек, профессионал в своей области, но и нравственно сильный, непродажный, имеющий аксиологический стержень, человек, с гражданской позицией и ответственностью перед другими людьми. Не раз отмечалось, что «интеллигент» в таком понимании разительно отличается от западного «интеллектуала». Последний – это именно профессионал, специалист, обладающий определенной квали-

фикацией, способствующей занятию им соответствующего места на рынке труда.

В принципе в настоящее время в России налицо – такое же доминирование интеллектуалов и экспертов, что является очевидным маркером разрушения идеала «цельного знания». Заметен переход в крайность отвлеченной рассудочности, инструментальной рациональности. Русская интеллигенция как уникальный отечественный феномен фактически не опознается, будучи подавленной бесчисленными дипломированными интеллектуалами. Они имеют какие-то знания, подтвержденные квалификацией, и продают их как товар. У интеллектуалов поэтому не может быть стойких *идеалов* – свидетельства нравственной зрелости и обеспокоенности сверхличными проблемами, но вполне могут быть индивидуальные *интересы*. Так немалая часть российского общества деградировала до голого прагматизма мотивационных установок, поставив во главу угла успех в материально-практической сфере бытия. Опаснейший знак – прагматизация системы образования, внедряющая в головы молодого поколения представление о необходимости только тех знаний, которые помогают личностному росту (читай – обогащению) и карьере. Прагматизация образования наносит невосполнимый урон подлинному личностному росту, перечеркивая многомерность человеческого существования и переводя образование из области духовной культуры в область рыночных инструментов. Этого неутешительного вывода в России придерживается практически всё научное сообщество, и тем не менее государство продолжает планомерно осуществлять в образовательных учреждениях печально известный компетентностный подход. Компетентностный подход, на мой взгляд, – это уже деградация не только традиционной русской модели «цельного знания», но и знаниевой парадигмы вообще. В то время как знание есть любопытствующий выход к реальности самой по себе (вспоминаются слова Аристотеля, о том, что философия начинается с удивления), компетенция – озаботившееся погружение в эрзац целостной реальности – однобокий материально-практический мир.

Вышеозначенные симптомы деградации русской идеи в современной России не стоит рассматривать как фатальный приговор: дело в том, что впадение в крайности, недооценка, как говорил Бердяев, «средней области культуры» – тоже по-своему характерная черта русскости. В этом свете и растворение в сфере частного и поверхностного, и нигилистический индивидуализм, равно как и специализация и прагматизация знания соответствуют крайностям отрицания, до которого легко доходит русский человек в своем максимализме. Однако для того чтобы бороться с деградацией фундаментальных ценностей Русского мира недостаточно одного только призыва к приданию русскому национальному характеру вводящей в границы формы. Нужны конкретные концептуальные и практические шаги с учетом настоящего времени, среди которых едва ли не решающее значение имеют следующие два. Во-первых, необходимо как никогда поддерживать дискредитируемое рынком гуманитарное образование – только оно в пре-

емственном просветительстве содействует передаче жизненно важных русских ценностей новым поколениям российских граждан, – а, во-вторых, по аналогии с евразийским движением 1920-х гг. имеет смысл всячески актуализировать лозунг «Назад к Востоку!», при этом, несомненно, избегая крайности фетишизации очередной идеи. Обращение (в том числе в социально-политической жизни) к базисным ценностям и опыту их практической реализации восточной традиционалистской цивилизации может позитивно сказаться на создании в России здоровой социокультурной атмосферы, при которой западные инновации нашли бы не противоречащее национально-цивилизационным традициям воплощение.

Библиографический список

1. Лихачев, Д. С. О русской интеллигенции. Письмо в редакцию / Д. С. Лихачев // Новый мир. – 1993. – № 2. – С. 3-9.
2. Лосский, Н. О. Характер русского народа / Н. О. Лосский. – [Frankfurt a. M.]: Посев, 1957. – 151 с.
3. Панарин, А. С. Православная цивилизация / А. С. Панарин. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 1248 с.
4. Соловьев, В. С. Русская идея / В. С. Соловьев // Библиотека «Вехи». – URL: <http://www.vehi.net/soloviev/russianidea.html> (дата обращения: 25.02.2019).

Н. В. Довгаленко / N. V. Dovgalenko*

**РУССКИЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ И ЕГО АЛЬТЕРНАТИВЫ
(RUSSIAN ANTHROPOLOGICAL PROJECT AND HIS ALTERNATIVES)**

Аннотация. В статье представлено философское осмысление трех антропологических проектов, обоснованных развитием христианской метафизики, идеей гуманизма и просвещения: русский, немецкий и англосаксонский. Автор определяет данные модели через понимание разума и его способы актуализации в культуре.

Ключевые слова: образ человека, дух, гуманизм, просвещение.

Abstract. The article is devoted to philosophical understanding of the three anthropological projects. They arose on the basis of Christian metaphysics, humanism and enlightenment: Russian, German and Anglo-Saxon. The author describes these models through the understanding of the mind, his ways of incorporating into culture.

Keywords: image of a man, spirit, humanism, enlightenment.

Русский мир и его идентичность до сих пор, по меткому выражению Н.А. Бердяева, «вызывает беспокойство народов Запада» [1, с. 4]. Это отнюдь не случайно, ибо в общей христианской метафизике и ее различных отрицаниях, которым мы все вместе следуем, образуются альтернативные пути понимания человека, истории и пр. На протяжении XVIII-XX столетий осуществляется борьба за продвижение данных проектов, самым ярким выражением которой стали европейские революции и две мировые войны. В данной статье представлено три антропологических образа человека, выработанных тремя культурами: русской, немецкой и англосаксонской. Их осмысление вызывает наибольший интерес в связи нарастающими культурно-цивилизационными вызовами современной истории.

Следует отметить, что корень данных антропологических образов следует из христианских размышлений о соизмеримости человека с Богом («образ и подобие»). Именно христианство открыло в человеке ипостасную природу – природу действия, проявления, выбора. Важнейшими направлениями ее осуществления стали: раскрытие человеческого начала в логосе (разумность, свидетельствование, слово); в творчестве (умение создавать новое); в духовности (открытие возможности выбора, целеполагания и пр.). Они положили начало вопросу о личности, по мнению П.А. Флоренского, подобию функции – бесконечно растущей и уникальной.

* Наталья Владимировна Довгаленко, доц., Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина (Саратов, Россия). E-mail: dovgal30@rambler.ru.

Эти искания помогли выделить одну важнейшую область человеческого проявления, ранее не опредмеченную, – дух. В нем сосредоточилось, с одной стороны, проявление Логоса как смыслового «зеркала», Слова мистического и жертвенного, с другой, свобода человеческой воли, решимости, вины. Акцент на духе, изымающем божественное, христианское начало в человеке закрепился через движение Просвещения. «Полемика на три фронта – критика власти, борьба с традициями и атака на предрассудки – дает нам привычный образ Просвещения» [2, с. 47]. С просветительским духом, определившим рациональные пределы культуры, связано отстранение человека от собственной тайны.

Внутреннее стремление к оформлению особого образа человека самостоятельно трансцендирующего «самое себя» в границах природы, творящего здесь же другие миры, было обозначено уже эпохой Ренессанса. Именно Возрождение, посредством христианства, закрепило мысль об иерархической многоступенчатости бытия, вершиной которого в сотворенном бытии явился человек. Новоевропейская революция развернула личность к аспектам знания и его возможностей, поставив вопрос о субъекте. Она закрепила в существе человека безграничность акта познания, активность по отношению к бытию, властность. Лишь в XVIII веке такие действия субъекта были осмыслены как социальные. Просвещение «протянулось» из границ внутреннего состояния личности к внешним проявлениям: свободе, воле, рассудочности, проектированию общественно-политической жизни и прочим рациональным актам. В конце концов, к XX веку в западноевропейском мышлении была достигнута точка «невозврата» в отношении человека, открывающегося для себя в понимании, свидетельствовании, истолковании, борьбе за собственный образ, модель. В истории Просвещения проявилось через культурное самоутверждение, конфликт за «присвоение себе» (собственность), раздел сфер понимания (влияния). Как образ человек предстал в трех измерениях разума. *Немецкая модель* человека, в которой разум раскрылся как основание, критерий для определения вещей, ложности и истинности понятий; *английская модель* человека, где разум предстал как опытная данность вещей; *русская модель* человека, в которой разум не изменил логосу.

В немецкой модели наиболее ярко отразились черты Просвещения, трансцендентальной матричности мышления. Отсюда следуют и социальные проекты как наиболее «правильные», рационально непротиворечивые, устойчивые. Таковы социальные миры Г. Гегеля, К. Маркса, обоснованные через рациональную необходимость свободы, а затем и революции. К середине XX века стало ясно, что рациональный проект определяют внутренний уклад личности. В нем же находились и ницшеанские послы выйти вовне созданной матрицы, но так же рационально постигнутые: «Меру он носит в себе, и высочайшее искусство жизни, поскольку он живет как единичный человек, состоит в том, что мерой он делает самого себя», - пишет Э. Юнгер в «Рабочем» [3, с. 91]. Важнейшими чертами человека стали: дисциплина, рассудочность, конструирование, волюнтаризм, военное единство. Жизненное проявление антропологического образа двигалось

лишь к внешним границам расширения – приобщения и вовлечения в него других культур, навязывание его как доминирующего, что ярко продемонстрировали две мировые войны. Для немца «идеалом жизни предстает Порядок (ср.: реакция *regeln*) в противопоставлении Хаосу, выражающемуся непредсказуемостью жизни (ср.: реакция *unberechenbar*)» [4, с. 88].

Англосаксонский мир определился в образе человека «испытующего» как себя, так и окружающий мир. Он базировался на практиках внешнего и внутреннего духовного восприятия (Дж. Локк), открывающих осознание «Я» и мира в бесконечной открытости всех возможных толкованиях. «Наш выбор элементов будет диктоваться нашим пониманием практики, а не практикой, которая "допустима" "рациональной реконструкцией" из элементов» [5, с. 236]. Этот опыт человечности протекает в бесконечном изменении себя. Человек открывается в соответствии времени, вызовам культуры, актуальности опыта. Он следует событийности, и не ищет традиции как основания для различных векторов развития. Очень закономерно, что в современной ситуации истории, прежде всего, англосаксонский мир требует ее (истории) бесконечного изменения, «переписывания» в пользу потребности опыта фактичности и забвения всякого иного опыта человечности. Данный мир совершенно логично предстает в социокультурных моделях утилитаризма и прагматизма, направленных на экономическое, политическое, культурно-цивилизационное доминирование. Важнейшими чертами человека становятся: либерализм (свобода), экономичность, антитрадиционализм, индивидуализм. «Англичане воспринимают жизнь как длительный процесс, в основе которого лежит побуждающий мотив (ср.: реакция *force*). Им свойственно рассматривать жизнь с точки зрения ее практической значимости» [4, с. 88].

Русская модель такая же матричная, как и немецкая, но мерой определения в ней остается несоизмеримое с человеком – божественное. Логос как образ, в котором человеческое лицо, деяние могло быть измерено не «другим» человеческим, идеальным, а живым несоразмерным началом Бога. Поэтому, как отмечает Н.А. Бердяев, «на почве исторического православия, в котором преобладал монашески-аскетический дух, не была и не могла быть достаточно раскрыта тема о человеке» [1, с. 84]. По этим же причинам происходило внутреннее отрицание западного просвещенного гуманизма, констатирующего полное понимание того, что есть «человек». Русская культура многое почерпнула от западной, в том числе, внутренние интенции Просвещения, но они всегда отличались тяжестью, болезненностью восприятия, противодействием, неспособностью реализовать в духовные послы культуры, в полной мере. К ним относятся и движение декабристов, и народничество, и революционная борьба.

Весь XX век в русской истории осуществлялось стремление к очищению образа человека, к его актуализации. В нем сохранилось много от патриархального, глубоко религиозного. «Жизнесозидание в любви через жертву эгоизма – таков глубинный духовный смысл русской идеи» [6, с. 39]. Хотя в советской культуре формально изымалось божественное начало, оно актуализировалось в содержа-

тельном аспекте определения человека как существа трансцендирующего, постоянно разрушающего «мещанскую» данность фактичности, способного на жертву, страдание и сострадание. «Если мы говорим о русской цивилизации, то имеем в виду прежде всего континуально присутствующий проект, включающий следующие компоненты и процессы: Третий Рим (христианское, православное государство), империя, построение коммунизма, формирование «нравственного государства» [7, с. 13]. Духовное начало в русском образе, сохранилось, несмотря на метаморфозы личного пространства: его формализацию, социализацию, помещению в жесткие рациональные рамки. Актуализировавшаяся сегодня парадигма «русской симфонии», стала неким продолжением традиции византийского образа, совместив основания социального и мистического, даже обязательно в гармоничном единстве. Она предстала внутренней альтернативой глобалистских тенденций религиозных эклектических поисков, например, таких как New Age (продукт массовой культуры, религиозное учение, совмещающее в себе практики и представления различных религий, оккультных учений и пр.) [7].

Сам русский антропологический образ до сих пор отличается некоей «поляризованностью», в нем совмещается несовместное: крайнее сострадание и жестокость, открытость и враждебность, захваченность глубинным и повседневным и пр. Однако тяготение к логосу позволяет ему понять «чуждое», примирить и примириться с собой (Ф.М. Достоевский).

Чудовищно, но и сегодня не прекращается социальное противостояние за принятие образа определенной культуры как некоей общей меры. Особая важность придается закреплению его посредством «свидетеля», то есть высказыванию через историю, демонстрацию устойчивости и жизнеспособности. Вместе с тем, каждый из представленных антропологических проектов, обладая своей неповторимой уникальностью, обоснованностью, достоин занять особое место, внести неповторимый вклад в развитие современного мира.

Библиографический список

1. Бердяев, Н. А. Русская идея. Судьба России. – М.: ЗАО «Сварог и К», 1997. – 541 с.
2. Слотердаик, П. Критика цинического разума. – Екатеринбург: У-Фактория, М.: АСТ МОСКВА, 2009. – 800 с.
3. Юнгер, Э. Рабочий. Господство и гештальт. - СПб., Наука, 2000. – 539 с.
4. Яшин, П. Н. Сопоставительный анализ образов «жизнь» и «смерть» в языковом сознании русских, немцев и англичан // Вопросы психолингвистики. – 2008. - № 8. – С. 85-92.
5. Рорти, Р. Философия и зеркало природы. – Новосибирск: Из-во Новосибирского ун-та, 1997. – 320 с.
6. Рожков, В. П. Русская идея: образы и смыслы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. -2011. – Т. 11. № 4. – С. 35-39.
7. Еремин, А. В. Русская православная церковь и государство на рубеже столетий: архетипы и образы постсоветского времени // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2017. – Том 18. Выпуск 3. – С. 11-21.

**А. В. Иванов, С. М. Журавлева / A. V. Ivanov,
S. M. Zhuravleva***

**«РУССКИЙ МИР» И ЕВРАЗИЯ
("RUSSIAN WORLD AND EURASIA")**

Аннотация. В работе осмысляются различные аспекты понятия «русский мир». Анализируются его место и функции в рамках евразийского культурно-географического мира.

Ключевые слова: «Русский мир», Россия, евразийский культурно-географический мир, культура, ценности, национализм.

Abstract. Various aspects of the concept of «Russian world» are conceptualized in the work. Its place and functions within the Eurasian cultural and geographical world are analyzed.

Keywords: «Russian world», Russia, Eurasian cultural and geographical world, culture, values, nationalism.

Словосочетание «русский мир» может сегодня трактоваться, по крайней мере, в двух тесно связанных, но не тождественных смыслах: 1) как геополитической, государственной и этносоциальной общности; 2) как общности культурно-языковой и экзистенциальной, с которой человек чувствует глубокое психологическое и духовное родство. В принципе понятно, что истоки понятия «русский мир» восходят к периоду царской России и к СССР, когда русские были государство образующим народом огромной державы, русский язык служил средством межнационального общения, а влияние русской культуры и образа жизни испытывали на себе все этносы единого российского государства. Это отразилось уже в знаменитом «Памятнике», где Пушкин называет себя поэтом всей многонациональной «Руси Великой». Правда, в конце XIX века у правящей элиты возникла ложная, европоцентристская по своим истокам, идея официально превратить русский народ в титульную нацию, а православие рассматривать как наиболее эффективное средство русификации, что стало одной из причин обострения социальных и национальных противоречий, приведших Россию к кровавым революционным потрясениям XX века.

Что касается «постперестроечной» России, то ее, с государственной, геополитической и этносоциальной точек зрения, можно именовать «русским миром» с некоторыми серьезными оговорками. Дело в том, что крушение коммунисти-

* **Андрей Владимирович Иванов**, д-р филос. наук, проф., **Светлана Михайловна Журавлева**, канд. филос. наук, доц., Алтайский государственный аграрный университет (Барнаул, Россия). E-mail: ivanov_a_v_58@mail.ru.

ческой идеи и неудачный опыт искусственного создания «советского человека» стимулировали процессы национального самосознания и самопознания у представителей разных этносов бывшего СССР, многие из которых, соглашаясь с самоидентификацией себя в качестве «граждан единой России», тем не менее, напрямую не отождествляют себя с «русским миром», а используют иные формы этнического и религиозного самосознания, не без основания считая себя частью «исламского», «буддийского», «славянского», «тюркского» или «угро-финского» миров.

Попытки помимо воли включить людей иных национальностей в состав «русского мира» даже со всеми оговорками, что этот мир многонационален и различен внутри самого себя, могут быть чреваты обострением внутренних межнациональных отношений. Поэтому со словосочетанием «русский мир» следует обращаться крайне аккуратно даже внутри страны, учитывая, что слово «мир» в русском языке имеет явные пространственные и консолидирующие коннотации. Рецепт тут может быть только один – сами граждане России, принадлежащие к другим национальностям, должны решать, принадлежат они к «русскому миру» или нет. **В любом случае делать это словосочетание элементом внутренней государственной политики и идеологии в области национальных отношений, на наш взгляд, не следует.**

Еще более негативные последствия неосторожного использования словосочетания «русский мир» в геополитическом и этносоциальных аспектах следует ожидать в отношениях с народами бывшего СССР. Нам доводилось лично общаться с казахами и белорусами, не говоря уж об украинцах, которые категорически не были согласны считать себя частью «русского мира» ни в прошлом, ни в настоящем, и рассматривали попытку извне навязать им геополитическую и этносоциальную идентичность как проявление русских имперских амбиций. Это ведет лишь к росту национализма и возникновению антирусских настроений у народов бывшего СССР.

Любопытно, что едва ли не большую геополитическую связь с Россией, с ценностями русской культуры и русского мира, демонстрируют сегодня народы, которые в этнокультурном и историческом отношении отстают от нас дальше, чем братья-славяне, в частности, монголы и армяне. Так, проведенное нами сравнительно-психологическое исследование жизненных ценностей русских и монгольских студентов на Алтае зафиксировало у них общность многих базовых ценностей и жизненных ориентаций [1].

Думается, что в отношениях с нашими ближайшими геополитическими соседями понятие «русский мир» должно использоваться только как одна из возможных форм исключительно нашей собственной – российской – геополитической, государственной и национально-культурной самоидентификации. При этом русская культура и русский народ должны добиться таких выдающихся политических, хозяйственных и культурных успехов, чтобы другие народы и страны Евразии сами сочли для себя за честь стать частью «русского мира».

Учитывая все сказанное выше, более правильно, на наш взгляд, использовать словосочетание «русский мир» в плане культурно-языковой и экзистенциальной общности людей независимо от их пространственного проживания, государственной и этнической принадлежности, для которых русский язык является родным и которые, ориентируясь на осевые творения русской культуры [2], лично и коллективно исповедуют базовые ценности и жизненные установки русского народа.

Именно ценностная и экзистенциально переживаемая принадлежность к «русскому миру» исключительно важна, ибо можно говорить и даже талантливо писать на русском языке, но при этом не только не принадлежность к «русскому миру», но даже быть враждебным ему по исповедуемым базовым ценностям. Здесь достаточно упомянуть таких современных деятелей отечественной политики и культуры, как, например, А.Б. Чубайс, который, по его же словам, ненавидит Ф.М. Достоевского, одного из наиболее гениальных выразителей русского национального духа, или писатель Д.Л. Быков, чьи высказывания о русской истории и культуре подчас отдают откровенной русофобией.

С другой стороны, можно в этническом плане не быть русским и проживать в другой стране, но при этом в полной мере принадлежать к «русскому миру» и даже быть глубоким выразителем его фундаментальных ценностных установок и идеалов. Здесь можно назвать великого русского философа С.Л. Франка, еврея по национальности, чье «Русское мировоззрение» [3] – один из наиболее глубоких трудов по метафизике русского национального духа. Нельзя также не отметить другой выдающейся работы по этой тематике, которая называется «Европа и душа Востока» и принадлежит перу коренного немца, но совершенно русского философа по духу, Вальтера Шубарта [4].

Следует при этом иметь в виду, что понятие «русский мир» может использоваться и в совершенно ложном – националистическом смысле. Это происходит в том случае, если игнорируется его важнейшее – ценностно-культурное и экзистенциальное – измерение, а на первый план выдвигаются государственный и этнический аспекты. **Националистически истолкованный «русский мир» отождествляется с жизнью и государственным творчеством русского этноса, а в крайней форме национализм требует, чтобы «русский мир» существовал в первую очередь и даже исключительно для русских.** Суть национализма отлично проанализирована Н.А. Бердяевым в его работе «Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи». Он писал: «Современный национализм мало дорожит культурой, и он сплошь и рядом отрекается от традиций национальной культуры...Национализм вдохновляется не волей к истине, а волей к могуществу...Национализм без этатизма, без обладания государственной мощью как своим орудием, без абсолютизации государства не может существовать» [5, с. 353]. И совсем уж антикультурным и социально разрушительным предстает националистический образ «русского мира», когда с помощью государства призывают очистить его от инородцев, будь то евреи, цыгане,

«лица кавказской национальности» или сибирско-азиатские этнические общности, проживающие за Уралом, за границами, так сказать, подлинного – «европейского русского мира».

Русский национализм, как идеология вражды и разъединения, особенно непригляден, ибо является отрицанием коренных ценностей и глубинных культурных максим «русского мира» – доброжелательности и открытости людям других национальностей и религиозных убеждений (недаром у нас даже слово «другой» происходит от слова «друг»); ориентации на братские, сердечные отношения между людьми и народами; миротворчества; соборности и общности в организации своего хозяйственного, социального и государственного бытия.

Именно способность переступать через границы своей этнической, религиозной и даже гражданской идентичности позволило русским первопроходцам объединить все евразийское пространство, за какие-то восемьдесят лет пройти гигантское расстояние от Урала до Тихого океана, ведь отряд того же Ермака при поддержке купцов Строгановых действует в Сибири на свой страх и риск, лишь после побед получая поддержку от царской власти. Для понимания цементирующей роли русского народа и его базовых ценностей в объединении Евразии очень важно картина В.И. Сурикова «Покорение Сибири Ермаком» [См. 6]. Ее чаще всего трактуют ложно – как гимн военной силе и имперской устремленности России на Восток. При этом редко обращают внимание, что на первом плане знаменитого суриковского полотна, где отряд Ермака на стругах атакует войско хана Кучума, по колено в воде стоит и целится из ружья казак, за поясом которого торчит строительный топор, т.е. он идет в Сибирь не покорять и эксплуатировать местные народы, а в первую очередь строить и хозяйствовать. И противостоят казакам не столько сибирские инородцы, лица которых в ходе боя выражают не ненависть и злобу, а скорее удивление и восхищение сплоченностью и волей русских воинов; сколько эксплуататорская мусульманская верхушка во главе с ханом Кучумом, которая в ужасе мечется на высоком берегу реки, предчувствуя конец своей неправой власти над Сибирью. И если между простыми казаками и противостоящими им в битве сибирскими народами вскоре установятся взаимопонимание и мирное сотрудничество, то пропасть между властью и народом вряд ли удастся преодолеть. Любопытно, что изображенный Суриковым в левом верхнем углу картины город Кашлык (или Сибур), столица кучумова ханства, изображен русским художником крайне многозначно: его зеленоватотуманные размытые контуры и острые шпили удивительно напоминают Петербург – имперскую столицу России, которую Суриков, в отличие от Москвы, откровенно не любил. Суть этого полотна – как раз в художественном выражении **цементирующей роли простого русского народа в формировании «евразийского братства народов»**, которое часто складывалось не благодаря, а именно вопреки государственной власти. Последняя, желая искусственно сплотить собственный народ, очень часто делала ставку на национализм и разжигание этатистского псевдопатриотизма, как это было в конце XIX века, о чем мы

писали выше. К сожалению, этого этатистского соблазна не избежала и нынешняя российская власть, что, впрочем, требует отдельного анализа.

В целом же, на наш взгляд, правильнее не абсолютизировать понятие «русский мир», а говорить о России, как срединной многонациональной евразийской державе с русским народом и русской культурой (или «русским миром»), как ее цементирующей осью. В состав же этого срединного культурно-географического евразийского мира (или точнее – мегамира или мегацивилизации), лежащего между мегамирами Востока и Запада, входят, кроме русского и славянского, также тюркский, монгольский, угро-финский этносоциальные и культурные миры (или цивилизации), а также особый мир северных палеоазиатских этносов. Народы, входящие в эти миры, могут иметь свою особую государственность, как казахи, киргизы, туркмены, финны или монголы, а могут ее и не иметь, входя органической частью в жизнь других евразийских, а также восточных или западных государств, как, например, башкиры, удмурды, уйгуры или гагаузы.

Что же касается живущих на евразийском пространстве отдельных личностей, то для них характерна так называемая *«матрешка идентичностей»*, т.е. человек в *этнокультурном плане* может идентифицировать себя, например, как русского или бурята, принадлежащих соответственно к русскому или монгольскому мирам; в *гражданском* – как гражданина Российской Федерации или Республики Казахстан; в религиозном – как принадлежащего к православному, исламскому или буддийскому мирам; в *цивилизационном* (или мегацивилизационном) плане – как являющегося частью евразийского культурно-географического мегамира или уже упоминавшегося «евразийского братства народов».

Нам представляется, что все эти уровни идентичности (этнокультурный, гражданский и цивилизационный) способны достаточно органично совмещаться в бытии человека, живущего в современной России. При этом **именно русский человек, как мы писали выше, способен в большей степени, чем представители других евразийских народов, переступить через свой национальный и религиозный эгоизм, быть реальной скрепой евразийского культурно-географического мира.** Так, этносоциологические исследования, проведенные в разных сибирских регионах России, показывают, что на вопрос «кого бы вы предпочли видеть в руководящих органах власти: представителя своей этнической общности или достойного человека любой национальности?», – именно среди русских процент людей, сделавших выбор в пользу достойного человека любой национальности, неизменно являлся наибольшим.

Когда-то наш выдающийся философ, историк и литературовед В.В. Кожин даже счел в силу этого русский народ единственным истинным евразийским народом, в «магнитном поле» которого становятся евразийскими другие – восточные и западные народы [7, с. 233]. С этим крайним выводом согласиться трудно, ибо не евразийские народы в евразийские искусственно превратить невозможно. Для этого у них с русским народом должно быть какое-то единство

базовых жизненных ценностей и культурных установок. К тому же удивительный талант объединять евразийские народы, причем отнюдь не только военными и насильственными средствами, проявили в свое время монголы. Так, огромную роль в хозяйственной, государственной и культурной организации жизни огромной монгольской империи сыграли китаец Елюй Чуцай и уйгур Махмуд Яловач. При дворе монгольских ханов в свободных дискуссиях свободно участвовали исламские, иудейские и христианские богословы, а также буддийские философы. Русские ремесленники, взятые в монгольский полон, в столице монгольской империи Каракоруме обладали личной и хозяйственной свободой, пользовались всеобщим уважением. Именно при монголах была обеспечена наибольшая безопасность передвижения караванов по Великому шелковому пути – главному евразийскому каналу межкультурного взаимодействия.

Однако с В.В. Кожинным можно безусловно согласиться в том, что **именно «русский мир», понимаемый в первую очередь как мир русской культуры**, внес и вносит основной вклад в реализацию важнейшей геополитической и геокультурной евразийской максимы, сформулированной Н.С. Трубецким, который писал: «Нужно, чтобы братство народов Евразии стало фактом сознания, и притом существенным фактом. Нужно, чтобы каждый из народов Евразии, сознавая самого себя, сознавал себя ... как члена этого братства, занимающего в этом братстве определенное место. И нужно, чтобы ... сознание своей принадлежности именно к евразийскому братству народов стало для каждого из этих народов сильнее и ярче, чем сознание его принадлежности к какой бы то ни было другой группе народов» [8, с. 502].

Библиографический список

1. Иванов, А. В. Осевые творения русской культуры и их значение в современную эпоху // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения: материалы Девятой Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Барнаул, 21–22 июня 2018 г. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. – С. 7-14.

2. Психология личности студента в России и Монголии: культурно-историческое своеобразие и социальные факторы формирования. – Барнаул: изд-во Пять плюс, 2015. – 116 с.

3. Франк, С. Л. Русское мировоззрение // Франк, С. Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. – 511 с.

4. Шубарт, В. Европа и душа Востока. – М.: Альманах «Русская идея», 2000. – 448 с.

5. Бердяев, Н. А. Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи // Бердяев, Н. А. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – 480 с.

6. Шишин, М. Ю., Иванов, А. В. Философия Сибири в творчестве А. И. Сурикова // Манускрипт. – 2018. – №5 (91). – С.142-147.
7. Кожин, В. В. О русском национальном сознании. – М.: Алгоритм, 2002. – 384 с.
8. Трубецкой, Н. С. Наследие Чингисхана. – М.: Аграф, 1999. – 560 с.

В. Ю. Инговатов / V. Ju. Ingovатов*

**МЕТАФИЗИКА РУССКОГО МИРА:
ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И СОВРЕМЕННОСТЬ
(METAPHYSICS OF THE RUSSIAN WORLD:
HISTORICAL CHALLENGES AND CONTEMPORANEITY)**

Аннотация. В статье дается характеристика русского мира, его связи с русской идеей. Анализируется современное состояние цивилизационного пространства русского мира. Делается вывод об общей исторической судьбе народов, населяющих Евразию.

Ключевые слова: русский мир, русская идея, цивилизация, история, народ, государство.

Abstract. The article describes the concept of Russian world, its connection with Russian idea. The modern state of civilization space of Russian world is analyzed. The author makes a conclusion about common historical destiny of ethnic groups living in Eurasia.

Keywords: Russian world, Russian idea, civilization, history, people, government.

Русский мир – понятие, получившее активное употребление в гуманитарном знании в конце XX – начале XXI столетий. Обычно под ним понимают исторические процессы, которые привели к созданию «объективно сложившейся культурно-исторической общности этносов и населенных ими территорий, в течение длительного времени находящихся или находившихся под определяющим влиянием российской государственности и культуры. Русский мир может рассматриваться как одна из локальных цивилизаций, имеющая ряд специфических особенностей социокультурного бытия, определяемых объективными факторами исторической жизни» [3, с. 3]. При этом русский мир в пространственном отношении занимает намного большее место, чем политические границы современной России.

Процессы, приведшие к актуализации проблематики русского мира, были обусловлены геополитическими и цивилизационными переменами, произошедшими на евразийском пространстве. Хотя сама тематика русского мира имеет гораздо более глубокие корни и перекликается с проблемами становления русской (российской) цивилизации. Например, термин «русский мир» в схожем звучании – славянский мир – встречается у Н.И. Костомарова, о «русско-евразийском культурном мире» писал и один из основателей евразийского дви-

* **Владимир Юрьевич Инговатов**, д-р филос. наук, доц., Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова (Барнаул, Россия). E-mail: ingvlad@mail.ru.

жения П.Н. Савицкий [6, с. 2-7]. Собственно, и сам термин «русский мир» отражает потребность к самоорганизации обширного евразийского пространства, имеющего полиэтничное население, но наследующего российскую цивилизацию матрицу. Связь пространства и времени – о чем проникновенно говорил ещё полтора десятилетия назад В.В. Кожин – есть, таким образом, бытийная реальность, конституирующая проект русского мира [5, с. 50].

Отсюда проистекает и одна из основных интуиций русской философии об историческом предназначении России как особом религиозно-метафизическом проекте, призванном соединить великие цивилизации Востока и Запада. Вслед за Н.А. Бердяевым можно сказать, что русская философская мысль осознала свою самобытность, пытаясь проникнуть в смысл и направленность исторического бытия. Нет ничего удивительного в том, что она стремилась здесь разрешить, в первую очередь, вопрос о собственном – русском – призвании в истории. Более того, тема русской исторической судьбы, так остро поставленная П.Я. Чаадаевым в начале XIX столетия, всё ещё не исчерпана. С ней мы вступили уже в век XXI и всё также задаемся вопросами о специфике русского исторического пути, о том, принадлежим ли мы к «известным семействам человеческого рода», являемся мы Западом или Востоком. Действительно, вся наша историософская мысль будет искать ответы на вопросы, поставленные в знаменитых «Философических письмах». Основные её темы всегда были связаны с провиденциальным толкованием смысла истории, с местом в ней человека, с его нравственными и духовными поисками абсолютного начала бытия [8, с. 31].

Между тем в русской мысли центральная религиозно-метафизическая интуиция В.С. Соловьева об онтологической связи между идеей Бога и идеей человека в историческом процессе получила блестящее развитие. В эпоху русского духовного подъема Серебряного века в нашей культуре смысл и назначение русской идеи будет разрабатываться в трудах В.В. Розанова, С.Н. и Е.Н. Трубецких, С.Л. Франка, С.Н. Булгакова, Н.О. Лосского, Н.А. Бердяева, Л.П. Карсавина, В.В. Зеньковского и многих других мыслителей. Параллельно и в определенном смысле отталкиваясь от этого философского направления, шло формирование и нового течения русской мысли, точнее сказать его богословского крыла, представленного В.Н. Лосским, Г.В. Флоровским, И. Мейендорфом. Но, в целом, православная русская мысль согласно искала и ищет католическую полноту истины бытия, обнаруживающей себя, в том числе, и в историческом движении народа.

Однако метафизика русского мира имеет не просто свою большую историю, восходящую к становлению древнерусской государственности. В её основе – судьба России, её всемирно-историческое предназначение. Представители самых разных отраслей политической, научной, культурной сфер общества, как у нас, так и за пределами России, пристально, а иногда и предвзято, пытаются оценить наш исторический путь и нашу историческую перспективу. Здесь часто рождается много нелепых спекуляций и футурологических сценариев, цель которых

состоит в формировании заданного и неверного образа России. Но как бы ни критиковали термины «общинности», «соборности», «коллективизма», их историческое бытование основывалось на определённой социальной практике. Практика же последних десятилетий показывает, что одна из проблем современной России – разобщённость общества, индивидуализм, элиминация социальных связей. Задача построения успешного современного общества невыполнима без их восстановления, укрепления, воссоздания общности, единения в пространстве и истории. Все эти процессы и составляют, по сути, понятие «русский мир».

Русский мир неразрывным образом связан с русской идеей, с русским историческим выбором. При этом «формулы русской идеи» – по известному выражению А.В. Гулыги – могут быть различными, они могут иметь разную степень метафизического истолкования судьбы России [2]. Но их объединяет общий духовный порыв и желание вчувствоваться в «русское мировоззрение», в «русскую душу» не как в нечто абстрактно-всеобщее, а как в исторически конкретное и цельное бытие народного духа. Представление о том, что народ выступает только как собирательное понятие, как формальное объединение отдельных людей неверно и есть отрицание его внутреннего духовного единства. По сути, такая позиция демонстрирует отказ от понимания России как особой цивилизационной формы бытия целого субконтинента – Евразии и выступает как отказ от собственной исторической судьбы. Подобное видение жизненной перспективы является формой своеобразного расизма и способно лишь пагубно отразиться на уровне метафизического мышления и глубине раскрытия проблемы. В то же время стремление облечь всю уникальность и пластичность национального духа в единую понятийную форму также является делом крайне сложным. Тема эта неисчерпаема и требует не столько описания многообразия и особенностей русского миропонимания, равно как и не конструирования очередной теоретически-универсальной схемы, а, прежде всего, духовного продвижения к подлинному пониманию смысла и сути русского мира.

Русская идея есть духовно-метафизический горизонт исторически-конкретного бытия России. Уже нашедшие себя в истории образы России выступают как попытки воплощения такой идеи. Иначе говоря, русская идея существует во времени и, следовательно, имеет характер временности, однако этим принципиально не исчерпывается. Принадлежа времени, всякая идея никогда ему не тождественна. Представление о сущности и содержании «русской идеи» «схватывает» время, которое «остановилось» в понятии. Через такое «застывание» исторического времени открывается протяженность настоящего, которому принадлежит как уже осуществившееся бытие, так и ещё наступающее. Понятийное формулирование русской идеи обнажает, таким образом, проблему её онтологической незавершенности, поскольку идея русского бытия не тождественна его идеалу. Всякое наше представление об идеальной России иллюзорно по своей сущности, ибо никакой идеал невозможен в качестве наличного бытия истории. И пока история возможна как движение от прошлого к будущему, нам

вряд ли удастся зафиксировать идеал как нечто уже осуществленное во времени. Однако и сама идея есть нечто иное, чем идеал. Идеальной России не существовало в прошлом и, очевидно, не будет в будущем, но существовала и существует идея, какой должна быть Россия. Поэтому стремление к метафизическому конструированию идеальных образов имеет внутреннюю противоречивость: представление о должном бытии, о том или ином нашем понимании, какой должна быть Россия, всегда будет не выдерживать столкновения с реальностью бытия. Тем не менее, подобное конструирование идеального есть единственный для метафизики истории способ формирования идеи существования социальной общности. Русская идея потому и явлена в философском дискурсе о смысле истории, что бытие идеальной России никогда не будет завершённым. Пребывая в конечности тех или иных исторических форм жизни, Россия и проявляет свою историческую идею как единично-конкретное воплощение собственного идеального образа. В этих образах бытия надо видеть не только то, что есть и что стало историей, но и то, что должно ещё свершиться в нашей судьбе. Ибо, вечность есть изначальная данная полнота бытия. И все нашедшие себя в историческом времени воплощения русской идеи есть лишь слабые отблески её пребывания в вечности.

В.В. Кожин, развивая проблематику русского мира, утверждает, что русские смогли определить судьбу огромного континента, не навязывая ему собственной национальной идеи в традиционном для Запада этническом смысле [5, с. 415-416]. В частности и потому, что отсутствие русской национальной идеи не отменяет наличие её национального характера. В этом контексте совершенно уместно говорить о специфике русского характера, которому свойственны, среди прочего, такие качества как терпимость и уважительное отношение к историческим формам жизни евразийских народов. Эти духовные качества русского народа выступили одними из фундаментальных оснований в определении временных и пространственных границ русского мира. Поэтому важно осознание исторического факта, что не столько территориальное, сколько духовное единство является базовым смыслом бытия русского мира. Следовательно, и «суперэтническая целостность» (термин Л.Н. Гумилёва), сформированная за несколько столетий совместного бытия русского и других народов Евразии, есть отражение общей исторической судьбы целого континента.

Библиографический список

1. Батанова, О. Н. Концепция русского мира: зарождение и развитие [Текст] / О. Н. Батанова. – Вестник Национального института бизнеса. – М.: Национальный институт бизнеса, 2008. – Вып. 6. – С. 83–91.
2. Гулыга, А. В. Формулы русской идеи [Электронный ресурс] / А.В. Гулыга. – URL: <http://www.gulyga.ru/texts/page?pid=5&item=4&page=16> (дата обращения: 27.04.2019).
3. Даренских, В. Ю. Русский мир: прошлое, настоящее, будущее [Текст] / В.Ю. Даренских. – Ползуновский альманах. – 2017. – № 4. – Т.1. – Ч.1. – С.3-12.
4. Инговатов, В. Ю. Горизонты и сумерки русской идеи: введение в метафизику исторической судьбы [Текст] / В. Ю. Инговатов. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос.тех.ун-та, 2006. – 115 с.
5. Кожин, В. В. Победы и беды России [Текст] / В. В. Кожин. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 512 с.
6. Костомаров, Н. И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей [Текст] // В 3-х книгах / Н. И. Костомаров. – М.: Книга, 1990. – Кн. 1. – 737 с.
7. Пфаненштиль, И. А. Понятие русского мира / И. А. Пфаненштиль, Н. А. Яркова [Электронный ресурс]. – Наука вчера, сегодня, завтра: сб. ст. по матер. I междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск: СибАК, 2013. – URL: <https://sibac.info/conf/science/i/33272> (дата обращения: 27.04.2019).
8. Чаадаев, П. Я. Избранные произведения и письма [Текст] / П.Я. Чаадаев. – М.: Правда, 1991. – 560 с.

А. Г. Инговатова / A. G. Ingovatova*
ЭВРИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ МИССИИ
КУЛЬТУРЫ РУССКОГО МИРА
(THE HEURISTIC SIGNIFICANCE OF THE DIALOGIC MISSION
OF RUSSIAN WORLD'S CULTURE)

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию вопроса об историческом предназначении России в глобальном порядке; на основе анализа социально-исторического опыта русской культуры, автор делает вывод о том, что Россия – хранительница Христианских идей и на их основе способна вести спасительный и продуктивный для современного мира диалог с другими культурами с целью всечеловеческого единения.

Ключевые слова: культура, русский мир, диалог, диалогический потенциал, диалогическая миссия, менталитет, духовное и историческое предназначение русского народа.

Abstract. The article studies the question of Russian historical destiny in the global order. While analyzing the socio-historical experience of Russian culture, the author comes to conclusion that Russia is the guardian of Christian ideas and therefore is capable of effective multi-cultural dialogue which can lead to the universal unity.

Keywords: culture, Russian world, dialogue, dialogic potential, dialogic mission, mentality, spiritual and historical destiny of Russian people.

Одной из самых серьезных проблем существования современного мирового сообщества является нарастание конфликтности, отчужденности, доминирующей дезинтеграционный настрой. От усиления данных процессов глубоко страдает как внутрисоциальный порядок, так и внешний строй межгосударственных и межкультурных отношений в общем глобальном контексте. Вопрос о принципах и подходах к пониманию дальнейшего существования и развития мира встает во всей остроте: мир продолжает, несмотря на усиление, после распада СССР, процессов вестернизации (по большей части – процессов англоизации и американизации), оставаться глубоко разнообразным, представленным самыми различными и самобытными культурными субъектами. Считаю, что и в современных условиях в мировой политике, подход односторонне утверждаемой претензии на истину в высшей и последней инстанции и, как следствие допускаемой «игры «без» или «вне» правил» ради достижения своих целей как никогда ставит под угрозу существование мира в целом.

* **Аурика Германовна Инговатова**, канд. филос. наук, доц., Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова (Барнаул, Россия). E-mail: auriking@mail.ru.

Под концептом «Русский мир» мы подразумеваем исторически сложившуюся культурную и социально-политическую реальность, которая и на современном этапе является самостоятельным цивилизационным образованием, духовным ареалом, сложившимся в течение многовековой истории в центре Евразии на основе принципов взаимного доверия между народами, взаимопонимания, и межсубъектного диалога, от которого выигрывает не одна, а обе стороны. В основе многообразного исторического опыта сосуществования народов цивилизационное и государственно образующее развитие. Особая интегрирующая и направляющая роль в данном процессе принадлежит русской культуре, созидательной культуротворческой энергии русского народа и дело не в численных масштабах этноса, а в том, что одной из важнейших специфических особенностей сознания русского человека. По мнению и К.С. Аксакова, и Н.А. Бердяева и многих других, в том числе и зарубежных (Вальтер Шубарт, Клинтон Гарднер), мыслителей, является его способность не замыкаться на своих узко национальных интересах, если его верующей душой овладевала некая правда, то нести, делась ею, он готов и способен всему человечеству. Именно К.С. Аксаков говорил о «всечеловеческости» русского народного воззрения, а Ф.М. Достоевский о любовном «братском» отношении ко всем людям, которое словно естественно произрастает в душе обычного русского человека.

В этом контексте, не удивительно, что народ именно с таким внутренним потенциалом оказался способен к собиранию вокруг себя других народов на основе принципов братской дружбы и справедливости. Справедливое отношение принципиально отторгает мотивы выгоды и самообогащения за счет других. Только наличие такого бескорыстного интегрирующего начала позволило народу воплотить в жизнь мечты и грезы Петра Великого, осуществить и уникальный индустриальный прорыв в первые десятилетия Советской власти, сделать в принципе возможным существование такого глобального проекта как СССР на наднациональной идеологической основе.

Исторический опыт наглядно показывает: насколько силен код культурного самосознания народов, насколько глубока и содержательна жизнь национально-го духа самых разных (больших и малых) народов. Их культурные традиции не смогла нивелировать ни интернациональная, наднациональная по существу советская идеология, ни насаждаемый ею унифицирующий атеизм, ни установки сегодняшней утилитарно-потребительской цивилизации, ни стереотипные влияния информационных потоков эпохи глобализации. Культуры, как уникальные духовные образования живут и сегодня вопреки неолиберальному – принципиально антикультурному бесценностному «порядку», говоря на своих языках, сохраняя обычаи и обряды предков, реконструируя, пусть в наглядно-тематическом музейном варианте быт, верования, традиции хозяйствования народов, наций и племен, которые в глубинной действительной их жизни неизменно находятся в некоем гармоническом сплаве. Ценное для духа и самосозна-

ния самых разных народов не исчезает бесследно именно в силу своего жизненного значения.

Уникальность опыта нашей страны, раскинувшейся фактически в увеличенной в масштабах сердцевине Евразийского континента в том, что в ее пределах существуют и взаимодействуют друг с другом более 100 таких самобытных культурных субъектов. Большая их часть – искони проживающие на своих землях и территориях народы и народности. Сегодня они представляют собой исторически становящиеся социальные организмы в силу известных исторических процессов, получивших статус государственных и разного рода автономных образований, социально-политически оформившие жизнь культурного целого, проводящие и воплощающие в жизнь в современных условиях свою национальную политику.

Диалогический потенциал российской ментальности формировался веками под влиянием этой естественно-географической и исторической много племенной и многонациональной реальности. Русскому народу, как совершенно верно отмечается в социально-философской рефлексии и Ф.М. Достоевским, и Н.А. Бердяевым, не свойственен национализм, на почве возвышения себя над другими народами, и уж тем более ему не присущ агрессивный дух, нацеленный на физическое истребление и порабощение других народов, напротив, он нес в себе идеалы жертвенного бескорыстного служения во имя общечеловеческих сверх национальных, освобождающих человека идеалов. Диалог, способность договариваться, находить компромиссное решение воспринимается как норма межчеловеческих отношений и сегодня, в контексте современных отношений между народами России. Повторимся, скрепляющим и интегрирующим фактором такого общего диалогического настроения, с нашей точки зрения, является особый духовно-ментальный настрой, который формируется в лоне русской Православной культуры, носящий наднациональный и над-родовой (над-племенной) характер, провозглашающей единство всех народов, которых объединяет весь земной простор, как Божье творение, где, как отмечает Бердяев Н.А., главенствует «не мистика расы и крови», а «мистика земли» [1, с. 242].

Необходимо отметить, что сегодня межнациональные отношения строятся в условиях существования иной социальной и государственной системы, совершенно отличной от системы отношений между народами нашей страны в XX веке. В этих реалиях проблема понимания и диалога обретает более острое звучание, так как никто не может отменить вопроса о стратегиях дальнейшего сосуществования и развития разных народов, населяющих нашу страну, ибо, кто не ставит задач развития общества, обрекает себя не только на отставание, но и на неизбежную деградацию имеющегося порядка. В этом мы имели возможность убедиться на примере заката СССР и последующей эпохи дегуманизации всех сторон социального опыта. На каких же основаниях возможна дальнейшая эффективная межкультурная коммуникация, приводящая не к нарастанию конфликтности в отношениях сторон, а к продуктивному взаимно обогащающему

обмену, стимулированию взаимного развития в режиме мирного сосуществования. Хотелось бы верить, что в XXI веке, после событий века XX, первейшая необходимость стремления к всеобщему миру в качестве базовой установки развития человеческой цивилизации не только не будет поправа, но и мысленно, идейно не будет поколеблена в безусловности своего звучания. Но это надежды... А реалии с ними, к нашему глубокому сожалению, по большей части не совпадают, так как именно эти фундаментальные основы существования мирового целого, к которым пришли после 2-ой Мировой войны, как никогда сегодня подвергаются развенчанию, сомнению и пересмотру. Имеется ли сегодня сила, которая окажется способной удержать мир от впадения в русло этого опаснейшего для человеческой цивилизации в целом рокового настроения?

Думается, что эта противостоящая нарастающим хаотическим процессам сила, направленная на уравнивание конфликтных ситуаций, на поиски мирных решений, на установление диалога и сегодня явлена Россией. Сам факт ее присутствия, действительное ее существование, а также содержательный опыт ее исторического самоутверждения – уже есть обозначение иной – не монологической позиции. Метафизической основой, лежащей в фундаменте проводимой и сегодня в мире Российской внешней политики, является присущий глубинному культурному менталитету народа высший мессианский настрой на предельное напряжение внутренних сил духа ради исполнения на Земле порядка, возвышающего, поднимающего земное к порядку Божественному. Россия внутренне не способна примириться с принципом несправедливого отношения к кому бы то ни было. Эту отличительную черту русского настроения отметил и искренне воспел Вальтер Шубарт, определив данный тип культурной ментальности как тип особого «мессианского человека» [2, с. 11].

О диалогической миссии России и творимого ею Русского мира, далеко выходящему за ее пределы – стоит говорить в смысле всемирно-исторического значения тех исторических экспериментов и побед, на которые народ – носитель этого духа, оказался способен: это и строительство государственности и «собрание земель вокруг Московии»; это и цивилизационные деятельные порывы в лице настроенных на воплощение и распространение отблесков света Европейской цивилизации просвещенных русских царей и императоров; это и, как ни парадоксально звучит – колоссальное по своему всемирному воздействию уникальное испытание создания государства, живущего как огромная семья народов, в основе которого – альтернативный европейско-капиталистическому способу жизни – путь социалистического развития (ложно понятый мессианизм), создание социалистической мировой системы. Победа в Великой Отечественной войне – яркое свидетельство принципиальной жизнеспособности той формы отношений, которая была предложена в качестве основы общения и понимания между людьми разных происхождений и национальностей, так как в них, несмотря на все трагические ошибки, были актуализированы сверхнациональные, общечеловеческие ценности. Стойкость системы проверяется в трагических испытаниях.

Советский проект – проект, имеющий в основе своей все тот же мессианский дух, но без традиционного религиозного, а на основе «новорелигиозного» (идеология заняла место религии) настроения. В условиях серьезных исторических испытаний была продемонстрирована такая непреложная духовная характеристика культуры – это ее свободная воля к самостоятельному творческому жизненному самоутверждению. Момент цивилизационного сотворчества в семье советских народов был весьма многоплановым и разнообразным, в самых разных областях жизни. Как известно: диалог возможен только когда имеет место, как минимум два определивших и осознавших себя культурных субъекта, в СССР их было гораздо больше.

Исполнить столь жизненно необходимую субъектную диалогическую миссию во вселенском масштабе, с нашей точки зрения, может народ, у которого в историческом багаже уже имеется успешный опыт такого общения и созидательного строительства. Масштабности советского проекта, а также мирового социалистического проекта предшествует опыт имперского строительства царской России, где центр выстраивал отношения с окраинами, и в котором, в целом, находил выражение принцип, озвученный Ф.М. Достоевским в знаменитой «Речи о Пушкине»: «наш удел и есть всемирность, но не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей». Братское отношение, «всечеловечная и всесоединяющая братская любовь», о которой говорит Ф.М. Достоевский, присущая нашему народу, определяет фундаментальную отличительную черту представителя русского мира – это «склонность к всемирной отзывчивости и к всепримирению» готовность, будучи братом всем людям, идти на жертву, ради благого или более справедливого состояния, которого он желает другому народу, зачастую в ущерб народу собственному. Добро в сознании русского человека самоценно. Жертва во имя Добра для русской души – не священна, а нормальна. «Я говорю, - пишет Ф.М. Достоевский – лишь о братстве людей и о том, что ко всемирному, ко всечеловеческому братству сердце русское, может быть, из всех народов более предназначено, вижу следы сего в нашей истории, в наших даровитых людях, в художественном гении Пушкина [3, с. 397-398].

Данилевский Н.Я., говоря о тех военных достижениях, которые имела Россия, совершенно верно указывал на то, что Россия никогда не гналась за контрибуциями и выгодами от побед, которые вполне могла бы требовать, но не делала этого: «Состав Русского государства, войны, которые оно вело, цели, которые преследовало, а еще более благоприятные обстоятельства...которыми оно и не думало воспользоваться, - все показывает, что Россия не честолюбивая, не завоевательная держава,...что она большею частью жертвовала своими очевиднейшими выгодами, самыми справедливыми и законными, европейским интересам...» [4, с. 44]. Момент этот может говорить только о том, что для русского воинства дорого было нечто другое: воцарение мира и установление, достижение самого факта справедливости, вполне удовлетворяющего его душу. Беско-

рыстие здесь не признак демонстрируемой непрактичности, непрагматичности, а признак более возвышенного духовного настроения: ценна не земная благодать, а реализация попытки посильного «обожения» мира (мир стал совершенней от достигнутого, преобразился в миге воцарившейся правды: зло наказано, какая же иная констатация может быть еще дороже?).

Есть ли в сегодняшнем мировом сообществе страна, которая способна стать настолько сильным духовным примером. Где-нибудь есть еще войны, способные погибать, защищая мирные дома на чужой стороне от ночных бомбардировок и налетов, относящиеся и к этой миссии как к самому обычному человеческому долгу? Есть ли они где еще? Выходит и сегодня, определяющим качеством самобытного облика русского человека является возвращенная многовековым опытом Православной традиции в переплетении сложнейших исторических судеб русского народа глубинное религиозное по духу самосознание представленное двумя его сторонами: с одной стороны это «всемирная отзывчивость русской души», он - «брат всему человечеству, всем людям»..., с другой стороны, не имеющая места при такой силе духовного самоотстаивания, тяга к внешнему давлению на другие народы, что не идет ни в какое сравнение с самым разным опытом реализовывавшегося веками экспансионистского настроения Запада. Тяги к подавлению других народов нет, но есть, уже подчеркиваемая выше непреклонная неколебимая воля к отстаиванию своей свободы и права на свободное и самобытное существование до последнего вздоха. Парадокс, но даже если сегодня, носитель русского самосознания далек от тех вероисповедных традиций, которыми жили его предки до 20 века, внутренне он остается гораздо более близок к значимым духовным прозрениям, чем те, на чью долю вообще не выпала историческая судьба насильственной десакрализации общества и всех устоев его жизни. Исконная, внутренне укорененная совестливость, наряду с привычным для нашего человека сомнением в собственном праве на что бы то ни было претендовать, да еще и свыше того есть, да еще и присущий устоям Православной веры кенотический настрой делают такого человека в большей степени понимающим чужие недостатки, принимающим несовершенства других. Без этого базового приятия права на реальное существование «другого» - никакой диалог невозможен, невозможны даже и сами подступы к его реализации. Кенотический настрой - уничтожение своих достоинств перед лицом Творца сделали русского человека невероятно терпеливым, нетребовательным по отношению к другим, но очень требовательным по отношению к собственной совести, мятущимся, неспокойным, если что не так сделал. Отсюда, даже сейчас часто наблюдаемая способность прощать, не обращать внимания даже на намеренно наносимые обиды. Стоит по-настоящему встать всем миром и страдать только за то, что того достойно, восставать ради собственного личного благополучия - недостойно. Пострадать до конца стоит только за воплощение вышней, горней идеи мира (здесь с нашей точки зрения - истоки массового героизма в годы Великой Отечественной войны, объясняемые единодушным отстаиванием Добра против зла),

внутренне переживаемая глубокая забота в русле прагматической логики добываемого житейского блага, чужда и недостойна переживанию в глубине сердца. Мир и земные, мирские заботы не могут сделать сердце подлинно зрячим, а душу подлинно знающей (поговори и сегодня с любым думающим и равнодушным человеком в России: он не о своих трудностях будет говорить, а будет сокрушаться об утраченном социальном порядке, о поколебленных в обществе принципах справедливости, о бездарной «сдаче» выстрадавших и «омытых» общей жертвенной кровью идеалов и ценностей единого советского многонационального народа в безвременье 90-х г.г.).

С точки зрения В.С. Соловьева опыт человеческой личности делает цельным, безущербным, только правда высшего порядка. Для большинства русских мыслителей: Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, С.Л. Франка и мн. др. - невозможно, чтобы мыслимое, прочувствованное душой и принятое в качестве знания, расходилось с делом. Правда не может не быть воплощенной в той или иной мере: отсюда действительно проявляемая себя в историческом и конкретно-социальном опыте максималистическая тяга получить чаемый результат в объективированном, действительном контексте существования. Однако стоит отметить, что время только подтвердило точность оценок Бердяевым Н.А. русского национального характера как глубоко неоднозначного противоречивого и антиномического, прав он и в том, что от неверно направленного максималистического настроения наш человек может сам глубоко пострадать. Так воплощаемая часть антиномии духа «самый государственный человек» явила взлеты социального строительства, воплощение негативной части этой антиномии духа – «самый безгосударственный, самый анархически настроенный человек» [5, с. 297-298] (лихие 90-е, безмерная тяга к самообогащению – максималистическая болезнь, сегодня глубоко поразившая сознание нашего народа), проводимая в жизнь все с тем же размахом, свойственным широте русской души может привести к такому всепоглощающему разрушению самих основ государственности и его функций, что можно только диву даваться. Как, какую волею в столь короткие сроки может осуществиться переход из крайности в крайность.

Русский народ, подобно самому удивительному певцу его христианского настроения Ф. М. Достоевского который, по словам Л.Н. Толстого – «сам есть борьба», так же невероятно сложен в своем внутреннем настрое и трагически противоречив в его внешних проявлениях. Здесь, увы, есть и обратная сторона «братского участия» и повышенной связанности (коммуникативности и коммюнитарности) с другими народами. Опыт показывает, и наблюдение это удивительным образом отражает значение состояния русской нации для окружающих ее народов, живущих с ней бок о бок веками: строит и созидает, идет вперед как локомотив по рельсам развития и прогресса социального опыта Россия, согласуясь со своим внутренним нравственным порядком – притягиваясь к ней, словно подтягиваясь, идут по этому же пути и окружающие культуры и народы, втягиваясь в орбиту единого цивилизационного строительства; скатывается в состояние без-

времени и утраты нравственных основ жизни и социальной нестабильности России, что происходит с определенной периодичностью с любым народом - возвращается подобное состояние и у соседей с небольшими отличительными этническими нюансами, которые можно приписать специфике и колориту местной культуры – суть происходящих социальных процессов – одна.

Очевидно, что деградация и утрата культурного самосознания русским человеком – это фактический исторический проигрыш и народов его окружающих, поэтому в оздоровлении и прояснении национального духа, в очищении и личностном росте русского человека, в его внутреннем оздоровлении не в меньшей, а даже в большей степени - должны быть заинтересованы и соседние народы, так как их поступательное развитие напрямую связано с существованием и развитием русского человека, с его личностным состоянием - развитием или падением, утратой подлинного облика и его вновь обретением. Человек русского мира в широте своего максималистического настроения, словно призван явить миру как недостижимую высоту духовного подвига и святости, так и устрашающую бездну возможного падения и деградации человеческих начал, все с теми же максималистическими, обрекающими на «падение до конца» интенциями. О бесконечной глубине человеческого падения пророчески предупреждал Ф.М. Достоевский, который, по словам В. Распутина «в такую бездну человеческой души заглянул, такую правду о человеке знал, к которой человек вряд ли готов»... Может быть с самим фактом такого открывшегося в гении Достоевского знания о человеке, в максимально противоречивом проявлении его (народа) диапазона души от неизмеримых высот духа и бездны его же возможного падения незримо связан тот факт, что Россия понимающе относится к проявлениям всякой иной дружности, как знающая большее и более великодушная в прощении?

Поразительным сегодня в XXI веке – веке сугубо прагматической и потребительно-утилитарной логики остается факт неизменно демонстрируемого диалогического настроения России в общем мировом пространстве, имеющего глубокие метафизические корни, определяющего ее, в том числе и сегодняшнюю глобальную миссию. Несмотря на самые разноречивые ее внутренние состояния, Россия продолжает постоянно и повсеместно, в условиях разных конфликтов отстаивать возможность диалога, включая в орбиту своего притяжения (неотторжения) даже тех, кого в лучшем случае можно назвать геополитическими конкурентами, в худшем – прямыми противниками, если не врагами ее. Россия не изменяет духу своей исконной Православной установки на миролюбие, даже в отношении тех, кто демонстрирует откровенную вражду и унижение по отношению к ней, ее народу, его очевидным историческим достижениям и заслугам, в том числе и перед народами Европы. Ничего не меняется. В отношении к ней – вражда и неприятие факта объективного ее существования, то есть «нелюбовь».

Нельзя не отметить, что праву на субъектность нашей культуры, безусловно, и сегодня брошен вызов. Мы глубоко убеждены в том, что от того, насколько нынешняя Россия окажется способной в контексте мировой политики сохранить

свою приверженность справедливости горнего толка, зависит состояние мира в целом. Нельзя игнорировать тот факт, что внешне объективируемая самоконстатация и самоутверждение в статусе полноправного субъекта мировой культуры невозможны без внутренней кропотливой работы, направленной на оздоровление духовной природы человека: без постоянного внимания к содержанию идеалов и ценностей, формирующих индивидуальный личностный облик вряд ли возможно развитие мировоззренчески цельной непротиворечивой, а развивающейся личности. Здесь как в агрикультуре: чтобы собрать с поля достойный урожай радеть надо о каждом зернышке. В эпоху Советской идеологии, при всех негативных издержках, системе удалось на основе проповедуемых ею принципов жизни, добиться того, что отдельный человек в основной своей массе ясно сознавал, носителем каких жизненных устоев и ценностей он является, и здесь, определенно – был предмет для гордости и самоуважения, что принципиально немаловажно. Так и сегодня, особенно - перед общественниками и гуманитариями, всей творческой и мыслящей братией – стоит задача формулирования и кристаллизации ценностного содержания таких принципов нашей жизни, которые не только сделают нас вновь узнаваемыми, уникально самобытными в мировом сообществе, но и с очевидностью убедят мир в эффективности этих принципов не только для жизни, но для улучшения и необходимого совершенствования мира в целом.

Традиционно приписываемая России роль некоего «медиатора», помогающего «переводить» ценности Запада Востоку и, тем самым примиряющая и делающая их более понятными друг другу, с нашей точки зрения, не только не исключается, но и не может быть подвергнута минимальному сомнению: так и есть, однако – одна только эта отведенная роль не отражает глубинных оснований всемирной диалогической миссии Русского мира (который, к слову сказать, гораздо шире самих физических границ России) вполне. Роль России, не может быть сведена к исторически и естественно-географически объясняемому смешению и синтезу Западного и Восточного компонентов. В самих исконных основах русского духа коренятся такие эвристически значимые для мира энергии духа, которые сам русский народ апробировал в строе и исконного общинного бытия, и в условиях коллективного хозяйствования, и в производственных прорывах (за 50 лет пройдя путь, который Запад шел 150 лет), и в горнилах испытаний Отечественных войн 1812 и 1941-1945 годов, в многовековом опыте культурно-диалогического общения, как с Западом, так и с Востоком и которые он продолжает и сегодня нести в своем культурно-историческом самосознании как свое глубинное духовное кредо. Речь, конечно, идет о соборности, как наиболее значимой черте русского культурного самосознания, определяющего тот характер общения, на который только и способен, к которому внутренне предрасположен человек русского мира – принципиально диалогический. То, что Ф.М. Достоевский называл «быть братом всякому человеку», у А.С. Хомякова звучало как «соборность» - соборование со всеми людьми на основе даруемой Богом любви.

Единство в духе – вершина межчеловеческого общения. Достичь этой вершины, или приблизиться к ней без и вне любви, любовного отношения ко всякому человеку как к брату невозможно. Именно любовь человека к человеку корыстолюбивый мир стирает и устраняет, как глубоко противоречащую его бездушной поступи ценность.

Перепутье XXI века для русского богатыря - что выбрать, куда дальше двинуться: довольствие материальными благами как усеченной, но достаточной основой самоуважения, или, оставаясь верным духовной правде народа, то есть самим собой, он должен понести и дальше зная братской любви человека к человеку как единственное подлинно спасительное для человечества и его будущего?

Народ, если он претендует на самодостаточность не в праве, не может забывать об извечном вопросе (перефразируем слова В. С. Соловьева): так что же «Бог задумал о нем в вечности?». «Истина есть безусловное бытие всех в единстве; она есть вселенская солидарность, вечно пребывающая в Боге, утраченная природным человеком и в принципе вновь обретенная духовным человеком – Христом. «Перед нами, следовательно, - выводит В.С. Соловьев, - задача: продолжить человеческим действием дело Богочеловека – дело объединения, отвоевывая мир у противоположного принципа эгоизма и разделения», ...«если истина жива в нас - она должна проявиться как справедливость» [6, с. 13-14].

Один студент на семинаре коллеги по цеху, по сему видно – думающий студент, спросил: так зачем же нам даны такие земли, почему Россия такая большая? Выходит, мы что-то должны показать миру, живя на этих просторах...Ведь очень верно сказано Соловьевым же: «немного сделаешь, когда не знаешь, что надо делать» [6, с. 91]. Напрашивается такое предположение относительно смысла земного существования России (понятие «Русский мир» еще шире, чем Россия): живя такой большой и многоликой семьей народов на этих бескрайних просторах мы можем (в историческом опыте закреплена эта констатация), и значит – «должны» показать миру, что только принципы любви, добра, справедливости и взаимного уважения, понимания и поддержки являются подлинной основой для всеобщего развития и процветания вселенского человечества.

Мировое призвание Русского мира и состоит, по видимому, в том, чтобы здесь – фактически на одной шестой части суши явить миру не утопическую, а вполне реальную модель подлинного Богочеловеческого глобального проекта и делать это необходимо, исполнять эту высокую историческую миссию мы должны не только самоспасения ради или спасения мира, но ради принятой раз и навсегда нашей культурой идеи самодовлеющей ценности Добра, как единой и безусловной основы бытия.

Библиографический список

1. Бердяев, Н. А. Русская идея / Н. А. Бердяев – Харьков: «Фолио», Москва «АСТ», 1999. – С. 5-242.
2. Шубарт, В. Европа и душа Востока / В. Шубарт – М.: Альманах «Русская идея», 2000. – С. 10-14.
3. Достоевский, Ф. М. Дневник писателя. 1880. Гл. I. Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине; Гл. II. Пушкин (очерк) // Достоевский, Ф. М. Политическое завещание. - М.: «Алгоритм», 2006. – С. 370-399.
4. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – М.: «Книга», 1991. – С. 23-53, 397-432, 469-509.
5. Бердяев, Н. А. Душа России // Русская идея / Сост. и автор вступ. статьи М. А. Маслин. – М.: «Республика», 1992. – С. 295-312.
6. Соловьев, В. С. Россия и Вселенская Церковь / В. С. Соловьев. – М.: ТПО «Фабула» (репринт с издания А.И. Мамонтова, М., 1911), 1991. – С. 3-120.

Л. А. Отставнова / L. A. Otstavnova*

**ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА
(THE DIGITALIZATION OF THE ECONOMY AS A DETERMINING FACTOR
OF ECONOMIC GROWTH)**

Аннотация. В статье обосновывается актуальность темы, дается определение цифровой экономики. На основе сравнительного анализа разных стран и регионов России дается характеристика ее современного состояния. Выявляется положительное влияние на экономический рост, намечаются пути дальнейшего развития цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровая экономика, экономический рост, инновации, инвестиции, интернет.

Abstract. The article substantiates the relevance of the topic, provides a definition of the digital economy. On the basis of a comparative analysis of different countries and regions of Russia, a characteristic of its current state is given. It reveals a positive impact on economic growth, outlines ways for the further development of the digital economy

Keywords: digital economy, economic growth, innovation, investment, the Internet.

Современный этап развития общества характеризуется ускоренным развитием новых технологий, внедрением в различные отрасли экономики инновационных приложений, реализацией отраслевого плана по созданию «умного мира», построенного на базе искусственного интеллекта и информационно-коммуникативных технологий. Основой «умного» мира является внедрение в сферу использования данных и обмена информацией интеллектуальных технологий, рост количества подключений и сенсорных устройств. Ключевые технологии, к которым относятся облачные сервисы, 5G, Интернет вещей, видео, искусственный интеллект, объединившись, будут развиваться вместе, создавая большую добавленную стоимость и помогая раскрыть человеческий потенциал для создания и внедрения инноваций в организациях.

Под цифровой экономикой понимают хозяйственную деятельность, непосредственно связанную с развитием компьютерных цифровых технологий, ключевым фактором производства в которой являются цифровые данные, их обработка в большом объеме, что способствует формированию интернет простран-

* **Лилия Алексеевна Отставнова**, канд. экон. наук, доц., Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина (Саратов, Россия). E-mail: Liliotstav69@yandex.ru.

ства на новой технологической основе для социально-экономической сферы с учетом потребностей общества в получении достоверных сведений.

Основными драйверами развития цифровой экономики являются: электронное правительство, «умный город», экологичный и «умный» дом, товары нового технологического поколения, 3D-принтеры, инновационные фармацевтические препараты, альтернативные и свободные формы занятости. Все это связано с уменьшением издержек производства и управления через применение платформ цифровой экономики, соединяющие в себе товары и электронные услуги [3].

В скором будущем конкурентоспособность предприятий будет оцениваться уровнем их цифровизации, поэтому в самых разных секторах экономики ведущие компании начинают внедрять различные цифровые инструменты. Например, на предприятиях нефти и газа это позволит моделировать месторождения и вести наблюдение за далеко расположенными месторождениями с помощью дронов, снижать энергозатраты, повышать эффективность процесса бурения и ремонтных работ. Предприятия, занимающиеся производством и распределением электроэнергии, газа и воды (ПиРЭГВ), добычей полезных ископаемых (ДПИ) и их обработкой начинают увеличивать инвестиции в создание центров сбора, обработки и хранения данных о бизнес-процессах и клиентах. Такие центры помогают производству лучше понимать потребности клиентов и повышают эффективность бизнес-функций.

Говоря о конкурентоспособности, надо учитывать и такой показатель, как использование компаниями сети Интернет, развитие которой оказывает влияние на состояние малого бизнеса, рост производительности труда, продвижение электронной коммерции, улучшение в сферах образования и здравоохранения, повышение эффективности бизнес-процессов предприятий.

Так, если в 2010 году доступ к интернету (рис. 1) больше всего имели организации связи (93,8% от общего числа организаций предпринимательского сектора), то в 2016 году организации обрабатывающих производств (ОП) являются лидерами (95,6%). На втором месте находятся торговые организации (94,4%), в которых доступ к интернету увеличился за 16 лет на 6,9%. Меньше всего интернетом пользуются организации, осуществляющие операции с недвижимостью и предоставляющие услуги (76,5% в 2016 году).

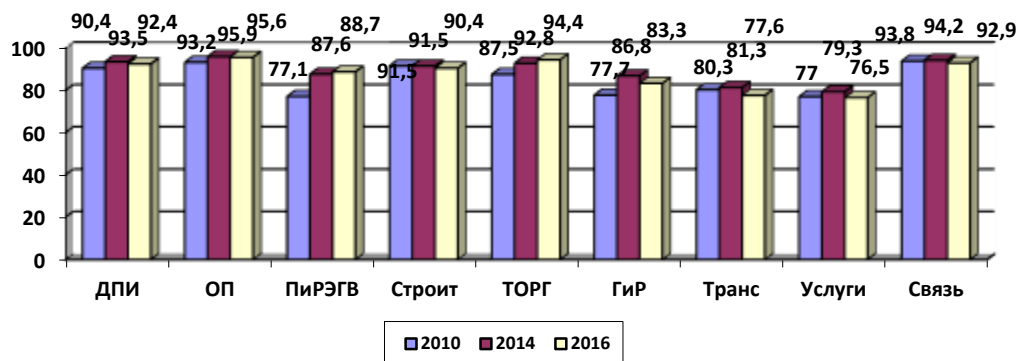

Рис. 1. Доступ к интернету в организациях по видам экономической деятельности в России, % [1]

В результате ряда исследований в области инфокоммуникационных технологий аналитики сделали вывод: чем выше уровень проникновения широкополосного доступа (ШПД) к Интернету, тем больше вклад в ВВП страны, в результате чего были выявлены три группы стран. К странам с низким проникновением ШПД относятся Болгария, Румыния, Венгрия, Греция, Италия. Вклад в ВВП этих стран составляет в среднем 0,8%. Такие страны, как Германия, Бельгия, Португалия, Испания, Франция, Япония характеризуются средним проникновением ШПД и вкладом в рост ВВП 1,4%. Высокое проникновение ШПД имеют Австрия, Нидерланды, Финляндия, Дания, Словения, Республика Корея, поэтому вклад в рост ВВП у них находится на уровне 2,3%.

В Китае прирост ВВП от 7 до 22% к 2025 году произойдет за счет применения цифровых технологий, в США прирост стоимости составит 1,6-2,2 трлн. долларов. Цифровизация российской экономики становится важным фактором экономического роста: до 2025 года цифровые технологии позволят увеличить ВВП от 19 до 34%.

В 2016 году в России проникновение ШПД выросло до 81% по сравнению с 3% в 2005 году, однако все еще наблюдается отставание от развитых стран мира, достигнувших уровня проникновения ШПД более 95%. Кроме того, наблюдается цифровое неравенство регионов: если в Москве и Санкт-Петербурге обеспеченность услугами ШПД организаций составляет 95,2% и 91,2% соответственно, то в Новосибирской и Курганской областях – 63,9% и 61,2%, в Саратовской области – 65,1%, по России в целом – 80,5% (рис.2). Объясняется эта ситуация тем, что низкая плотность населения на значительной территории отдельных регионов требуют больших инвестиций для строительства транспортных сетей высокой протяженности.

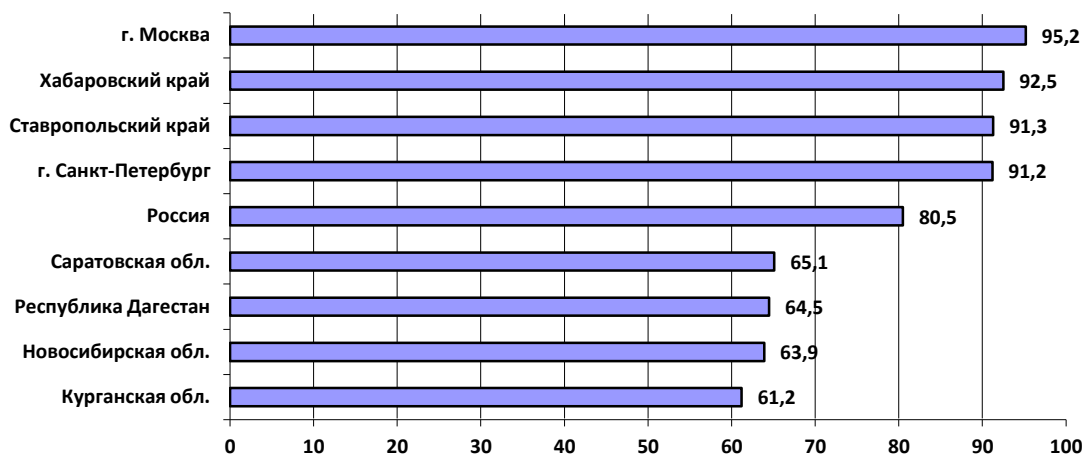

Рис. 2. Широкополосный доступ к интернету в организациях по субъектам Российской Федерации, 2016 г. (в % от общего числа организаций предпринимательского сектора) [1]

Цифровая экономика в России преобразует рынок труда, поддерживает появление новых цифровых компаний, повышает уровень доступности услуг в цифровом формате для населения и бизнеса, распространяет в массовое использование интернет, широкополосную и мобильную связь. Предварительный бюджет программы «Цифровая экономика» превышает 3,5 трлн. рублей [2].

Однако, все еще сохраняется отставание России от стран Евросоюза по ключевым показателям развития цифровой экономики (рис. 3). Например, проникновение интернета в России на 9% меньше, чем в странах ЕС, мобильного интернета – на 10%, смартфонов – на 2%. В 2016 году в России наблюдается незначительный процент организаций, имеющих интернет-сайты (43%, что на 37% меньше, чем в странах ЕС). Доля граждан, пользующихся порталом госуслуги, остается на незначительном уровне и на 19% отстает от стран ЕС. В России в 2,4 раза меньше граждан, совершающих онлайн-покупки.

Рис. 3. Доступ к цифровым сервисам в России и странах ЕС в 2016 году, % [1]

По прогнозам компании Huawei, представившей доклад Global Industry Vision (GIV) 2025, во всем мире к 2025 году 12% домохозяйств будут использовать роботов, будет насчитываться 40 миллиардов персональных интеллектуальных устройств, из которых 90% будут оснащены личными помощниками с элементами искусственного интеллекта. Роботы-проводники помогут 39 миллионам слепых и 246 миллионам слабовидящих жить полноценной жизнью. В таких областях экономики, как производство, транспорт, коммунальное и сельское хозяйство, здравоохранение, финансы будут работать 100 миллиардов сетевых соединений, способствующих переходу на цифровые технологии, основным источником которых станет промышленный интернет. Ожидается, что в облачной среде будут находиться 85% приложений для предприятий, искусственный интеллект будут внедрять 86% транснациональных компаний, доля использования данных увеличится до 80% за счет большого количества и лучшего качества подключений. Это характеризует первую концепцию цифрового будущего, представленную компанией Huawei.

Вторая концепция основана на прорывном развитии различных отраслей и создании новых видов бизнеса на базе искусственного интеллекта платформы +Intelligence. Например, в транспортном секторе к 2025 году планируется подключить к сетям 5G 60 млн. транспортных средств, а к интернету – 100% новых транспортных средств. Для повышения уровня жизни, обеспечения безопасности и удобства «умные» технологии будут все шире применяться в градостроительстве.

Третья концепция выражается в массовых инновациях, в результате чего объемы цифровой экономики достигнут 23 триллионов долларов. Наиболее дорогой составляющей считается информационная инфраструктура, включающая глобальную спутниковую систему для покрытия всей планеты беспроводным доступом в интернет, мобильная связь 5G и интернет вещей. Чуть меньше потребуется для перевода государственных услуг и управления в цифровой формат. Необходимо также осуществлять финансовую поддержку разработки цифровых технологий и их разработчиков, подготовки кадров, информационной безопасности.

Библиографический список

1. Индикаторы цифровой экономики: 2018: статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишнеvский, Г. Л. Волкова, Л. М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2018. – 268 с.
2. Оцифрованные триллионы: как оценили затраты на цифровую экономику [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/technology_and_media/07/08/2018/5b6863309a794771cab9e897 (дата обращения: 01.03.2019).
3. Паньшин, Б. Цифровая экономика: особенности и тенденции развития / Б. Паньшин // Наука и инновации. – 2016. – № 3. – С. 17-20.

С. П. Парамонова / S. P. Paramonova*
**ОТНОШЕНИЕ К ФАВОРИТИЗМУ ЗАНЯТЫХ ГРУПП
АЛТАЙСКОГО КРАЯ И СТУДЕНТОВ АГТУ
(ATTITUDE TOWARDS FAVORITISM OF BUSY GROUPS
OF THE ALTAI TERRITORY AND STUDENTS OF THE ASTU)**

Аннотация. В статье дано отношение опрошенных жителей Алтайского края сельской интеллигенции, служащих, а также студентов Алтайского государственного технического университета (АГТУ) к такому социальному явлению, как фаворитизм. Перед нами возникла тройная задача – на малом поле статьи ввести основные понятия ролевых групп, затем на фоне социально-демографических и социально-профессиональных групп развернуть сетку распределения ролей на социальном поле региона, а также сравнить таксономию этих ролей с распределением ролей в других регионах. Таким образом, мы наблюдаем горизонтальные различия ролевых структур при сопоставимости между объектами. Статика должна дополняться динамикой: отражением через десятилетие соотношения групп – во времени. Социальные структуры претерпевают изменения. Необходимо выделить те давления, которые приводят к изменению соотношения ролевых групп. Лишь высветив отношение жителей к неуловимому феномену фаворитизма, становится возможным переход к социальным технологиям ограничения фаворитизма в социальных институтах и поселенческих общностях.

Ключевые слова: институт и роль; симбиоз «лидер–фаворит»; конформист и маргинал; аутсайдер и отверженный; «вера-в-себя».

Abstract. This article describes the attitude of the respondents from the Altai Territory to the rural intelligentsia, civil servants, and also students of the Altai State Technical University (ASTU) to such a social phenomenon as favoritism. We faced a triple task - to introduce basic concepts of role groups in a small field of an article, then against the background of socio-demographic and socio-professional groups to expand the grid of roles distribution in the social field of a region, and also compare the taxonomy of these roles with the distribution of roles in other regions. Thus, we observe horizontal differences in role structures with comparability between objects. Statics should be complemented by dynamics: reflection in a decade of the ratio of groups - the dynamics over time. Social structures are changing. It is necessary to distinguish those pressures that lead to a change in the ratio of role groups. Only by highlighting the attitude of residents to the elusive phenomenon of favoritism, it becomes possible to move to

* **Парамонова Светлана Павловна**, д-р филос. наук, доц., Пермский национальный исследовательский политехнический университет (Пермь, Россия). E-mail: spp45@mail.ru.

social technologies to limit favoritism in social institutions and settlement communities.

Keywords: institution and role; leader-favorite symbiosis; conformist and marginal; outsider and outcast; "Believe in yourself".

Введение. Исходя из мертоновского постулата о функциональном единстве общества, универсальности и необходимости анализа рассмотрим феномен фаворитизма, как социальное, а не социально-психологическое и социально-политическое явление. Цель исследования – дать систематический функциональный анализа фаворитизма, как типа социальной связи. В данной парадигме содержится *минимальный набор понятий*, которыми следует оперировать, чтобы представить феномен фаворитизма целостно. На общем глобальном уровне ролевая структура приводит к анализу блоков стран с их лидерами и сателлитами, фаворитами и изгоями. В любом государстве есть и приоритетные институты, куда вкладываются основные средства. В настоящем мир опять втянут в гонку вооружений. Есть и третий институциональный уровень исследования общества. Сложность и многозначность понятия «институт» отмечал П. Бурдьё [1, с. 238]. В российской социологии В.М. Быченков показал, что институт это – сверхколлективное образование, которое формируется через институты-установления и институт-организацию [2]. При постановке цели исследования полагается, что фаворитизм, в качестве социального института поддерживается исполнением ролей в группе. Институциональная парадигма фаворитизма приводит к *ролевой системе личности*. На эмпирическом уровне личность (группа) предстает во внутренней дифференциации: *лидер и фаворит, конформист и маргинал, аутсайдер и отверженный (изгой)*. Нами выделена и дополнительная роль в группе «*вера-в-себя*».

Гипотезы предполагают определение влияния фаворита на социальный процесс в зависимости от целей симбиоза, в котором фаворит связан с лидером. Данный *структурный контекст* ограничивает (либо расширяет) изучения взаимосвязи лидера и фаворита, зависимость группы от внешних больших систем. Фаворит призван удовлетворять функциональным требованиям внешней системы, с одной стороны, и внутренних ожиданий лидера, с другой стороны. Однако если фаворит не эффективно исполняет свою роль, то его отодвигают на край стратификации в группе, что выражено в поговорке: «высоко летал, да низко упал».

Вместе с тем, фаворит может вступать в латентную состязательность с лидером за ведущее место. В определенных исторических обстоятельствах фаворит играет роль «серого кардинала» и может оказывать негативное влияние на социальный процесс, играть негативную роль в социально-психологическом климате коллектива, сообщества и общества. Фаворитизм, на наш взгляд, превращенная форма коллективности, в конечном счете, он ориентирован на индивидуальный личностный интерес.

Ролевую теорию личности необходимо представить как нарратив *конкретного и детального механизма*, с помощью которого выполняется *функция каждой роли в группе, сообществе*. Это определяется обособлением институциональных требований, местом личности в социальном разделении труда, а также местом личности в распределении ролей в группе и, наконец, иерархической предрасположенностью ценностных ориентаций каждой ролевой группы, их проявлением в поведенческих формах – ритуалах и церемониях. Задачей исследования явилось определение *диапазона изменчивости* роли фаворита и разнообразной оценки его в глазах окружения: от уровня соратника и сподвижника либо низведения его до статуса временщика и «не рукопожатного», либо «своего» члена кланов и клик, влияющих на власть и на коллектив.

Содержание. Необходимость рассмотрения фаворитизма, как социального явления – это осознание неконтролируемых латентных связей в обществе и коллективе: диктата меньшинства большинству; устанавливаемых правил игры глобальных сообществ и навязываемых ими различного рода санкций и даже типов правления народам и государствам. Проявление функциональных альтернатив регулирования и разрегулирования экономик, свободы как господства стихии – воздействие на практику фаворитизма. Либертаристская концепция «баланса конкурирующих притязаний» приводит лишь к старой расстановке сил – богатый богатеет, бедный беднеет [7].

Обнаружение скрытых функций означает важное увеличение социологического знания. Они представляют, следовательно, большие отклонения от знаний о социальной жизни, основанных на здравом смысле. Явная функция это такое следствие, которое вызвано намеренно и признанно. Латентная функция, напротив, это – то следствие, вызвать которое не входит в намерения действующего лица [4, с. 447].

Фаворитизм содержит многочисленные функции: традиционно он рассматривался как социально-психологическое или социально-политическое явление. Одним из таких явлений является манипуляция идеями в массовом сознании. Фаворитизм не просто интеракции в семье, коллективе, это симбиоз «лидер-фаворит» в сообществах разного уровня – от институциональных, территориальных до национальных и глобальных.

С целями исследования мы сопоставили в качестве противоположных два региона в их оценках фаворитизма. С одной стороны, суждение о фаворитах разного уровня (с мужских позиций) группами рабочих и инженеров, занятых в оборонном комплексе в центре РФ, студентов в г. Саров. С другой стороны, – (женское понимание и отношение) к фаворитизму представлено гуманитарной интеллигенцией – директорами библиотек, учителями, пенсионерами, служащими – занятыми группами Алтайского края, в таких селениях как Волчиха, Згогуриха и др., совместно со студентами, рабочими, инженерами в г. Барнаула. Третьим, сопоставимым регионом стал Северо-Западный Урал. Опрошены группы

студентов вузов, интеллигенции, служащих, рабочих, строителей, $n = 1616$. Исследование на данных объектах проведено в два этапа 2003 г. и в 2012 г.¹

Для анализа такого скрытого от чужих глаз явления на всех уровнях общества, как фаворитизм, целесообразно обратиться к ролевой теории личности, интерес к которой после 1950-х гг. вновь поднимается в социологии [10, с. 15–24; 3, с. 18–19]. Когда речь идет об исторической памяти, тогда не учитываются потери в семье, уровень заработков женщин, поднимающих детей без мужчин в доме, в данном исследовании прослеживается связь исторического, событийного процесса, экономического статуса ядра групп, «ядра коллектива» и периферии, кроме того не всегда учитывается – профессионально-деловая траектория и статус личности в группе. Вместе с тем отмечается, что логичное для одной группы, не является таковым для другой [9, с. 138–140].

Лидеры в Алтайском крае это – администраторы, инженеры, специалисты в сфере культуры, директора сельских библиотек. Фавориты – правят миром, считает лидер. Фаворит, по мнению лидера, стремится занять место в ядре группы и упрочить свою позицию в симбиозе «лидер-фаворит». Предки лидеров – наиболее образованные слои, включающие военнотружущих, гуманитарную интеллигенцию и инженеров. Треть семей лидеров в прошлом, 3-4 поколения назад отдали мужчин на фронты Великой Отечественной войны. В настоящем лидер задает профессиональные цели и задачи коллективу, он – демиург отношений в коллективе. По типу морального сознания в большей мере – коллективист [5, с. 266–269].

Фаворит – роль, призванная поддерживать социальный порядок в сообществе. Все устойчивые формы культуры обязательно являются функциональными, исходя из постулата *универсального функционального единства*, по Мертону. Устанавливая социальную дистанцию между ядром и членами коллектива, фаворит способствует исполнительской дисциплине, но эта функция приводит временами и к дисфункции, способствуя нарастанию отчуждения в коллективе. Это явление имеет практический социальный смысл. Идея гармонии и счастья в настоящем подменяется идеей успеха [6, с. 279–289].

Фаворит, провозглашая в предпочтениях собственность трудящихся, принцип оплаты по труду, сам стремится к упрочению личного благосостояния, это и определяет его, по мнению окружающих, как значимого, влиятельного, но «второго лица» в коллективе. Большая часть фаворитов (3/4) имеет незаконченное- и полное высшее, (1/4) среднее образование. Роль фаворита функциональна: за-

¹ Исследование «Социология фаворитизма» проведено 2002–2003 и 2011–2012 гг. по городам РФ: Барнаул, Красновишерск, Москва, Саров, Соликамск, Пермь, Череповец, Алтайский и Пермский край ($n = 1027$, $n = 556$); по инструменту автора, при участии проф. А.А. Удоденко, доц. Н.А. Цыганенко, г. Москва, доц. М.А. Рыбаковой, менеджера Л.П. Цибрюк, г. Череповец, д-ра ист. наук О.Ю. Солодянкиной, г. Саров, чл. Союза писателей РФ Л.П. Ковшовой, инж.-исслед. Н.В. Болденковой, проректора СГПИ Г.А. Лебедевой, проректора УрГЭУ В.В. Шилова. Расчет по программе SPSS И. Балезиной, Е. Коршуновой, Е. Жиряковой.

дать организованность коллективу, а в симбиозе «лидер-фаворит» – влиять на лидера и его окружение. По происхождению фавориты из среды технических специалистов и служащих. Предки фаворита дали гибкие адаптивные и устойчивые ростки типов личности в будущее. Практика показывает, что лидер и фаворит – два принципа конкурирующей легитимации. Сам фаворит хотел бы в перспективе стать лидером. Однако чистым балансовым итогом последствий является то, что лишь часть фаворитов переходит на роль лидера, в целом же по исследованию, фавориты опускаются по ролевой траектории на уровень конформистов.

Конформист считает, что фаворитизм должен контролироваться обществом снизу доверху. Преградой фаворитизму, как превращенному типу коллективности, должен стать закон, устанавливающий границу в оппозиции между подвижниками и временщиками (одними, живущими для общества, другими, живущими от общества). Исходя из мертоновского постулата функционального единства, мы утверждаем, что нельзя предполагать полную интеграцию всех сообществ. Необходимо быть готовыми к различным степеням интеграции. Образовательные характеристики и уровень доходов большинства конформистов наиболее низкие, ниже среднего в сравнении с лидерами и фаворитами. И в настоящем слой конформистов политически индифферентен. В будущем более половины предполагают оставаться в рамках своей социальной роли, четвертая часть группы хотела бы по социально-ролевой траектории подняться на уровень лидеров. Женщины этой группы отмечают, что больше половины предков семей отдали мужчин на фронты Великой Отечественной войны. Особенностью большого слоя конформистов является то, что предки не пострадали от исторических политических катаклизмов страны: ни репрессии, ни раскулачивания менее образованных слоев предыдущих поколений не коснулись. В гуманитарном социальном поле женщины вдвое больше тяготеют к конформизму в сравнении с мужчинами, выходцами из среды инженеров и работающих в оборонном комплексе.

Маргинал. Из критического рассмотрения постулата единства следует, что теория функционального анализа должна включать в себя требование *спецификации* той социальной единицы, которая обслуживается данной социальной функцией. Это имеет множество следствий, одни из которых являются функциональными, а другие могут быть дисфункциональными. Шаткость положения бюджетников приводит к ситуации, когда верования и чувства маргиналов приходят к дезинтеграции. Снижение ролевых позиций приводит к понижению жизненного тонуса. Историческое место России характеризуется маргинальностью, как отмечается респондентами, «страной, находящейся в вечном переходном состоянии».

Свобода, в символическом мире маргинала имеет две стороны, мировоззренческую, определяющую смысл жизни, и практическую, ритуально-поведенческую. Маргинал отмечает, что РПЦ, как институт, несет все характе-

ристики общества: на все гуманитарные процедуры, без стеснения определён прайс цен, к примеру, за отпевание в церкви в Перми такса 19 тыс. руб. Та свобода, которой воспользовались маргиналы, свобода выборов деятельности, свобода слова, свобода вероисповедания не привела их к успеху.

Маргинал удерживает в символическом мире две стороны фаворитизма: его закономерность, как естественный отбор в массе сообществ. С другой стороны маргинал отмечает большую роль случайности: он считает, что индивид случайно входит (попадает) в круг лидера из ближайшего окружения и превращения в фаворита.

Особенностью жизненных ожиданий маргинала является следующая альтернатива: в своей профессиональной нише треть мечтает в будущем выдвигнуться в лидеры, однако реально прогнозируется направленная вниз траектория социально-ролевых позиций в сторону аутсайдерства и отверженности.

Аутсайдер. Существует множество способов иерархизации, где индивид находит утешение в собственной выработанной защитной реакции на окружение. Принятие решений в группе – привилегия фаворитов. Аутсайдеры от этого отстранены. П. Сорокин отмечал внутригрупповую роль санкций [8, с. 277]. Положение в сообществе, материальная зависимость от обстоятельств, продлевается мера неблагоприятия от прошлого семьи. Аутсайдер, по происхождению, – выходец из семей служащих и квалифицированных рабочих. Как правило, он индивид, имеющий высшее образование. Его ценностные ориентации – чистая совесть, творческая работа, личная жизнь и удовлетворенность работой. Чаще он сам создал себя своими усилиями. В его разумное понимание справедливого общественного устройства входят следующие факторы: равенство возможностей, распределение по труду, равенство всех перед законом. Если в начале века, наблюдая за олимпом власти, на котором отношения лидера и фаворита рассматривались, как круговая порука, то через десятилетие, как рациональный расчет.

Если в промышленных урбанизированных комплексах и занятых научно-оборонными разработками регионах аутсайдеры это – образованные группы, критикующие лидеров и симбиоз «лидер-фаворит», то аутсайдеры в Алтайском крае, это рабочие, опущенные на дно социальной структуры, либо становится прекариатом, отталкиваемым в сторону безработицы. Девушки-менеджеры Алтайского государственного технического университета удерживают в своей памяти потери родственников и предков в ходе развязанных против России войн, и дают наиболее осуждающую характеристику: «война – катастрофа для общества». В нескольких поколениях для них ощутимы следы социально-исторических событий, среди них многие ощущают себя аутсайдерами.

Отверженные, группа чаще всего, выходцы из семей служащих и менее квалифицированных рабочих. Изгоями себя ощущают рабочие, поскольку труд ушел в идеологии, как главное средство поддержания жизни. Даже предприниматели и творческая интеллигенция, оставленные на самих себя без под-

держки государства, банков ощущают себя отверженными. В группе преобладает средне-специальное образование, и (1/4) имеет общее среднее образование, лишь небольшая часть – высшее. Имущественное положение идентифицируется – среднеоплачиваемые. Среди основных ценностных ориентаций – личная жизнь, хорошие друзья и материальная обеспеченность; среди социальных ценностей предпочитают исходное равенство возможностей. Свобода для них – возможность выбора. Справедливость видят в равенстве всех перед законом, и когда в государстве все по-честному, без обмана.

Отверженный полярно противоположен фавориту. Он считает, что симбиоз «лидер-фаворит» означает круговую поруку. Фаворит – любимец лидера, второй человек в коллективе, гибкий, проворный, пронырливый тип, схватывающий любой подвораживающийся шанс. Государством и обществом правят фавориты (любимцы), на взгляд отверженных. Фаворитизм – вечен, фавориты – случайны. Фаворитизм преобладает в политике и экономике. Отверженный презирает тех, кто бьется за власть и влияние. Он относит себя к прагматикам, вместе с тем, хочет жить как все, с верой в себя.

«*Вера-в-себя*» Группу составляет молодая часть – студенты. Выявился не ожидавшийся эффект: верят в себя и пенсионеры. У половины исследованной общности Алтайского края, средне-специальное и среднее, но большая доля незаконченного высшего (40,0) образования. По происхождению, значительная часть группы – выходцы из крестьян, в равной мере (по 1/5) из семей инженеров, служащих, высококвалифицированных рабочих. Особенность, в группе много выходцев из крестьян, но раскулачивание не коснулось предков. Обеспечены благоустроенным жильем (40,0); любят и любимы 2/3; среди ценностных ориентаций – личная жизнь, материальная обеспеченность, хорошие друзья, чистая совесть.

Собственность трудящихся предпочитают 2/3. Рынок – простор для инициативы и предпринимательства (38,0), но столько же видят обратную сторону рынка (38,0) – власть наживы и спекуляции. Абсолютной свободы не существует, считает 1/3. На бытовом уровне, в ритуалах, повседневной жизни 1/5 усматривает роль свободы в возможности выбора, а в личностном плане 1/5 считает, что свобода внутреннее раскрепощение личности. Однако роль свободы в неуправляемой стратегии общества оборачивается утечкой умов из страны, из региона, утратой защищенности. Группой выражена критика сегодняшней потери веры в порядок сложившегося жизнеустройства: «справедливость невозможна» (40,0). По мнению (40,0) группы, реальная справедливость это – равенство всех перед законом, когда все по-честному, без обмана.

Исторические судьбы семей прародителей – Великая Отечественная война выкосила активную мужскую силу семей, отметили (45,4). В группе, крайне отрицательное отношение к войне, лишь (1/4) часть группы видит двойственную роль войны: гибель природы, людей и нарастание технической мощи государства.

Определение отношений в обществе группой «вера-в-себя» бескомпромиссно: «современная политика пронизана фаворитизмом» (1/5). «Фаворитизм – плотное кольцо властолюбцев вокруг лидера», отмечает 1/3 группы. Любимцы заправляют жизненно важными сферами в государстве и ситуацией в коллективах (1/5). Чем характерен фаворитизм? – Круговой порукой и рациональным расчетом. Фаворит – любимец, влияющий на патрона и имеющий привилегии, он ожидает эквивалентного воздаяния от лидера за преданную службу. Фаворит ориентирован на предотвращение конфликтов в коллективе. Поиск пользы для коллектива во внешней системе, оборачивается стремлением к личной пользе, конвертации обязанностей и возможностей фаворита – в деньги, славу, почести, по мнению группы «вера-в-себя».

Таким образом, понятие функциональных альтернатив привело к рассогласованию идеологии «успеха» ролевых групп без предпосылок исходного капитала большинства занятых трудом и живших заработанными средствами, исключение труда из ведущих ценностей общества – к функциональным заменителям, обещанному карьерному продвижению привело в реальности к остановке циркуляции элит. Отсутствие перспектив ведет снижению деятельности личности и общества (от организованного ядра к пассивности ролевых групп) – конформизму, аутсайдерству, отверженности. Функциональный анализ оказывает влияние на поиск населением иных, чем в настоящем, возможных «социальных технологий» и выхода к высоким электронным и электротехническим технологиям. Социально-экономическая система российского общества нуждается в новом справедливом переустройстве, по данным анализа ролевых групп.

Библиографический список

1. Бурдые, П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) / пер. с фр. Д. Кралечкина и И. Кушнарева; предисловие А. Бикбова. – М.: Изд-й дом Дело РАНГХиГС, 2016. – 720 с.
2. Быченков, В. М. Институты: сверхколлективные образования и безличные формы социальной субъектности. – Российская академия социальных наук, 1996. – 976 с.
3. Вельц, Ф. Выступление на конференции ESA / см. Кравченко, С. А. Новации в социологическом знании: по итогам XIII конференции ESA // Социологические исследования. – 2018. – № 2. – С. 18–19.
4. Мертон, Р. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль: Тексты. – М.: Изд-е Международного университета Бизнеса и Управления. – 1996. – С. 393-461.
5. Парамонова, С. П. Социология фаворитизма. – Пермь: Изд-во Перм. нац. иссл. политех. ун-та, 2018 г. – 406 с.
6. Paramonova, S. P. The Study of the Phenomenon of Favoritism Revisited [Электронный ресурс] // Sociology and Anthropology. – 2017. – Vol. 5 (4). – P.

279–289. – URL: <http://www.hrpub.org> DOI: 10.13189/sa.2017.050402 (дата обращения: 03.03.2019).

7. Ролз, Дж. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. – 535 с.

8. Сорокин, П. А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. – М.: Астрель, 2006. – 618 с.

9. Хальбвакс, М. Социальные классы и морфология. – М.: Институт экспериментальной социологии: СПб.: Алетейя, 2000. – 509 с.

10. Шубрт, И. Социальная роль – забытая тема социологии / И. Шубрт // Социологические исследования. – 2017. – № 6. – С. 15–24.

Т. В. Фаненштиль / T. V. Fanenshtil*

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО
СУБЪЕКТА НАУКИ В РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ
(THE SOCIOCULTURAL ASPECT OF CONSTRUCTING OF A SOCIAL
SUBJECT OF SCIENCE IN RUSSIAN PHILOSOPHICAL TRADITION)**

Аннотация. Рефлексия субъекта науки в русской философской мысли традиционно обнаруживает недостаточность когнитивного аспекта в формировании его интегрально-целостного образа, в связи с чем подчеркивает необходимость сочетания рационального начала субъекта с социокультурным аспектом его становления. Социокультурный аспект конструктивистского решения проблемы целостности субъекта науки обеспечивает процесс становления субъекта, а образ интегрально-целостного субъекта играет роль телеологического идеала науки и общества.

Ключевые слова: социальный субъект, субъект науки, социокультурный аспект субъективации, постнеклассическая научная рациональность, конструирование.

Abstract. Reflection of the subject of science in Russian philosophical thought reveals traditionally the insufficiency of the cognitive aspect in the formation of its integral-holistic image, and therefore emphasizes the need to combine the rational principle of the subject with the socio-cultural aspect of its formation. The sociocultural aspect of the constructivist solution of the problem of the integrity of the science subject provides for the process of formation of the subject, and the image of an integral-holistic subject plays the role of the teleological ideal of science and society.

Keywords: social subject, subject of science, socio-cultural aspect of subjectivation, post-non-classical scientific rationality, construction.

«... Каждая нация имеет право вносить в единую общечеловеческую науку свои идеи, но не имеет право всю науку сводить к одним этим целям...»
Н. И. Кареев «О духе русской нации» [1, с. 172]

Традиционно осмысление формирования субъекта науки создает его образ в когнитивном и социокультурном аспектах научной деятельности. В рамках современной эпистемологии и постнеклассической научной рациональности субъект и процесс его становления – субъективации – обусловлены системой взаимодействия когнитивного и социокультурного аспектов производства научного знания. Если современная тенденция рефлексии субъекта науки заключается в

* Татьяна Владимировна Фаненштиль, канд. филос. наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: fan_tan@mail.tsu.ru.

попытке сформировать его целостный образ в совокупности и взаимопроникновении когнитивного и социокультурного аспектов, то для русской философской традиции это является перманентной необходимостью со времен первой волны позитивизма и по настоящее время.

В критике одностороннего подхода к изучению формирования и становления субъекта познания русскими философами многократно подчеркивается и выдвигается как требование необходимость обеспечить существование субъекта познавательной деятельности как целостного. При этом сам субъект познания мыслится не как условие для производства знания, а как живой реальный человек. М. С. Каган в своей работе «Мир общения. Проблемы межсубъектных отношений» пишет: «Однако в идеалистических учениях классиков немецкой философии «субъект» оказывался не целостным, реальным человеком, а лишь человеческим сознанием, а его активность – лишь духовной, познавательной деятельностью» [2, с. 29]. Ярким примером такой критики является магистерская диссертация Вл. Соловьёва [3]. «При современном состоянии науки, – пишет Вл. Соловьев в «Кризисе западной философии», – никакому сомнению не подлежит, что язык или государство не произведены лично сознательной деятельностью, не выдуманы отдельными лицами – так же, как, например, устройство улья не выдумано отдельными пчелами» [3]. Л. П. Карсавин в «Восток, Запад и русская идея» пишет об утраченной целостности субъекта [4].

Во взглядах Вл. Соловьёва и Л. П. Карсавина обнаруживается некий акцент в русской философии в исследованиях субъекта на желании не просто вернуть субъекту целостность, утраченную или невидимую для прагматичной и позитивистской западной мысли, но вернуть субъекту человека, себя самого. Это означает, что необходимо связать объективацию субъекта с его сущностью, которая по мнению Вл. Соловьёва и согласно взглядам Л. П. Карсавина выражается в цели и идее развития. Так Л. П. Карсавин пишет о моментах становления субъекта и некоем высшем субъекте, субъекте-идеале, который и может выступать в образе цели, и мотивировать достижения в будущем собственного идеального состояния.

Тенденции современной социальной эпистемологии таковы, что в философском словаре о специфике философии науки читаем: «Современная философия науки в трактовке субъекта научного познания исходит из принципиально социальной его природы и характера. ...Главное, что в науке по самой ее сути как открытой инновационной системы, сам процесс выдвижения, обоснования и оценки когнитивных инноваций носит коллективный, социальный характер» [5]. В своем более раннем исследовании мы подчеркиваем: «Взаимодействие субъекта в процессе субъективации, в процессе осуществления социального бытия с общественным миром многоуровневое и многоканальное, оно включает такие виды как: взаимодействие через самого субъекта, через Другого, через вещный мир, через интерсубъективность (как способность к интеракции) и через соци-

альные взаимодействия как фон (посредством уже произошедших событий, случившегося)» [6].

Русская философская мысль интуитивно чувствовала недостаточность одностороннего подхода к осмыслению субъекта. Именно поэтом она не случайно, с точки зрения В. Поруса, формирует свой собственный стиль рефлексии субъекта: «...Внимание русской религиозной философии сосредоточилось на личности, ее субъективном мире, на структуре ее отношений к миру, на способности самосохранения и узнавания себя в «другом» так же, как «другого» в себе» [7]. Вместе с этим В. Порус подчеркивает опасность в деле поиска целостного субъекта: он может постулироваться как форма самого себя или как то, что может быть оформлено, или как то, объективацию чего следует оформить. В конечном счете субъект может быть сведен к собственной оболочке. Социокультурная детерминанта процесса становления субъекта науки настолько набирает свою мощь, что существует угроза подмены научного содержания субъективации ее социокультурной оформленностью. А эта оформленность, в свою очередь, приобретает функциональный характер, и социокультурный аспект формирования субъекта науки вполне может стать технологичным, стать алгоритмом приспособления научного субъекта к внешним социокультурным условиям, алгоритмом социальных взаимодействий субъекта науки. Однако здесь важно различать, что функциональным и алгоритмизируемым становится процесс субъективации субъекта, или, если выразиться более точно процесс объективации субъекта, но не сам субъект.

Такое понимание функциональности мы обнаруживаем в трендовом решении проблематики познавательного субъекта, его существования и способов его существования в современной эпистемологии. Им является конструктивистское решение о сборке субъекта. Буквально сборка подразумевает процесс соединения частей в целое и как правило речь идет о высокотехнологичных конструкциях. Применительно к субъекту постнеклассической рациональности, это понятие срабатывает именно в высокотехнологическом аспекте, но не срабатывает, на наш взгляд, в аспекте субъектной сущности как целого, эмерджентно иного по отношению к своим «деталям» и технологиям. В этом случае антропосоциально-философская концепция интегрально-целостного субъекта В. С. Барулина показывает эту эмерджентную сложность субъекта, где технологизация и методологизация процесса сборки презентуется как «строительные леса» [8]. В. С. Барулин неоднократно подчеркивает, что в методологическом конструировании важно вовремя остановиться и несмотря на всю сложность конструкции, «строительные леса» по завершении моделирования процесса субъективации необходимо отбросить.

В. Е. Лепский, автор концепции «сборки субъекта», также подчеркивает фундаментальную значимость субъекта в деле поиска и обретения пути развития и достижения поставленных целей. Он настаивает на том, что подмена субъекта или его уничтожение, так называемое бессубъектное развитие невозможно и ве-

дет к выхолащиванию культуры и русской цивилизации. Считает, что извечный вопрос для России «Куда идти?» должен предваряться рефлексией вопроса «Кто идет? Кто ищет путь?». Однако ответить на него должным и желаемым образом возможно опосредованным образом. «Понятие «сборка субъектов» новое и введено для объединения разнородных представлений и технологий соорганизации субъектов в целостного социального субъекта» [9, с. 258]. В. Е. Лепским обосновывается видение понимания сборки субъекта как конструирования определенного пространства, где проявит себя целостный социальный субъект, отработки механизмов, то есть по сути возможным оказывается лишь формирование становления субъекта, обеспечение процесса субъективации или субъекции. Целостный субъект становится сам, проявляется в сконструированных условиях сам. Так, конструирование социокультурного пространства, которое может обеспечить появление интегрально-целостного субъекта, делает это потенциально.

Таким образом, самодержавность разума познающего субъекта всегда настораживала русскую философскую традицию, в которой неоднократно подчеркивалась ее недостаточность. Социокультурный аспект производства научного знания мыслится как недостающее звено в стремлении к интегрально-целостному субъекту, конструирование которого формирует условия становления субъекта науки. В свете социальных взаимодействий институциональной науки с общественным миром во всех его сферах социокультурный аспект объективации субъекта науки играет ведущую роль в обеспечении устойчивого развития современного общества.

Библиографический список

1. Кареев, Н. И. О духе русской науки [Текст] / Н. И. Кареев // Русская идея: сб. / сост. и авт. вступ. ст. М. А. Маслин . – М.: Республика, 1992. – С. 171–184.
2. Каган, М. С. Мир общения. Проблемы межсубъектных отношений [Текст] / М. С. Каган. – М.: Политиздат, 1988. – 319 с.
3. Соловьев, В. С. Кризис западной философии [Электронный ресурс] / В. С. Соловьев; (против позитивистов); Сочинения в 2 т. – М.: Мысль, 1988. – Т.2. URL: http://az.lib.ru/s/solowxew_wladimir_sergeewich/text_1874_krizis.shtml (дата обращения: 13.02.2019).
4. Карсавин, Л. П. Восток, Запад и русская идея [Электронный ресурс] / Л. П. Карсавин / Петербург: АCADEMIA, 1922. – 120 с. URL: <https://unixone.ru/?p=1937> (дата обращения: 18.02.2019).
5. Философия науки: Словарь основных терминов [Электронный ресурс] / Ред. С. А. Лебедев. – М.: Академический Проект. 2004. URL: https://philosophy_of_science.academic.ru (дата обращения: 20.02.2019).
6. Фаненштиль, Т. В. Социальное конструирование: событийность и повседневность [Электронный ресурс] / Т. В. Фаненштиль, Е. В. Чибир // Вестник

науки Сибири. – 2018. – № 4 (31). – С. 203–218. URL: <http://sjs.tpu.ru/journal/article/view/1755> (дата обращения: 25.02.2019).

7. Порус, В. Н. Субъект и культура (западноевропейская философия субъекта и русская религиозная философия «всеединства») [Электронный ресурс] / В. Н. Порус // Страницы. Богословие, культура, образование, 2009. – Том 13. – Вып. 2–3. URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofiy/5596-subekt-i-kultura-zapadnoevropejskaya-filosofiya-subekta-i-russkaya-religioznaya-filosofiya-vseedinstva.html (дата обращения: 27.02.2019).

8. Барулин, В. С. Российский человек в XX веке. Потери и обретение себя [Текст] / В. С. Барулин. – СПб. : Алетейя, 2000. – 431 с.

9. Лепский, В. Е. Проблемы сборки субъектов развития на евразийском пространстве [Текст] / В. Е. Лепский // Рефлексивные процессы и управление. Сборник материалов IX Международного симпозиума 17 – 18 октября 2013 г., Москва; отв. ред. В. Е. Лепский. – М.: «Когнито-Центр», 2013. – С. 256–262.

Н. В. Халина / N. V. Khalina*
ИНТЕНЦИОНАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ
“РУССКИЙ МИР”
(THE INTENTIONAL CONTENT OF THE CONCEPT
“RUSSIAN WORLD”)

Аннотация. В статье в аспекте логической социологии рассматривается сигнификативный потенциал терминологического сочетания ‘русский мир’, влияющего на феноменологию духа российской нации – систему знаний о формах актуализации культурного потенциала нации в различных коммуникативных и информативных средах.

Ключевые слова: русская модель мира, мир русского языка, жизненный мир, логическая социология, социальная комбинаторика.

Abstract. The article in the aspect of sociology is considered a logical significant potential of terminological combinations ‘Russian world’ that affect the phenomenology of spirit of the Russian nation – a system of knowledge about the forms or the reinforcement of cultural potential of the nation in a variety of communicative and informative media.

Keywords: Russian model of the world, world of the Russian language, life world, logical sociology, social combinatorics.

Комплексное определение русского мира некоего культурного и исторического феномена, сформированного в российской общественно-публицистической мысли звучит следующим образом: «Русский мир представляет собой обладающую специфическими особенностями, объективно сложившуюся культурно-историческую общность народов и населенных территорий, которая развертывает свой потенциал, руководствуясь необходимостью установления адекватных отношений между природой и обществом, совершенствуя данные отношения с целью укрепления своей жизнеспособности».

В.А. Тишков [1], объясняя смысл Русского мира, отыскивает его истоки в русском народе, который создал самое обширное государство в мире и входит в число десяти самых самых крупных по численности народов мира. В.А. Тишков считает, что далеко не всем государствам и народам удается породить феномен, который можно было бы назвать «миром», т.е. трансгосударственным и трансконтинентальным сообществом, которое объединено своей причастностью к определенному государству и своей лояльностью к его культуре. Наряду с Рос-

* **Наталья Васильевна Халина**, д-р филол. наук, проф., Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: nkhalina@yandex.ru.

сией, такими мирами обладают только Китай, Испания, Франция, возможно, Ирландия вместе с Великобританией.

Проблема русской модели мира находила отражение в работах многих русских философов, среди которых В.И. Иванов, В.Г. Белинский, Я.В. Толмачев, М.А. Антонович, Е.Н. Трубецкой, Н.Г. Чернышевский, Г.В. Флоровский и др.

Н.А. Яркова рассуждает о русской модели мира, которая основательно укоренена в духовности и, главным образом, в жизнедеятельности русского народа, она определяет стандарты его жизнеутверждения [2]. Также это относится и к качествам, которыми должны обладать общество и каждая личность в отдельности, и к контексту русской национальной практики, т. е. тому контексту, в котором нужно понимать национальную практику. уровневую

А.В. Новиков [3] в исторических хрониках А.Н. Островского выделяет особую культурологическую уровневую осевую модель русского мира, уровни которой составляют макроструктурные константы русского мира (православные образы, образы России и Запада, историческое время), историософия русской власти (метафизика управления, среда управления, социальная жизнь – структура русского общества), быт и бытие русского народа (культура повседневности – быт русского народа; духовное преодоление бренности – образы смерти и памяти).

Л.В. Бочкова [4] связывает понятие русского мира с миром русского языка. Именно русский язык и русскоязычная российская или советская культура вместе с исторической памятью объединяют и констатируют этот мир.

О.Н. Батанова [5] определяет русский мир в качестве цивилизационного, социокультурного пространства, охватывающего почти треть миллиарда русскоязычных людей или почти каждого двадцатого жителя Земли. Русский мир рассматривается исследователем как наднациональная общность. Это транснациональное, глобальное образование, идентифицирующее себя с русской культурой и русским языком, с духовными и ментальными признаками «русскости».

П.Г. Щедровицкий пишет по поводу Русского мира следующее: «Чем большее число мировых проблем получит свое выражение, а возможно и решение в рамках русского языка, тем более востребованными будут культурные и человеческие ресурсы Русского Мира. Парадокс сегодняшней ситуации состоит в том, что любая страна, претендующая на статус *державы Мира* — или мировой державы — стремится не только к удовлетворению интересов своих граждан, но и к работе в интересах граждан иных государств и стран. Чем большему числу отдельных граждан других государств нужна Россия, тем устойчивее позиции России в мире. Основы своей устойчивости и нужности формирующаяся русская государственность может и должна искать в пределах Русского Мира, в политике конструктивного развития его *мировых сетей*» [6].

Р.М. Ямилов считает, что в настоящее время можно выделить четыре центра притяжения: Русский Мир, Германский Мир, Англосаксонский Мир, Китайский Мир [7]. Основной признак Мира – способность самовосстановления через цикл

«созидание-разрушение», в результате осуществления которого аннулируются накопившиеся в процессе развития ошибки. Цивилизации, не имеющие такого механизма, вынуждены приспособляться к Мирам.

Русский мир, как мы полагаем, следует рассматривать как жизненный мир в понимании последнего Ю. Хабермаса – систему языково-организованных толкований, передаваемых через культуру, при этом язык и культурная традиция выступают как трансцендентальная инстанция по отношению к той или иной ситуации. Содержание жизненного мира составляет имплицитное знание, которое может быть представлено в бесконечно многих предложениях. Жизненный мир в виде картины мира предстает как предрефлексивный поток коммуникативного действия. С картиной мира необходимо должен быть знаком служащий и действующий, чтобы понимать точное значение речевых актов и коммуникативно действовать.

Семиотическими координатами и особыми концептуальными константами семантического феномена ‘русский мир’ следует признать семантико-структурные образования *РУСКАЯ ЗЕМЛЯ (русский народ), Русский книжный язык, Русская Правда, Русская грамматика.*

К. С. Аксаков писал: «В русской земле (народе) единство во всех ее проявлениях; всюду проводится то же начало и тот же образ: язык, одежда, общественное устройство, песня (содержание), музыка (напев), поэтическая речь (стих), сказка, пословица, шутка, обычаи, пляска, – одним словом, все проникнуто тем же духом. Чрезвычайно замечательны обычаи, где вся жизнь, не переходя в мир искусства, а оставаясь вполне жизнью, проникается светом и мыслию, где слово также просветлено и становится поэтическим. Все разговоры, все действия, всё проникнуто значением высоким, внутренним смыслом жизни» [8, с. 597-598].

Сенсорный баланс коммуникативной общности *РУСКАЯ ЗЕМЛЯ*, ее жизнедеятельность поддерживается особой системой означивания с «русский язык», обеспечивающей и включающей в себя семиотекстуальные стратегии воспроизведения сенсорного баланса «церковнославянский язык» и «древнерусский язык».

Библиографический список

1. Тишков, В. А. Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности и развития российского общества: Статьи и интервью. – М.: Московское бюро по правам человека, “Academia”, 2008. – 84 с.
2. Яркова, Н. А. Социально-философский анализ концепта «русский мир»: Автореф. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. – Красноярск, 2014. – 24 с.
3. Новиков, А. В. Русский мир в исторических хрониках А. Н. Островского (культурологическая модель): Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. культурологии. – Иваново, 2014. – 24 с.

4. Бочкова, Л. В. Россия – Русский мир: выбор стратегии // Вестник Российского гос. аграрного заочного университета. – 2011. – 1(16). – С. 12–15.
5. Батанова, О. Н. Русский мир и проблемы его формирования: Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. полит. наук. – М., 2014.
6. Щедровицкий, П. Г. Думать это профессия / П. Г. Щедровицкий. – М., 2000.
7. Ямилов, Р. М Русский мир vs англосаксонский мир: вопросы, возможности, стратегия [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. – 2015. – № 3. – URL: <http://human.snauka.ru/2015/03/9753> (дата обращения: 01.03.2019).
8. Аксаков, К. С. Полн. собр. соч. Т.1. – М., 1889.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

**ИНТЕГРИРУЮЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ РУССКОГО МИРА В
ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
АЗИИ**

С. И. Бондаренко / S. I. Bondarenko*

**ПРОБЛЕМЫ БЫТОВОГО И ЭТНОСОЦИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА
ЦЕЛИННИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ АЛТАЯ И СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА
(PROBLEMS OF DOMESTIC AND ETHNO-SOCIAL DEVICE OF CELLINS
IN THE TERRITORY OF ALTAI AND NORTHERN KAZAKHSTAN)**

Аннотация. Статья посвящена влиянию целинной эпопеи на бытовое, этносоциальное развитие Алтая и Северного Казахстана. Рассматриваются государственные меры по культурной и бытовой адаптации переселенцев.

Ключевые слова: Целина, хлеб, межэтнические отношения, межкультурные отношения, переселение.

Abstract. The article is devoted to the influence of the virgin epic on the everyday, ethno-social development of Altai and Northern Kazakhstan. The state measures on cultural and household adaptation of immigrants are considered.

Keywords: Virgin lands, bread, inter-ethnic relations, intercultural relations, resettlement.

Февральско - мартовский Пленум ЦК КПСС в 1954 г. принял постановление об освоении целинных и залежных земель в различных регионах страны, с целью решить острую зерновую проблему в стране. Из всех мероприятий Н.С. Хрущева в области сельского хозяйства эта грандиозная программа была одной из самых сложных. Вопрос о значении и оценке этой программы остается до сих пор дискуссионным в исторической литературе. По сути это был последний аграрный проект СССР, потребовавший массового переселения людей. Одно бесспорно, мероприятие по освоению целинных и залежных земель изменило не только жизнь многих людей, но и целых регионов. К таким регионам в первую очередь относятся Северный Казахстан и Алтайский край.

Известно, что в 50-е гг. хлебная проблема в стране стояла очень остро. Правительством было намечено в 1954 г. и 1955 г. освоить 13 млн. га целинных и залежных земель, доля Алтайского края при этом составляла 2 млн. 305 тыс. га [1, с. 135]. Львиную долю целинного плана предполагалось освоить на территории Северного Казахстана.

Первый эшелон с молодыми целинниками прибыл на Алтай 28 февраля 1954 г. Уже с конца февраля по 20 апреля в целом на целину комсомол страны отправил 146 710 человек. Всего за 2 года усилиями комсомола на целину было отправлено 330 375 человек [2, с. 9].

* Светлана Ивановна Бондаренко, канд. ист. наук, доц., Алтайский государственный аграрный университет (Барнаул, Россия). E-mail: bonsvet@bk.ru.

Следует отметить, что наряду с задачами освоения целинных и залежных земель ставились буквально боевые задачи по организации и улучшению быта и досуга целинников.

Целинный труд был не просто трудовым свершением советского народа, в представлении людей это было строительство нового светлого будущего. Для успеха целинной эпопеи был необходим единый трудовой порыв, обеспечить который можно было только совместным, организованным трудом. На целину приезжали люди, со всей страны, разных национальностей. Вопрос сплочения трудовых коллективов стоял серьезно. Для организации культурного отдыха целинников на краевом и районных уровнях создавались специальные комиссии. Саму встречу с первоцелинниками старались организовать по возможности торжественно, празднично.

Так 11 марта в Кулундинский район прибыла первая группа первоцелинников, 19 и 20 марта прибыли еще две группы. Уже 20 марта в РДК (районный дом культуры) для прибывших был организован «Вечер встречи с молодыми патриотами», где состоялась встреча новоселов с молодежью райцентра. А 7 апреля был проведен «Вечер содружества молодежи». На мероприятии выступил секретарь районного комитета комсомола, рассказал об Алтае, о планах по освоению целинных и залежных земель. Затем был дан концерт художественной самодеятельности совместно с новоселами. Это должно было способствовать укреплению дружеских отношений с местной молодежью [3].

Аналогичные встречи состоялись и в других селах Кулундинского района. В Хабаровском районе целинников встречали митингом и показом фильма «Оборона Царицына» [4].

Совместный труд сплачивал молодежь, но порой для этого требовалось время. Проблема состояла в том, что молодежь приезжала из разных регионов, многие ребята были коренными горожанами, им приходилось заново осваивать новые для них сельскохозяйственные профессии в иных бытовых и климатических условиях. В частности секретарь партбюро совхоза «Алтай» Табунского района отмечал: «С начала организации совхоза молодежь делилась на группы по принципу землячества. Эти группы держались обособленно друг от друга. Одни называли себя «ульяновцами», другие «кузбасовцами» и т. д. Бывало даже так, что одни не хотели работать там, где работали другие» [5]. Руководство обычно в таких случаях проводило беседы о дружбе, лекции. Трудно сказать, насколько эффективны были эти беседы, но в целом местные жители позитивно воспринимали новоселов. Этому способствовали и официальная пропаганда значимости целинных мероприятий. Показательна в этом отношении заметка в районной газете Баевского района: «Нужно коренным образом изменить отношение к приезжающим в район энтузиастам. Всякого, кто пытается уклониться от создания нормальных условий жизни приехавшим товарищам необходимо рассматривать как человека крайне ограниченного и тупого, как неисправного бюрократа и волокитчика, как, наконец, человека неспособного понять суть политики нашей

партии. Нужно наказывать таких руководителей вплоть до снятия с руководящей должности» [6].

Но не только официальная пропаганда меняла суть дела, на глазах жителей исчезали хлебные очереди. Люди видели плоды своего труда. Вслед за целинниками шли достаточно серьезные средства. Безусловно, их не хватало решить все проблемы, но по сравнению с доцелинным временем прогресс был очевиден. По словам Адашевой Юлии Николаевны, жительницы зерносовхоза «Краснознаменский» Курьинского района, бывшей в ту пору школьницей: «Мы думали, что попали в другую страну. Обеспечение всем было, по-моему, на высшем уровне. Нас, кстати, возили в пионерский лагерь бесплатно (полностью оплачивал все содержание каждого учащегося совхоз» [7, с. 260]. Интерес к целине иностранных делегаций, вызывал ощущение сопричастности к великому и важному делу, повышал собственную самооценку людей. Требования к бытовому и культурному обслуживанию возрастали.

В первые годы целинной эпопеи были самыми тяжелыми в культурно-бытовом плане для переселенцев. Со временем районы целины преображались. Так на пустовавших землях Алтая было создано 78 крупных целинных совхозов, организовано 77 колхозов. Численность населения в районах освоения целины достигла 440 тысяч человек – 15 процентов от всего населения края. Было введено в эксплуатацию 30 элеваторов, построено 49 крупнейших хлебоприемных предприятий. Создавались сушильные хозяйства, комбикормовое производство, лаборатории, испытательные станции [8].

В еще большем масштабе осваивались целинные земли в соседнем с Алтаем регионе. Именно в этот период, здесь начала формироваться новая этноконтактная территория. Советская идентичность стала приобретать новые черты.

В период освоения целины в районы Северного Казахстана по подсчетам ученых прибыло от одного до двух миллионов переселенцев. Необходимо также отметить, что в период сталинских репрессий в районы Северного Казахстана были направлены депортированные немцы и жители с Северного Кавказа. По мнению историка М. Поль около одной трети жителей Северного Казахстана к 1946 г. составляли люди, находившиеся на «специальном» положении [2].

Не секрет, что на целину за новой жизнью приезжали и «люди с темным прошлым» и воспитанники детских домов, просто люди с тяжелой судьбой и надеждой изменить свою жизнь к лучшему. Безусловно, не обходилось без конфликтов. Преодолению межэтнических конфликтов во многом способствовала политика правительства. Так 13 декабря 1955 г. были сняты с немцев ограничения спецрежима, а в декабре 1956 г. специальной резолюцией горцам разрешили вернуться домой.

Американская исследовательница М. Поль, изучая целинный проект, делает акцент не на экономическом эффекте, а на этнических отношениях, на особенностях формирования региональной целинной идентичности. Историк изучила многочисленные архивные документы, проанализировала устные свидетельства,

проведя самостоятельно полевые исследования, пришла к выводу, что именно совместный труд, общие невзгоды и разочарования, успехи в труде способствовали тому, что люди всех национальностей научились уважать друг друга, даже если вначале не все складывалось. А ведь по воспоминаниям одного из респондентов в их совхозе жило 125 национальностей. Многими русскими респондентами исследовательницы отмечена очень важная черта культуры казахов как гостеприимство.

Многие современные казахские ученые, говоря о целинном проекте, указывают на уменьшение численности коренной нации, упадке национальной культуры. Представляется, что во многом это были общие явления для всей страны. Так некоторые сельские районы Центрального Черноземья, оставшись без государственной поддержки в годы освоения целины, приходили в запустение.

Вместе с тем именно целина способствовала реэмиграции советских граждан из Китая в Казахстан. В мероприятиях по репатриации участвовали органы управления, которые занимались вопросами целины, что говорит о прямой связи этих процессов. Возвращение советских граждан из Китая в первой половине 50-х – начале 60-х гг. стала одной из самых массовых. Так в 1954 -55 гг. в Казахстан из Китая въехало более 65,5 тыс. человек, из которых около половины составляли казахи и уйгуры. В 1958-59 гг. около 59 тыс. человек, из них казахов почти 40 тыс. человек. В последующие годы из Китая выехало еще 15 тыс. человек, также в основном казахов и уйгур. В целом миграционный поток из Китая продолжался до 1963 г. [9]. Власти старались трудоустроить репатриантов, многие обучались различным сельскохозяйственным специальностям, востребованным на целине. В целом, эти меры способствовали хотя и скромному, но увеличению численности коренного населения.

С годами жизнь в целинных районах улучшалась. В 1956 г. Казахстан сдал государству миллиард пудов зерна [10]. Только за первые два года целинной эпопеи Северный Казахстан получил капиталовложений более чем на 3 млрд руб. Переселенцы построили около 10 тыс. частных домов, более 70 новых совхозов, возводилась необходимая инфраструктура. К середине 50-х гг. почти во все поселки Северного Казахстана пришло электричество, телефонная связь. Люди стали получать стабильную зарплату. В 1960 г. на целине была проведена административная реформа. В 1960 г. пять северных областей Казахстана были объединены в единую территориальную единицу и получили новое название – Целинный край. Акмолинск стал столицей края и переименован в Целиноград.

Целиноград становится экономически развитым культурным центром Казахстана, дополнительные инвестиции продолжают поступать. В 1960-е гг. сюда приезжают уже в основном студенты, представители интеллигенции, возрастает количество рабочих мест. После политической реабилитации в 1964 г. у немцев появляется некоторая возможность реализовать идею культурной автономии.

Таким образом, целинный проект был действительно сложным неоднозначным проектом не только в экономическом плане, но и в культурно-этническом.

Многие вопросы этого целинного проекта не изучены, многие являются дискуссионными. Вместе с тем исследователи сходятся во мнении, что именно улучшение материального благосостояния, развитие экономики в целом, способствовало гармонизации межэтнических отношений.

Библиографический список

1. Алтай в послевоенный период: историко-экономический очерк. – Барнаул, 1974.
2. Польша, М. «Планета ста языков». Этнические отношения и советская идентичность на целине / М. Польша // Вестник Евразии. – 2004. – №1. – С. 5-33.
3. «Колхозное знамя», 14, 21 марта, 11 апреля 1954 г.
4. «Кировец», 18 марта 1954 г.
5. Государственный архив Алтайского края. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 9. Л. 10, 11
6. «Колхозник», 28 марта 1954 г.
7. Курьинский район на рубеже веков: очерки истории и культуры. Барнаул, Упр. арх. делами адм. Алт. Края. – 265 с.
8. Бондаренко, С. И. Исторические аспекты освоения целинных и залежных земель: значение, опыт, перспективы (к 60-летию целинной эпопеи) // Аграрная наука – сельскому хозяйству: IX международная научно-практическая конференция (5-6 февраля 2014). Сборник статей в 3-х книгах. Книга 1. – Барнаул: Изд-во РИО АГАУ, 2014. – С. 18-22.
9. Алпыспаева, Г. А., Саяхимова, Ш. Н. Хозяйственно-бытовое и трудовое устройство граждан репатриатов из КНР в Казахстан в годы целины // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы VI межрегиональной научно-практической конференции. – Благовещенск, 2016. – С. 117-123.
10. Бекишев, К. О. Роль содружества народов в решении хлебной проблемы в послевоенные годы / К. О. Бекишев // Омский научный вестник. – 2011. – № 5. – С. 36-38.

Ю. А. Гаврилова / Yu. A. Gavrilova*

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РЕСПУБЛИКИ
КАЗАХСТАН В СФЕРЕ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ТРАНСГРАНИЧНЫХ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ
(KAZAKHSTAN'S INTERNATIONAL LEGAL COOPERATION IN THE
SPHERE OF ENVIRONMENTAL PROTECTION AND USING
OF TRANSBOUNDARY NATURAL RESOURCES)**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению основных направлений международно-правового сотрудничества Республики Казахстан в сфере охраны и использования трансграничных природных ресурсов. На примере трансграничных водных объектов выработаны предложения по совершенствованию механизмов сотрудничества государств в области охраны и использования природных ресурсов, расположенных на территории двух или более государств.

Ключевые слова: Международно-правовое сотрудничество, трансграничные природные ресурсы, охрана окружающей среды, международные договоры, международные организации, трансграничные экологические споры.

Abstract. The article is devoted to consideration of the main directions of international legal cooperation of the Republic of Kazakhstan in the field of protection and use of transboundary natural resources. Developed proposals for improving the mechanisms of cooperation of states in the field of protection and use of natural resources located in the territory of two or more states on the example of transboundary water bodies.

Keywords: International legal cooperation, transboundary natural resources, environmental protection, international treaties, international organizations, transboundary environmental disputes.

Особое географическое положение трансграничных природных объектов обуславливает специфику их роли в экономических, политических и правовых отношениях. С учетом этой специфики должны решаться ряд принципиальных вопросов охраны и использования трансграничных природных объектов, выработываться формы межгосударственного сотрудничества, способствующие сближению правового режима трансграничных природных объектов.

Одной из первых серьезных попыток решить трансграничные экологические проблемы в рамках ООН было проведение Стокгольмской конференции по проблемам окружающей человека среды в 1972 году, где было обращено внимание на данную проблему. Поводом для его рассмотрения послужило столкновение

* **Юлия Александровна Гаврилова**, канд. юрид. наук, проф., Казахстанско-Американский свободный университет (Усть-Каменогорск, Казахстан). E-mail: gavriloyuliya@yandex.ru.

интересов Аргентины и Бразилии относительно использования бассейна реки Ла-Плата, протекающей по территории обеих стран. Однако постановка проблемы на Конференции отличалась большей широтой и требовала общих принципов, которые могли бы служить основой эксплуатации разделяемых природных ресурсов любой категории. В процессе разработки Декларации по проблемам окружающей человека среды были выдвинуты некоторые идеи гармоничного использования разделяемых природных объектов, которые получили развитие в резолюциях 2992 и 3129 Генеральной Ассамблеи ООН, в ст. 3 и 30 Хартии экономических прав и обязанностей государств, принятой на XXIX сессии ГА ООН. Основное содержание этих резолюций заключается в том, что деятельность государств в пределах их юрисдикции или контроля не должна наносить ущерб окружающей среде других государств или районов за пределами национальной юрисдикции; использование природных объектов, разделяемых двумя или более государствами, должно осуществляться путем сотрудничества заинтересованных государств; такое сотрудничество должно развиваться на основе обмена информацией и предварительных консультаций [1, с. 113].

С изменением политической карты мира вопрос использования трансграничных природных объектов переходит на новую ступень, являясь одним из главенствующих вопросов в сферах политической, экономической, экологической жизни народов мира. По инициативе Генеральной Ассамблеи ООН в июне 1992 года в Рио-де-Жанейро, т.е. через 20 лет после Стокгольмской конференции, была созвана Конференция ООН по окружающей среде и развитию. В результате ее работы была принята Декларация принципов Рио по окружающей среде и развитию.

Главным результатом работы в сфере охраны трансграничных природных объектов является разработка проекта Международного пакта по окружающей среде и развитию, который был одобрен на юбилейном конгрессе ООН по международному публичному праву (Нью-Йорк, 13-17 марта 1995 г.). В основу проекта Пакта положены договоры и обычаи в области международного экологического права, а также положения Стокгольмской декларации 1972 г., Декларации Рио 1992 г. и Всемирной Хартии по охране природы 1982 г. Данный документ, также как и Стокгольмская декларация, и Декларация Рио, содержит положения, именуемые принципами, среди которых важнейшее значение имеет принцип недопустимости нанесения трансграничного ущерба.

Таким образом, решение проблемы трансграничного загрязнения территорий сопредельных государств осуществляется на уровне работы международных организаций путем выработки международных договоров универсального характера. Однако, по мнению большинства ученых-юристов, наиболее эффективным уровнем сотрудничества является взаимодействие государств на двусторонней или региональной основе. При этом необходимо подчеркнуть, что универсальный уровень сотрудничества является основой для двустороннего, кото-

рый дополняет, уточняет и расширяет формы сотрудничества в сфере охраны и использования трансграничных природных объектов.

Рассмотрим пример международно-правового сотрудничества Республики Казахстан в области охраны и использования трансграничных водотоков, что для республики имеет чрезвычайно важное значение, поскольку практически половина объема возобновляемых водных объектов Республики Казахстан формируется за пределами ее территории.

Немаловажное значение в разрешении проблемы охраны и использования трансграничных водотоков имеет принятие сопредельными государствами двусторонних договоров. Показателен в этом отношении пример подписания около 20 соглашений между Правительством Республики Казахстан и Правительством КНР о сотрудничестве в сфере использования и охраны трансграничных рек (всего определено 27 трансграничных рек).

Вопросы охраны водных ресурсов трансграничных рек также рассматриваются в рамках деятельности Казахстанско-китайской комиссии по сотрудничеству в области охраны окружающей среды, сопредседателями которой являются вице-министр энергетики РК и заместитель министра охраны окружающей среды КНР.

Однако, несмотря на большое количество договоренностей, а также проведение значительного числа переговоров как на межгосударственном, межправительственном и межведомственном уровнях, Китайская Народная Республика в одностороннем порядке продолжает реализацию планов по увеличению использования на своей территории водных ресурсов рек Иртыш и Или. Руководство КНР заявило об ускорении масштабного освоения Западного Китая, являющегося одним из наиболее отсталых регионов страны. В рамках этого плана в Сыньцзянь-Уйгурском автономном районе страны завершается строительство водоканала «Черный Иртыш-Карамай», по которому часть вод верховья Иртыша будет перебрасываться в район нефтяного месторождения около г. Карамай. Также предусматривается увеличение забора воды в верхнем течении реки Или для нужд сельского хозяйства. Переброска части вод Иртыша и Или имеет своей целью обеспечить водными ресурсами быстро развивающийся экономический район, где растущая промышленность, прежде всего нефтяная, а также вновь строящиеся населенные пункты испытывают острую нехватку воды. Кроме того, рост потребления воды связан с планирующимся в Синьцзяне значительным увеличением посевных площадей под зерно и хлопок. Планируемый Китаем забор воды из рек может иметь серьезные последствия для экономики и экологии не только Республики Казахстан, но и Российской Федерации. Водозабор из Черного Иртыша, при существующих источниках загрязнения, приведет также к ухудшению качества воды и состояния экосистемы реки Иртыш, которое уже сейчас оценивается как весьма неблагоприятное [2, с. 84].

По мнению казахстанских ученых: «следует ожидать уменьшения водных ресурсов в бассейне реки Иртыш: к 2030 году на 8 куб. км, к 2040 году - на 10

куб. км, к 2050 году - на 11,4 куб. км. Все это приведет, во-первых, к значительному снижению выработки электроэнергии на каскаде ГЭС на Иртыше до 25% к 2030 году и до 40% к 2050 году. Это также будет способствовать фактическому прекращению судоходства в РК на этой реке с 2020 года. Во-вторых, данная ситуация приведет к практической деградации каналов, водохранилищ (Бухтарминское и Шульбинское) на территории Казахстана, питающихся из р. Иртыш. В-третьих, произойдет ухудшение качества поверхностных вод и загрязнение подземных вод» [3].

Как видим, несмотря на заключение двусторонних договоров между РК и КНР (Деклараций, межправительственных соглашений, соглашений на уровне административных единиц, межведомственных договоренностей), единого трехстороннего соглашения по использованию и охране р. Иртыш не принято, так как КНР не идет на формат трехсторонних переговоров с РФ и РК. Другими словами, между государствами не выработана единая стратегия по использованию и охране природного объекта, расположенного одновременно на территории трех государств.

Напряженной остается и ситуация по р. Урал, протекающей по территории РФ и РК. Несмотря на действие Соглашения от 27 августа 1992 года между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан «О совместном использовании и охране трансграничных водных объектов», а затем принятого взамен предыдущему Соглашение 2010 года, обмеление и деградация экосистемы р. Урал осложняется и тем, что государства не могут выработать единую стратегию по ее восстановлению. Причем «у России и Казахстана достаточно много общих водотоков, оросительных систем, совместных групповых водопроводов и т. д., имеющих различные характеристики и масштабы. На указанных реках построены города и поселки, и поэтому эти реки активно вовлечены в хозяйственную деятельность большого числа людей, здоровье и благополучие которых во многом зависит от нормального функционирования трансграничных водотоков. Тем не менее неудовлетворительное состояние многих из них свидетельствует о необходимости реформирования механизма управления общими водотоками» [4].

Наиболее острые противоречия возникают и по поводу режима работы Токтогульского водохранилища (находится на территории Кыргызской Республики), являющегося крупнейшим в бассейне Сырдарьи и во всей Центральной Азии. Здесь, главным образом, столкнулись интересы трех центральноазиатских государств – Кыргызской Республики, Республики Узбекистан и Республики Казахстан. Два государства, расположенные в нижнем течении р. Сырдарьи, заинтересованы в сохранении ирригационного режима Токтогульского водохранилища, тогда как Кыргызской Республике выгоден энергетический режим его эксплуатации. Таким образом, «вопрос об охране и использовании реки сложен, так как Кыргызстан смотрит на воду как на товар. Такой же позиции придерживается и Таджикистан, приравняв воду к полезным ископаемым. Казахстан и Уз-

бекистан рассматривают этот вопрос в ирригационной плоскости. Каждая страна при этом преследует свои интересы. Для нас ситуация осложняется еще и тем, что Казахстан – единственное государство в регионе, подписавшее Хельсинское соглашение по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер» [5, с. 4].

Как известно, современное сотрудничество государств Центральной Азии базируется на двух важнейших уставных межгосударственных договорах – Ташкентском заявлении глав государств Республики Казахстан, Республики Таджикистан и Республики Узбекистан от 28 декабря 2001 года и Договоре между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан и Республикой Узбекистан об учреждении организации Центрально-Азиатское сотрудничество от 28 февраля 2002 года. Среди основных направлений ЦАС наиболее важной в нашем контексте является задача по проведению скоординированных и согласованных действий в области рационального и взаимовыгодного использования водных объектов, водно-энергетических ресурсов и водохозяйственных сооружений. Главы государств убеждены в том, что скоординированные и согласованные действия в области рационального и взаимовыгодного использования водных объектов, водно-энергетических ресурсов и водохозяйственных сооружений в Центральной Азии на основе общепризнанных принципов и норм международного права послужат основой для эффективного использования имеющегося сельскохозяйственного и энергетического потенциала государств во благо народов региона. В связи с этим Главы государств поручили своим правительствам ускорить работу по совершенствованию механизма межгосударственного использования трансграничных водных объектов.

Однако, несмотря на существующие договоренности в рамках регионального ЦАС государств, проблема водообеспечения и совместного использования трансграничных водных ресурсов является одним из основных конфликтных узлов, создающих реальную угрозу региональной безопасности государств Центральной Азии. Представляется, что эти конфликтные ситуации должны быть разрешены путем переговоров, консультаций, создания межгосударственных интеграционных объединений, а также выработки концептуальных основ совместного государственного управления трансграничными водотоками стран Центрально-Азиатского региона.

Таким образом, пример сотрудничества Республики Казахстан в области охраны и использования трансграничных вод показывает, что основными направлениями международного взаимодействия государств является заключение международных договоров различного характера, создание специальных межгосударственных органов, проведение международных форумов, конференций, сотрудничество с международными организациями и т.д. Но этих мер недостаточно для того, чтобы решить существующие проблемы.

Необходимо, чтобы действующие соглашения предусматривали механизм разрешения трансграничных споров, имели не просто рамочный характер, а со-

держали нормы твердого обязательного права, неисполнение которых влекло бы возникновение ответственности. Следует также обеспечить достаточное финансирование мероприятий по восстановлению, охране, рациональному использованию трансграничных природных объектов. Особого внимания требует решение вопроса о своевременном предоставлении полной, достоверной информации о состоянии трансграничных природных объектов, что будет способствовать расширению мер доверия между государствами, а также быстро реагировать в случае возникновения угрозы окружающей среде и жизни человека вследствие трансграничного загрязнения.

Библиографический список

1. Тимошенко, А. С. Правовой режим природных ресурсов, разделяемых двумя или более государствами // Советское государство и право. – 1977. – №6. – С. 113-118.

2. Перелет, Р. А. Глобальные экологические (экосистемные) услуги – международные и торговля // В кн.: Инновации в рациональное природопользование и охрану окружающей среды: Материалы межрегиональной научно-практической конференции, 31 октября – 1 ноября 2002 г. / Под ред. Г. А. Фоменко. – Ярославль: НПП Кадастр, 2003. – С. 78-84.

3. Талгат Мамырайымов. Использование трансграничных рек Казахстана и Китая [Электронный ресурс]. – URL: <https://abai.kz/post/12477> (дата обращения: 23.01.2019).

4. Порох, А. Н. Россия и Казахстан в решении трансграничных водных проблем [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-kazahstan-v-reshenii-transgranichnyh-vodnyh-problem> (дата обращения: 15.02.2019).

5. Доброта, Л. Проект «Сырдарья» // Казахстанская правда. – 2004. – 8 июня.

Г. Д. Джунушалиева / G. D. Dzhunushalieva*
**ЦИВИЛИЗАЦИОННО-ИНТЕГРИРУЮЩАЯ РОЛЬ РОССИИ
В СТАНОВЛЕНИИ КИРГИЗСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
В РАННЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД
(CIVILIZATIONAL AND INTEGRATING ROLE OF RUSSIA IN THE
FORMATION OF THE KYRGYZ STATE IN THE EARLY SOVIET PERIOD)**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы роли России в становлении киргизской государственности. Поскольку обретение прав автономии в составе РСФСР и, в конечном счете, статуса союзной республики стало возможным в советском государстве, то роль России в этом процессе трудно переоценить.

Ключевые слова: интеграция, советское государство, автономная область, автономия, киргизская государственность.

Abstract. The article discusses the role of Russia in the formation of the Kyrgyz statehood. Since the acquisition of the rights of autonomy within the RSFSR and, final, the status of a union republic became possible in the Soviet state, the role of Russia in this process cannot be overestimated.

Keywords: integration, Soviet state, autonomous region, autonomy, Kyrgyz statehood.

Специфика исторического пути России оказалась во многом обусловлена ее географическим положением. Национальные черты формировались под мощным влиянием двух факторов внутренней Азии и внутренней Европы России; двух начал: индивидуального и коллективного; двух принципов: общественного и государственного. В результате нескольких волн модернизаций страна открылась западным идеям, знаниям, технологиям. Утратив традиции как основу устойчивости повседневной социальной жизни, российское общество постаралось сохранить родовые связи, близкие контакты с деревней, что не составляло трудности, поскольку в экономике государства аграрный сектор занимал более значительное место, чем индустрия. Не случайно министр народного просвещения граф С.С. Уваров в 1834 г. обозначил государственную идеологию имперской России как: православие, самодержавие и народность [1] в попытке противопоставить процессу вестернизации, понимаемому нами как внедрение достижений европейской технической и социальной инженерии на российскую почву. По мнению министра три столпа русской идеологии позволили бы обществу избежать революционных событий, потрясавших Европу.

* Гульмира Дженишевна Джунушалиева, д-р ист. наук, доц., Кыргызско-Российский Славянский университет (Бишкек, Киргизия). E-mail: dzun_gulmera@mail.ru.

В отличие от России кочевья киргизов до XIX столетия находились в сфере влияния исключительно восточных государств с устойчивыми исламскими традициями, если не считать Китай. С вхождением в состав Российской империи киргизский народ неизбежно вовлекается в объективный процесс модернизации традиционных сообществ, который разворачивается в XX столетии. Опыт мирного сосуществования со своей внутренней Азией позволил России без излишне жесткого подавления местного населения (как это имело место в случаях истории колонизации американских, африканских и азиатских территорий), увлечь за собой национальные окраины империи по пути социального прогресса.

Накануне завоевания Кокандским ханством киргизских территорий киргизы не сумели консолидироваться в свое национальное образование с ярко выраженными государственными началами. По мере завоевания Кокандским ханством территорий родоплеменные объединения киргизов включались в состав того или иного вилайета. Ханство представляло собой военно-бюрократическую машину, основывающуюся на деспотических принципах. Во второй половине XIX в. Киргизстан вошел в состав Российской империи. Политика царизма в отношении своих колониальных владений не предполагала радикального разрушения местных традиций. Наоборот, на окраинах создавалась щадящая система коммуникаций для их постепенной адаптации к новым социально-политическим условиям. Военно-колониальная система Туркестанского генерал-губернаторства встраивала Среднюю Азию в административно-территориальную государственную систему. Очень многие черты были переняты от них. На специфику азиатской национальной системы управления оказала сильное влияние специфика управления-донора. За время пребывания Киргизстана в составе Российской империи патримониальная модель организации и функционирования управленческой системы была усвоена прочно. Это связано с историческими особенностями развития киргизов.

Российская колониальная политика обладала рядом преимуществ в области взаимоотношений с местным населением в сравнении, например, с британцами. Так, по этому поводу французский историк Эммануэль Тодд в интервью журналу «Россия в глобальной политике» говорил, что английская колониальная политика «никогда не ставила перед собой цивилизаторских задач, она никогда не представляла себе, что африканцы или индусы могут стать англичанами» [2]. В британских колониях при рассмотрении дел в суде и делопроизводстве не использовались местные языки. А в Туркестане властями переписка с туземцами велась на местном языке. Назначение на административные и судебные должности учитывало знание местного языка возможным претендентом. Незнание русского языка было поводом к снисхождению. Российское завоевание Туркестана привнесло в край политическую стабильность, поскольку оно прекратило бесконечные войны между ханами, эмирами и беками, обеспечивало внутренний порядок и защиту от разбойничьих набегов, ликвидировало рабство. Экономика среднеазиатского региона, которая была в течение длительного периода времени

изолирована от мирового рынка из-за закрытия Великого шелкового пути, вновь через Россию подключилась к мировому хозяйственному обороту.

Система государственного управления современного типа в Киргизстане начала складываться только с установлением советской власти. Период 20-30-х годов в советской историографии рассматривался как время коренных социально-экономических преобразований, направленных на модернизацию традиционного киргизского уклада в соответствии с современными веяниями. Пожалуй, это наиболее изученные направления преобразований в истории Киргизстана XX в., поскольку успехи модернизационных проектов (индустриализация, коллективизация и культурная революция) государства должны были освещаться периодикой, наукой и искусством. В период независимости в изучении национальной истории акценты сместились в сторону описания биографий исторических личностей, внесших значительный вклад в развитие государства, проявивших себя в политике, особенно – в нациостроительстве. Но большая часть исследовательской рефлексии на события в Советском государстве свелась исключительно к освещению фактов политических репрессий, проблемам реабилитации пострадавших, изучению процессов модернизации общества с точки зрения модернизационных теорий и мобилизации ресурсов по достижению этих целей.

Факт создания Кара-Киргизской автономной области в составе РСФСР имеет очень важное историческое значение в истории Киргизстана XX в. Данный этап явился ключевым в процессе нациостроительства киргизов. На протяжении значительного времени киргизы находились в состоянии раздробленности, были разбросаны по отдельным административным областям и уездам в Российской империи и Советском государстве. В XX-ом столетии шел процесс реальной ассимиляции киргизов, проживавших в Ферганской долине узбеками, киргизы Джетысуйской и Сырдарьинской областей испытывали сильное культурное влияние со стороны казахов. Лишь к концу гражданской войны у киргизов появилась возможность реализовать свое право на самоопределение.

В Программе РКП(б) в вопросе о «носителе воли нации к отделению» весьма недвусмысленно говорилось о том, что партия стоит на позиции «исторически классовой точке зрения, считаясь с тем, на какой ступени ее исторического развития стоит данная нация: на пути от средневековья к буржуазной демократии или от буржуазной демократии к советской или пролетарской демократии» [3, с. 79]. Киргизстанские исследователи раннего советского периода считали, что партия ставила под сомнение право отсталых народов на самостоятельное решение своей дальнейшей судьбы [4; 5]. С нашей позиции, партия тестировала население национальных окраин на политическую зрелость. Каким образом она могла провести эту проверку? Одним из параметров этой проверки служило и знание русского языка чиновниками советско-партийного аппарата, автор имеет в виду не столько уровень владения русским языком управленческим персоналом, но степень владения ими революционной лексикой, что было важным фактором эффективности коммуникации.

Впервые вопрос об образовании самостоятельной административной области киргизов в составе Туркестанской области был поднят в 1921 г. во время визита ответственных работников Турккомиссии ВЦИКа и Туркестана Г. Сафарова и С. Ходжанова. В качестве мотива для образования области выдвигались соображения о распыленности киргизов по отдельным административным единицам Туркестанской республики. Как следствие этой разбросанности культурно-бытовые и хозяйственные потребности киргизов не удовлетворялись в полной мере, особенно в тех областях, где киргизы оказывались в положении национальных меньшинств. Как предполагали инициаторы выделения киргизской области, обособление киргизов в отдельную территориально-административную единицу могло «способствовать ускорению ликвидации басмачества в южной части Киргизии» [6, с. 58-59]. Кроме того, политическая ситуация осложнялась обостряющимся противостоянием между отдельными группами казахских и киргизских руководящих работников.

В апреле XII съезд РКП(б), на котором отдельным вопросом обсуждалась и принималась резолюция по национальной политике, партия взяла курс на самоопределение наций, ликвидацию фактического неравенства. Это стало толчком к следующему этапу борьбы за выделение киргизской автономии. В январе 1924 г. ряд делегатов XII съезда Советов Туркестанской АССР из числа кара-киргизов обращаются с докладной запиской в ЦК РКП(б) и Национальный Совет ЦИК СССР. Тактика и лексика киргизских политических деятелей изменились в сравнении с 1921 годом. «Существование кара-киргизов есть реальность, которую не может отрицать ни один работник, мыслящий по-коммунистически», – писали они [7, с. 71]. Отстаивая право киргизов на самоопределение, делегаты подчеркивали, что подчинение одной исторически существовавшей нации другой из-за некоторого сходства языка и образа жизни является актом в принципе, противоречащем национальной политике партии и советской власти.

Авторы докладной записки обращали внимание вышестоящих партийных и государственных органов на отрицательные стороны «неизвестности» киргизов как отдельной и самобытной нации азиатской части советского государства. Доводы касались вопросов выпадения регионов, заселенных киргизами, из сферы влияния компартии и советской власти, игнорирования потребностей развития национальной культуры, что могло привести к ее гибели. И это «могло произойти в эпоху пролетарской диктатуры и руководства политикой государства Коммунистической партией» [7, с. 74].

Попадание в политическую струю того времени было точным, а лексика киргизских партийных деятелей понятна центру. Апелляция к историческому опыту и памяти обосновывала нежелание создания автономии в составе Туркестана или Киргизской (Казахской) АССР. Делегаты обращали внимание центра на исторические факты притеснений со стороны Кокандского ханства и людских потерь в результате военных набегов Кененсары Касымова.

Значение признания кыргызской нации для политических деятелей Кыргызстана было важно в свете того обстоятельства, что после очередного скандала между руководящими работниками Туркестана Сталин приходит к выводу, что «Среднюю Азию нужно размежевать по национальным признакам, где каждая народность организует свою республику» [8, 7].

10 марта 1924 г. Исполбюро ЦК КП Туркестана проводит совещание членов и кандидатов в члены ЦК, членов Президиума ТурЦИКа и некоторой части руководящих работников края, на котором обсуждаются вопросы дальнейшего государственного строительства Туркестана. Весьма примечательно выступление К. Рахимова на этом совещании. Аргументация К. Рахимова в пользу национального размежевания сводилась к тому, что узбекский бедняк будет бороться с узбекским кулаком, туркменский бедняк – с туркменским и т.д., а в результате классовая борьба не будет затушевываться национальными моментами. С его точки зрения национальное размежевание являлось единственным средством укрепления советской власти на местах.

Делегат И. Арабаев требовал, чтобы было предоставлено право выбора самому кыргызскому народу, определить в составе какой республики они желали бы получить свою автономию: Туркестанской, Кыргызской (Казахской) или РСФСР. Совещание пришло к выводу о необходимости создания Узбекской республики с автономией для таджиков, Туркменской республики, о передаче кыргызских областей Туркестана в состав Кыргызской (Казахской) республики. 14 октября II ВЦИК Советов утверждается постановление ЦИК Туркестанской АССР о национальном размежевании республик и в тот же день принимается постановление ВЦИК об образовании Кара-Кыргызской автономной области в составе РСФСР.

Постоянная изменчивость социальных процессов во многом детерминирует вызовы современности. В последние десятилетия роль русского языка в значительной степени в жизни кыргызстанского общества претерпела изменения. Периферия Кыргызской Республики на сегодняшний день стала практически моноязычной, если не учитывать южный регион, где исторически население является билингвами (кыргызский и узбекский). Однако международные социально-политические реалии таковы, что государству и его управлению аппарату необходимо сохранять русский язык для более продуктивной коммуникации со странами ближнего зарубежья, поскольку русский язык остается более эффективным и быстрым в сравнении с английским языком. Однако события последних двух лет показывают, что государство достаточно планомерно вытесняет русский язык из делопроизводства. Для успешного становления аппарата государственного управления владение языком власти является необходимым условием и гарантией его социальной мобильности в рамках административной структуры.

Библиографический список

1. Уваров, С. С. Доклады министра народного просвещения С. Уварова императору Николаю I [Электронный ресурс] // Река времени. Вып. 1. – М.: Элис Лак, 1995. – С. 70. – URL: <http://www.krotov.info/acts/19/1830/1833119.html> (дата обращения: 22.02.2019).
2. Тодд, Э. Не стесняться своего «имперского» прошлого [Электронный ресурс] / Э. Тодд // Россия в глобальной политике. – 14.09.2007 г. – URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/politika/ne_stesnatsa_imperskogo_proshlogo_2007-09-14.htm (дата обращения: 21.01.2019).
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. [Текст]. – 9-ое изд. Т. 2. – М.: Политиздат, 1983. – 606 с.
4. Джунушалиев, Д. Время созидания и трагедий 20-30-е годы XX в. [Текст]. – Бишкек; Илим, 2003. – 248 с.
5. Джуманалиев, А. Политическая история Кыргызстана [Текст]. – Бишкек, 2005. – 399 с.
6. ЦГА РК. ф. 21, оп. 6, д. 134.
7. ЦГА ПД КР, ф. 391, оп.3, д.68.
8. ЦГА ПД РК, ф. 391, оп.3, д.68.

Е. В. Епифанова / E. V. Epifanova*
КАЗАХИ В САРАТОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА
(KAZAKHS IN THE SARATOV VOLGA REGION
IN THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY)

Аннотация. В Саратовском Поволжье вторую по численности этническую группу после русских составляют казахи, которые активно участвуют в политической и социально-экономической жизни региона, формировании атмосферы взаимоуважения в обществе, упрочнении добрососедских отношений с народом Республики Казахстан. Но история казахов Саратовской области до сих пор является почти неизученной темой.

Ключевые слова: миграция, народы, нации, этнография, культура, диаспора, Поволжье.

Abstract. In the Saratov Volga region, the second largest ethnic group after the Russians are Kazakhs, who are actively involved in the political and socio-economic life of the region, creating an atmosphere of mutual respect in society, strengthening good-neighborly relations with the people of the Republic of Kazakhstan. But the history of the Kazakhs of the Saratov region is still an almost unexplored topic.

Keywords: migration, peoples, Nations, Ethnography, culture, Diaspora, Volga region.

Первые упоминания о казахах, проживавших в Саратовском Заволжье, встречаются в трудах исследователей XIX века Яксгаузена, И.С. Иванова, М.В. Иванина, Герна и Васильева, Н. Ханыкова, П. Небольсина, А. Поленова¹. Авторы справедливо указывали, что казахи рассматриваемого региона являются, по

* **Екатерина Витальевна Епифанова**, ассистент, Энгельский технологический институт (филиал) Саратовского государственного технического университета им. Ю. А. Гагарина (Энгельс, Россия). E-mail: lucki.88@mail.ru.

¹ Описание Саратовской губернии. Статистические труды И.Ф. Штукенберга. Ст. XVIII. - СПб., 1858. - С. 26-28; Иванов И.С. Джангир хан Внутренней Киргизской орды // Букеевской Орде 200 лет. Кн. 2. - Алматы, 2001. - С. 5-139; Иванин М.В. Внутренняя, или Букеевская, Киргизская Орда // Букеевской Орде 200 лет. Кн. 4. - Алматы, 2001. - С. 90-146; Герна, Васильев. Военно-статистический обзор Оренбургской губернии. Военно-статистический обзор Российской империи. Т. XIV. Ч. 2. - СПб., 1948. - С. 28; Ханыков Н. Очерки состояния Внутренней Киргизской Орды в 1841 году // Записки Русского Географического общества. Кн. II. - СПб., 1847; Небольсин П. Очерки Волжского Низовья. - СПб., 1852; Поленов А. Пути торгово-промышленного движения в Букеевской Орде и пограничных с нею местностях // Букеевской Орде 200 лет. Кн. 6. - С. 46-242.

сути, казахами Букеевской Орды¹, либо кочевавшими вместе со стадами Жангир хана² на арендованных в Саратовской губернии землях, либо работавших по найму у богатых русских землевладельцев.

В СССР культивировалась идея о слиянии всех наций и народностей в единую советскую общность, поэтому изучению истории и этнографии казахов, проживавших вне пределов Казахской ССР, практически не уделялось внимания.

Публикации, посвященные различным аспектам истории казахов региона появляются с 1991 г. М.В. Булычев, рассматривая историю казахов Нижнего Поволжья в XIX веке, исследовал вопросы развития торговых связей букеевцев с жителями губернии [1, с. 171-173]. А.Г. Догалаков вполне оправданно считает казахов насельниками земли Саратовской [2]. В изданной Ассоциацией Поволжских казахов брошюре приводится родоплеменной состав саратовских казахов [3]. К.И. Кобландин и Г.А. Ташпеков, анализируя социально-экономическую и политическую ситуацию во Внутренней Орде, большое внимание уделили вопросам казахской и русской культуры, переходу казахов к полuosедлому и оседлому образу жизни, системе отходничества букеевцев на земли саратовской, Самарской и Астраханской губерний [4]. О.Б. Наумова приходит к выводу, что в результате сложного синтеза этнокультурных традиций русского и казахского народов, их взаимовлияния происходит трансформация культурных ценностей и этнических стереотипов [5, с. 60-73].

Однако, несмотря на возросший интерес к истории казахской диаспоры, многие ее страницы остаются почти неизученными.

Территорию Саратовской области казахи начали осваивать еще во второй половине XVIII века. Но основная масса казахов приступила к активному расселению в Саратовском Заволжье в виде временных и постоянных форм оседлости после образования Букеевской (Внутренней) Орды в 1801 г. Первоначально казахи – букеевцы селились в приграничных селах Новоузенского и Царевского уездов, занимаясь скотоводством и наймом на работу к русскому населению.

В революционных событиях начала XX века основная часть казахов региона участия не принимала. Важнее идеалов революции или торжества идей монархизма для степняков были вопросы сохранения своего скота, благополучия родных и т.п.

Казахское население Саратовского Заволжья на себе испытало тяготы гражданской войны: постоянные реквизиции, мобилизации как со стороны белых, так и красных, к которым добавилось и насилие со стороны зеленых во главе с Се-

¹ Букеевская Орда (или Внутренняя Орда) – вассальное казахское ханство в составе Российской империи, существовавшее в 1801-1845 в междуречье Урала и Волги. Было создано в 1801 году пятью тысячами семей, переселившимися из Младшего жуза. Административно входило в Астраханскую губернию.

² Жангир-Керей-хан, при жизни по-русски именовался Джангер (1801 - 11 августа 1845) – хан Внутренней (Букеевской) орды (1823–1845), сын Бокей-хана, основателя Бокеевской орды.

ровым, Сапожковым и др. Некоторые казахи, спасаясь от преследований временных правителей, вынуждены были бежать вглубь Нарын-Песков¹.

Несмотря на революционные события в стране, казахи продолжали селиться на Саратовской земле. В 1917 г. они основали с. Луков Кордон в Александров-Гайском районе. Это были семьи Батыргалиевых, Имангалиевых и Нургалиевых [6].

По данным статистических органов в 1923 г. в Саратовской губернии проживало 4914 казахов – 2735 мужчин и 2179 женщин, из них в городах всего лишь 48 человек (31 мужчина и 17 женщин). В процентном отношении казахи составляли лишь 0,2% населения губернии [7, с. 47, 58]. В Саратове проживало пять казахов; в Новоузенске – 20, из них 9 мужчин и 11 женщин. Больше всего казахов проживало в Новоузенском (1337 чел.) и Дергачевском (3571 чел.) уездах [7, с. 41, 43, 45].

По результатам Всесоюзной переписи населения 1926 г. Саратовская губерния являлась родиной 4876 казахов (2626 мужчин и 2250 женщин). В этот период увеличилось количество казахов в Саратове – 71 казах, в других городских поселениях – 138 казахов [8, С. 463, 465-467, 475, 477, 479].

Вышеперечисленные регионы вошли в состав Нижне-Волжской области с центром в г. Саратове согласно постановлению ВЦИК и СНК РСФСР «Об образовании Нижне-Волжской области» от 21 мая 1928 г. В состав нового административного образования вошли также Калмыцкая автономная область и часть Пугачевского уезда Самарской губернии [9]. Позднее Нижне-Волжская область стала именоваться Нижне-Волжским краем.

Казахи края традиционно проживали в Заволжье, составляя от 6 до 10% от численности населения края, а в районах Астраханского округа – от 38 до 80% [10]. Казахи жили в южных частях Немецкой республики и Новоузенского уезда [11, С. 36], составляя 6,92% от населения уезда [12, С. 29]. О численности казахского населения по волостям Новоузенского уезда можно судить по данным Таблицы 1.

Таблица 1 – Казахское население Новоузенского уезда, 1926 г. [13, с. 532]

Территория	Количество казахов (чел.)		Всего населения (чел.)	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Новоузенский уезд	2573	2207	78581	86403
Новоузенск, гор.	127	83	6487	7456
Ершово, п.г.т.	10	8	2405	2742

¹ Рын-пески (Рыны, Нарын-пески, Нарын, с [каз.](#) Нарын құмы – узкий песок) – огромное пространство песчаных бугров и [барханов](#) (пустыня) в [Прикаспийской низменности](#), расположенных на водоразделе рек [Волги](#) и [Урала](#).

Территория	Количество казахов (чел.)		Всего населения (чел.)	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Сельская местность, волость	2436	2116	69689	76205
Александрово-Гайская	787	689	7407	8125
Алтатинская	171	147	3441	3881
Балашовская	178	182	4231	4623
Дергачевская	170	133	13489	14642
Ершовская	87	59	5810	6217
Краснянская	20	15	5691	6335
Куриловская	113	81	5167	5699
Малоузенская	63	56	3529	4007
Натальинская	334	319	5029	5137
Новоузенская	446	383	4554	4717
Орловогайская	22	18	4418	4891
Питерская	45	34	6923	7931

В 20-е годы XX в. продолжался процесс миграции казахов из Казахстана в Россию и обратно. Перевес в этом миграционном процессе был на российской стороне. Будучи более мощным в экономическом отношении, Саратовское Поволжье стало привлекательным для казахов Букеевской и Уральской губернии Киргизской АССР [14]. Но не только казахи приезжали на новое место жительства, также прослеживалась и тенденция, связанная с отъездом в Казахскую АССР. Так, осенью 1925 г. постановлением Уральского губисполкома производился перевод на оседлость группы кочевников-казахов, переселившихся из Саратовской губернии [15, с. 47].

Определяющая роль в формировании приоритетов работы с национальными меньшинствами принадлежала отделу нацменьшинств крайкома партии, который часто поручал соответствующему отделу крайисполкома «практические переработать» тот или иной вопрос. В отделе помимо немецкой, татарской, украинской, мордовской впервые появляется и казахская секция.

В годы коллективизации скотоводческие хозяйства Казахстана в экстренном порядке и сплошными массивами зачислялись в колхозы. Силовое давление и грубый произвол партийных органов обернулись резким упадком сельскохозяйственного производства, голодом и откочевкой за пределы республики значительного числа казахов, что привело к увеличению численности казахов в РСФСР в период с 1926 по 1939 гг. в 2,3 раза [16, с. 78]. Большое количество казахов бежало от голода в Нижнее Поволжье, где ситуация тоже была сложной. В Саратовскую область вынужденно эмигрировали уроженцы Каменского, Казталовского, Джаныбекского, Джамбетинского, Фурмановского, Урдинского, Тайпакского и других районов Западного Казахстана.

Резкий рост численности казахов в Саратовской области произошел в начале 30-х годов прошлого столетия. Осенью 1931 г. из Казахской АССР откочевало в районы Нижне-Волжского края: Пугачевский – 321 хозяйство с количеством человек в них 4478; Балашовский – 5 хозяйств, 18 человек; Петровский – 14 хозяйств; Сталинградский – 807 хозяйств, 4000 человек; Новоузенский – 163 хозяйства, 700 человек; Фроловский – 120 хозяйств, 485 человек; Аткарский – 50 хозяйств, 167 человек; Озинский – 234 хозяйства, 1102 человека; Володарский – 425 хозяйств, 1700 человек, то есть всего 3338 хозяйств и около 20000 человек [17].

Откочевавшие казахи зарабатывали себе на жизнь сезонной работой в колхозах и совхозах, занимались извозом (у кого остались лошади) и постоянно переезжали в поисках работы.

Беднейшая часть казахского населения края в целом положительно отнеслась к политике коллективизации и довольно активно включилась в колхозную жизнь. Казахская молодежь, воспитанная на героике подпольной работы революционеров-большевиков, горячих дней Гражданской войны, в большинстве своем также поддержала политику коллективизации. Для них «борьба» с кулачеством давала возможность выдвижения в номенклатурные работники со всеми вытекающими благами. Много казахских ребят вступили в члены ВЛКСМ.

В 1930-е годы казахи традиционно занимались животноводством: были чабанами, работали скотниками и доярками в колхозах и совхозах. Они зарекомендовали себя прекрасными тружениками сельского хозяйства. Об этом свидетельствуют материалы Госархива документов новейшей истории Саратовской области. Например, в 1936 г. за успехи в животноводстве были награждены орденом Красного Знамени Коняков Мустафа, старший чабан колхоза «Новый труд» Новоузенского района и Мухамеджанов Идрис, старший чабан колхоза им. Крицкого того же района [18].

подавляющее большинство казахского населения в тот период испытывало трудности с жильем. Жилья не хватало, жили семьи скученно ввиду их многодетности. Тем не менее, пожилые казахи, несмотря на существовавшие тогда бытовые неурядицы, вспоминают 1930-е годы как эпоху энтузиазма, задора, время, когда люди не знали усталости, как время надежд и свершений.

Библиографический список

1. Булычев, М. В. Казахи Нижнего Поволжья в первой половине XIX века // Краеведческие чтения. Доклады и сообщения IV-VI чтений. – Саратов, 1994.
2. Догалаков, А. Г. Очерки этнодемографической истории Саратовского края. – Саратов, 1997.
3. Родоплеменной состав казахов, разработанный на основе литературных источников, преданий, сказок. Генеалогическое древо. – Саратов, 1999.
4. Кобландин, К. И., Ташпеков Г. А. Внутренняя (Букеевская) Орда в XIX – начале XX вв.: Политическое и социально-экономическое развитие. – Уральск, 2006.
5. Наумова, О. Б. Казахская диаспора в России: этническое самосознание и миграционное поведение // Этнографическое обозрение. 2000. – № 3.
6. Александров-Гайский район – из века в век, за годом год. – Саратов, 2003. – С. 169.
7. Стат. Сб. по Саратовской губернии. – Саратов, 1923.
8. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XX. – М., 1928.
9. Известия ВЦИК. 1928. №117 (8351). 29 мая.
10. ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 119. Л. 26.
11. Нижнее Поволжье. 1928. № 4.
12. Сборник стат. Сведений по районам Нижне-Волжского края. Вып. I. Основные итоги. Саратов, 1930.
13. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Нижне-Волжский район. Отдел I. Саратов, 1928.
14. Киргизская АССР – Республика в составе РСФСР в 1920-1925 гг., затем Казахская АССР, а с 1936 г. – Казахская ССР.
15. Асылбеков, М. Х., Галиев, А. Б. Социально-демографические процессы в Казахстане (1917-1980). – Алма-Ата, 1991.
16. Татимов, М. Б. Летопись в цифрах. – Алма-Ата, 1968. (на каз. яз.)
17. ГАСО. Ф. Р – 522. Оп. 1. Д. 263. Л. 239 об.
18. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 848. Л. 33.

К. К. Каланов / K. K. Kalanov*

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ
ПОКОЛЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ТАШКЕНТСКОГО ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ
1966 ГОДА)
(SOCIOCULTURAL ASPECTS OF SOCIAL MEMORY OF GENERATIONS
(BY THE EXAMPLE OF THE 1966 TASHKENT EARTHQUAKE))**

Любая наука, взятая изолированно, представляет лишь некий фрагмент всеобщего движения к знанию. Чтобы правильно понять и оценить методы исследования данных дисциплин – пусть самых специальных с виду – необходимо уметь их связать вполне убедительно и ясно со всей совокупностью исследовательских тенденций, которые проявляются также в других группах наук. Изучение же методов как таковых составляют особую дисциплину.

Рассматривая вопрос о взаимодействии социальной среды и социальной памяти поколений, необходимо еще раз обратиться к некоторым общим положениям и прежде всего к положению о сущности человека. В середине XX века французский социолог А. Хаузер изложил и противопоставил основные принципы и методы, характерные, с его точки зрения, для истории и социологии. По его мнению, главные различия между этими науками заключались в том, что метод, которым пользуется в основном социология, метод сравнительный, а в истории принят монографический и функциональный метод [1, с. 7]. В современной социологии при исследовании исторической и социальной памяти широко применяются такие методы, как дискурс-анализ, нарратив-анализ и поколенческий анализ.

«История – это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет. Память – это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же – это репрезентация прошлого. Память, в силу своей чувственной и магической природы, уживается только с деталями, которые ей удобны. Она пытается туманными, многоплановыми, глобальными и текучими, частичными или символическими воспоминаниями, она чувствительна ко всем трансферам, отображениям, запретам или проекциям» [2, с. 20]. В этих размышлениях французского учёного Пьера Нора отчётливо видна взаимосвязанность исторической и социальной памяти.

Социально детерминированная предрасположенность личности или социальной группы к определенному действию в конкретной ситуации называется установкой. Эта форма реагирования на стимулы внешней среды субъекта деятельности, стремящегося удовлетворить те или иные потребности. «Среда, в ко-

* **Комилжон Кулахматович Каланов**, канд. социол. наук, проф., Национальный университет Узбекистана (Ташкент, Узбекистан). E-mail: kamiljon@yandex.ru.

торой обитал человек индустриальной эпохи, – пишет О. Тоффлер, – во многом отличалась от той, в которой жили его предки. Несходными были даже наиболее элементарные сенсорные сигналы» [3, с. 205].

Понятие «поколение» – широко распространенная аналитическая категория языка повседневности, беллетристики и СМИ, хотя и менее популярная в науке. Она существует параллельно, но не альтернативно другим категориям анализа и системам видения. Вопрос состоит здесь в том, каков характер этого понятия (что дает, а что ограничивает в видении этот инструмент познания), так и причины его сравнительно ограниченного употребления историографией [4, с. 19].

Поколенческое видение биографического и исторического материала своими истоками уходит в древность дописьменных времен. Легенды тюрков, саги Севера и сказания племён Полинезийских островов, книги Библии и хроники династий Египта и Междуречья повторяют формулу «А породил Б, а Б породил В» как важнейший стержень индивидуальной и коллективной памяти и идентификации. Ранние историографические модели часто опирались на генеалогические цепочки правителей, видя в них основную причину в определении ритмов, заложенных в истории и хрониках. Но, с другой стороны, по мнению А.Ф. Кюгельгена, «история правителей или их сообщества чаще всего не соответствует событиям, имевшим место в действительности, но, тем не менее, может рассматриваться как истинная в том смысле, что эта история для него и многих членов его сообщества, – по крайней мере, на протяжении определенного периода времени – имела статус «исторической правды», определяя их восприятие, оценки и действия» [5, с. 114].

Классиками современной теории поколений/когорт (иногда с расширением и на «современников») стали К. Мангейм и Х. Ортега-и-Гассет [4, с. 23]. Мангейм продолжил работу В. Дильтея и М. Вебера, приняв их основные неоконтианские положения. В то же время Мангейм критикует эпистемологию Дильтея за видение общества через призму фундаментального дуализма «материального» и «духовного», не выделяя особенностей равнозначной для него (Мангейма) категории «социального» [4, с. 24]. В своем социологическом анализе Мангейм опирался в большой мере на искусствоведение Пиндера и его модель художественного стиля определенного поколения, выраженного через понятие основополагающего мотива в нем [6]. Продолжая эту линию анализа, Мангейм предложил понятие **энтелехии** как главного мотива коллективного мышления – у него это «**дух поколения**», наиболее ярко выраженный его элитой. Введенное Мангеймом понятие «поколенческий союз» занимает здесь положение идейно-политического «авангарда» определенной поколенческой когорты. В работе Мангейма, посвященной поколениям, можно видеть приложение этого теоретического подхода к практическому анализу современной ему истории Германии [7, с. 572-671].

Поколенческий анализ вышел на новую стадию развития благодаря работам американских социологов А. Страусса и В. Глейзера, которые предложили иную

концепцию качественного анализа и назвали разработкой *grounded theory*, то есть интеракционное построение мини-теорий в процессе сбора и анализа эмпирических данных. Основное назначение исследовательских идей, возникающих в процессе наблюдений, интервью, как раз и состоит, по мнению Глейзера и Страуса, в концептуализации обыденного опыта [8, с. 439]. Как считал Марк Блок, «поколения последних десятилетий XIX и первых лет XX века жили, как бы замороженные очень негибкой, поистине контовской схемой мира естественных наук. Распространяя эту чудодейственную схему на всю совокупность духовных богатств, они полагали, что настоящая наука должна приводить путем неопровержимых доказательств к непреложным истинам, сформулированным в виде универсальных законов» [9, с. 12]. По сути дела, при таком подходе человек отождествлялся с наличными социальными отношениями и в первую очередь с производственными, вследствие чего абсолютизировалась его социальная принадлежность. Места памяти рождаются и живут благодаря чувству, что спонтанной памяти нет, а значит, нужно создавать архивы, нужно отмечать годовщины, организовывать празднования, произносить надгробные речи, нотариально заверять акты, потому что такие операции не являются естественными [2, с. 26].

Значительные события, о которых вспоминают и передают из уст в уста, являются объектом изучения историографии. Но факты о крупных событиях и именах, существующие в индивидуальном восприятии истории теми людьми, которые в той или иной степени были свидетелями и участниками этих событий, зачастую игнорируются.

Ташкентское землетрясение 1966 года... В детстве я ассоциировал Ташкентское землетрясение и его печальные последствия только с 26 апреля. Потому что в СМИ, а также в учебниках и учебных пособиях постоянно повторялась фраза “события 26 апреля 1966 года”. В 2007 году я принял участие в проекте под названием “Ташкентское землетрясение 1966 года: воспоминания очевидцев” представительства ассоциации немецких народных университетов (*DVV International*), в рамках которого были изучены социальные аспекты этого периода на основе свидетельств очевидцев и архивных документов. Ташкентское землетрясение считается самым длительным по времени землетрясением в истории столицы. За период с 26 апреля 1966 года по 31 декабря 1969 года произошло 1102 толчка. Самые сильные, то есть 7-балльные и выше, были 9 мая, 24 мая, 5 июня, 29 июня, 4 июля 1966 года и 24 марта 1967 года. Подавленные стихией и испуганные люди, покинув свои дома, жили во дворах в палатках и тапчанах [10, с. 6].

В школьные годы я много задумывался над датами смерти узбекских поэтов и писателей, чьи портреты висели в кабинете “Узбекского языка и литературы”. В частности, меня удивлял тот факт, что даты смерти Абдуллы Кадири, Усмона Носыра, Чулпана приходились на годы репрессий, Гафур Гулям, Айбек, Абдулла Каххар, Максуд Шайхзаде умерли в период 1966-1968 годов. Впоследствии во

время бесед с очевидцами ташкентского землетрясения я нашёл ответ на мучивший меня вопрос. По свидетельству Валентина Уломова, долгие годы работавшего директором сейсмической станции: “... вместе с тем во время многочисленных (свыше тысячи), хотя и незначительных по силе, повторных толчков, продолжавшихся несколько лет, число погибших от сердечных приступов составило несколько десятков” [11, с. 163]. А Народный артист Узбекистана Рустам Сагдуллаев вспоминал: “Для того чтобы люди пришли в себя от пережитого (успокоились) понадобилось почти 5 лет. А некоторые так и не смогли побороть свой страх” [12, с. 25].

Изучая воспоминания очевидцев ташкентского землетрясения и сравнивая их образ мыслей и жизни с образом мыслей и жизни сегодняшнего поколения, можно отметить их резкое изменение. Из воспоминаний Нины Козловой: «Если бы не землетрясение ... У меня ностальгия по Старому Ташкенту. Уютным он был каким-то. Помню узкие пыльные улочки, по которым бегала с подружками. А еще, мне кажется, люди были другими – проще как-то. Делились всем, что имели. Любили иначе – чисто и искренне. Вместе с разрушенным Старым Ташкентом я потеряла многое» [13, с. 203-204]. Их дополняют воспоминания Светланы Мутьевой: “Поначалу среди строителей, направляемых на помощь Ташкенту, производили строгий отбор, учитывая и их участие в общественной жизни, и уровень образования. А уже через год сюда стали приезжать разные люди” [14, с. 184]. А муж Светланы Александр Мутьев поделился следующими воспоминаниями: “Для ликвидации последствий Ташкентского землетрясения начали съезжаться множество строителей со всех концов Союза. В столице были построены не только жилые дома, но сотни фабрик, заводов и других сооружений. Через некоторое время для столовых и кафе этих организаций понадобились повара. Так, появилось множество поваров из местной молодёжи. Проходили годы. В 80-х годах молодые парни и девушки из разных областей республики начали приезжать в столицу и устраиваться на работу. Среди местного населения появилась целая “армия” строителей, слесарей, токарей, электриков и квалифицированных технических специалистов”. Мы сейчас готовимся с семьёй переехать в Саратовскую область России. В России я встречаю очень много наших соотечественников – трудовых мигрантов. Наблюдаю, как многие из них с усердием трудятся на тяжёлой работе, стройках. Тогда начинаю думать – может быть, причиной того, что узбекские мигранты свободно конкурируют со строителями из Китая и Турции благодаря опыту, приобретённому во время восстановительных работ в Ташкенте в 1966 году.

Переименование одной из центральных площадей Дружбы народов и станции метро, а также перенос мемориальной скульптуры, установленной в честь семьи Шомахмудовых, стало причиной того, что люди, видя работы вокруг Монумента Мужества, начали думать, что и он попал в список ликвидируемых культурных объектов. Это заставило задуматься не только местных исследователей, но и зарубежных специалистов. Ташкентское

Представительство ассоциации Немецких Народных университетов (*dvv international*) в 2007 году предложило группе исследователей принять участие в научном проекте, в рамках которого предполагалось методом Устной истории провести опрос очевидцев событий, связанных с землетрясением 1966 года в Ташкенте. Может быть, Монумент Мужества не был убран благодаря опубликованному в рамках данного проекта на трёх (узбекском, немецком и русском) языках научно-публицистическому сборнику и спектаклю “Землетрясение в Ташкенте 1966 года в воспоминаниях очевидцев”, поставленном только один раз в театре Юного зрителя в Ташкенте. Хотя не было никакого решения или указа правительства о сносе этого монумента, или, может, потому что у народа почему-то появилась тревожная мысль, что “пришёл черёд и этому монументу”, всё же “желание сохранить его объединило многих. На каждой странице научно-публицистического сборника “Ташкентское землетрясение 1966 года: воспоминание очевидцев”, начиная со страницы 8 до 243 в верхней части был проставлен символ Монумента Мужества.

Вместе с тем, никак не могу забыть спектакль, поставленный на основе свидетельств очевидцев. Среди зрителей были и очевидцы тех исторических событий, и тогда сидящая в зале и расчувствовавшаяся Светлана Мутьева, как только спектакль завершился, воскликнула во весь голос: “Светлая память нашему руководителю Шарафу Рашидовичу Рашидову, отстроившему прекрасный и вечно молодой Ташкент”. В зале на минуту воцарилась тишина... Ведь это был 2008 год. Спектакль больше не увидел свет ramпы.

Хотелось бы завершить статью следующими мыслями П.Нора: “Безусловно, для возникновения чувства прошлого должна была возникнуть трещина между настоящим и прошлым, чтобы появилось «до» и «после». Но это в гораздо меньшей степени означало разграничение, переживаемое как радикальное отличие, чем интервал, переживаемый как установление преемственности» [2, с. 35]. Изучение «социальных групп», т.е., исследование социальной структуры города, безусловно, создает дифференцированную картину эмоционального мира людей, относящихся к разным субкультурам одной исторической эпохи. Ташкент строится и строится Его обновляли и вовремя первые два десятилетия независимости. Бурные темпы градостроительства можно увидеть в Tashkent City, в котором участвуют знаменитые архитектуры Европы и других развитых стран. Но, я думаю, фундамент современного Ташкента все-таки заложен после ташкентского землетрясения 1966 года.

Библиографический список

1. Леви-Стросс, К. Структурная антропология. – М.: Академический проект, 2008.
2. Нора, П. Франция-память. – СПб.: Изд-во Петербургского университета, 1999.
3. Тоффлер, Э. Третья волна. – М.: АСТ, 1999.
4. Шанин, Т. История поколений и поколенческая история // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России. – М.: Новое литературное обозрение, 2005.
5. фон Кюгельген А. Легитимация среднеазиатской династии мангитов в произведениях их историков (XVIII-XIX вв.). – Алматы: Дайк Пресс, 2004.
6. Prinder, W. Das Problem Des Generation In Der Kunstgeschichte Europas. – В., 1926.
7. Манхейм, К. Консервативная мысль // Диагноз нашего времени. – М., 1994.
8. Ядов, В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание, социальной реальности. – М.: «Добросвет», 1998.
9. Блок, М. Апология истории или ремесло историка. – М.: «Наука», 1986.
10. Ташкентское землетрясение 1966 года. – Т.: ФАН, 1971.
11. Уломов, В. Землетрясение и люди // Сборник воспоминаний «Ташкентское землетрясение 1966 года: воспоминания очевидцев». – Ташкент, 2008.
12. Сагдуллаев, Р. Стихия застигла врасплох // Сборник воспоминаний «Ташкентское землетрясение 1966 года: воспоминания очевидцев». Ташкент, 2008.
13. Козлова, Н. На волнах памяти моей // Сборник воспоминаний «Ташкентское землетрясение 1966 года: воспоминания очевидцев». – Ташкент, 2008. – С. 203-204.
14. Мутьева, С. Я люблю тебя, Ташкент // Сборник воспоминаний «Ташкентское землетрясение 1966 года: воспоминания очевидцев». – Ташкент, 2008. – С. 184.

М. Г. Колокольцев / M. G. Kolokoltsev*

**ВЛИЯНИЕ РУССКОГО НАРОДНИЧЕСТВА НА ОБЩЕСТВЕННОЕ
ДВИЖЕНИЕ ВОСТОКА
(THE INFLUENCE OF RUSSIAN POPULISM ON ORIENTAL
SOCIAL MOVEMENT)**

Аннотация. Статья посвящена исследованию народнической идеологии, которая содержит проблему взаимодействия национальных общностей. Автор раскрывает постулаты народничества, иницирующие и определяющие национальное общественное движение. Статья раскрывает процесс самоорганизации национальной общности.

Ключевые слова: народничество, национальное самоопределение и самоорганизация, социокультурная почва, гандизм, взаимопомощь, классовая борьба, ассоциация, Земский собор, парламентаризм.

Abstract. The article is devoted to the study of folk ideology, which contains the problem of interaction of national communities. The author reveals the postulates of populism, initiating and determining the national social movement. The article reveals the process of self-organization of the national community.

Keywords: populism, national self-determination and self-organization, socio-cultural soil, gandism, mutual aid, class struggle, association, Zemstvo Council, parliamentarism.

Народническая идеология стало началом развития социологического знания в Российской империи. Народники, просвещая народ, учили, что социальные отношения в современном обществе управляются не рациональным научным объективным сознанием, а инстинктом и субъективным мнением человека и социальной группы. Законы исторического развития регулируются критической мыслью в процессе достижения идеалов общественного устройства. Идеи перераспределяют индивидуальные и общественные силы, направляют многообразные исторические потоки в новое русло. Воля человека изменить законы эволюции не может, но способна создать новую комбинацию сил и явлений [1, с. 136].

Русское народничество стало альтернативой деспотическому имперскому централизованному государству, оформившееся в условиях модернизации общества. Социологи-народники противопоставили развитию общественно-экономических формаций марксистов, почвенническую самобытность каждой социальной общности, сформировавшейся в результате взаимодействия психо-

* **Максим Геннадьевич Колокольцев**, канд. ист. наук, Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова (Барнаул, Россия). E-mail: m_kolokolcev@mail.ru.

логических, физико-географических условий, которые создают разнообразие региональных исторических процессов. Каждый народ, как индивидуальная личность, имеет свой особый склад ума, характер, свою особую роль, задачу, идею [2, с. 58], дополняющий всемирный исторический процесс [3, с. 145], который в свою очередь повторяется в национальном историческом развитии.

Исторический процесс, доказывали народники, должен воспроизводить и развивать самобытность своего народа. «Мы, в сущности, никогда ещё не жили; – писал А.И. Герцен, – мы провели тысячу лет на земле и два столетия в школе, занятые подражанием» [4, с. 663]. Русская правящая элита воспринимала и навязывала сверху сначала восточные деспотические принципы управления, а затем в процессе европеизации России немецкий бюрократизм. Необходимо освободиться от заимствований и встать на почвеннический самобытный путь развития, пропагандировали народники. Но, не изолируясь от прогрессивного мира, а воспринимая передовые научные знания современности о процветании человечества.

Российская цивилизация оформлялась в результате ассимиляции славянского, финно-угорского и тюркского народов, что определило поликультурную толерантность русских. Русская нация, которая формировалась в XVI-XVII вв., объединила московскими царями своим государством, экономическими отношениями с помощью русского языка и культуры множество народностей, сохраняющие свой язык и добровольно вступившие в подданство русского царя и признающие единство России. «Будьте русскими по-своему, будьте ими на ваш собственный образец, сохраняя в неприкосновенности то, что вы считали за лучшее» [5, с. 217]: писал М.Н. Катков.

Русская цивилизация, осваивая огромные просторы Азии, переносила все свои представления об идеальном будущем на новые земли. Уровень национального самосознания, складывающийся столетиями в результате исторической и социальной идентификации народа, крайне высок. Русские всегда отличались своим независимым нравом. Народники-областники в свою очередь заявили, что настоящая русская почва находится не в Петербурге, а в Сибири. Социолог Б. Андерсон выделил фактор развития национализма – переселение в колонии, где происходит процесс национального самосознания [6, с. 288]. Народники-областники отмечали, что в Сибири более русская социокультурная почва, чем в Петербурге.

Цивилизационное развитие предполагает гармоничное соединение всех частей в единое целое [7, с. 41]. Основным законом социального движения в народнической социологии заключается в тяготении. Как отдельные частицы материи постоянно стремятся друг к другу, так и люди приводятся во взаимное столкновение. Когда выгода отдельных социальных субъектов совпадёт с общей пользой, тогда отпадёт необходимость в государственном принуждении, что составляет закон социальной экономии. Следовательно, первым шагом на пути к переустройству общества должно быть изучение того, что есть в человеке, и на полу-

ченных психологических данных можно построить наилучший, наиболее согласный с природой человека общественный порядок.

К примеру, главным постулатом гандизма является путь индивидуального нравственного совершенствования и требование примирения между всеми классами. Известно, что М. Ганди причислял себя к ученикам Л.Н. Толстого. «Классовая борьба чужда духу Индии», – говорил Ганди [8, с. 22]. Нормальным же состоянием отношений между заминдарами (помещиками) и райятами (крестьянами), между капиталистами и рабочими должно быть гармоническое сотрудничество. Капиталисты и помещики должны осознавать социальную ответственность. Возможны два направления развития, пропагандировал М. Ганди, либо следовать западному принципу «Сила - это правда» или придерживаться восточного принципа, согласно которому только истина побеждает, сильный и слабый имеют одинаковые права на справедливость.

Народничество стало почвенническим сближением западничества и славянофильства. В экономических отношениях, это в частности выразилось в том, что русский капитализм представлялся народниками в деятельности артелей кустарей. Кооперации, не нарушая закона конкуренции, выводит людей из-под его влияния. Крестьянин не будет выступать против собственности и капитала, но капиталистические отношения должны выстраиваться на основе сотрудничества и совместной работе капиталистов и рабочих, землевладельцев и арендаторов. Всякая деятельность, насколько возможно, будет осуществляться на кооперативных началах [9, с. 78].

Русский мир должен быть построен не на основе конкуренции, которая порождает конфликты, а на основе солидарности и взаимопомощи. Идеологической основой русского народничества, как отличительной особенностью в целом философии цивилизации Востока, является принцип взаимопомощи. Общественная жизнь, писал народники, состоит не в соперничестве, не в ассоциации для борьбы и не в подражании, что характерно, прежде всего, для западноевропейского общества, а в социализации. Нравственность, являясь результатом умственной и общественной эволюции человека, характеризуется как солидарность, взаимность и обоюдная зависимость. Усиление коллективного влияния не препятствует развитию индивидуальной деятельности. Благодаря разуму, своим изобретениям, чувствам и воле, личность усиливает значение своей роли. Особенность человека данной эпохи и страны составляет степень богатства, знания, нравственности и формы учреждений [10, с. 62]. Самая прекрасная форма, пропагандировали народники, будет гибельна для общества, если она не соответствует желаниям его членов. Личность – творец своего собственного правительства.

Западный демократизм стремился поколебать центральную государственную власть. Русская политическая культура содержит анти государственнические настроения народа. Славянские племена, которых объединяла и скрепляла русская культура, издревле жили федерацией, которая для славян является наци-

ональной формой. Образование империи стало общеевропейским этапом развития общества в процессе формирования и объединения национальных государств.

Россия расширялась, считали народники, по другому закону, чем западноевропейские державы, оттого что она не колония, не нашествие, а самобытный мир, идущий во все стороны, но крепко сидящий на своей собственной земле. Россия обходит племена со всех сторон, потом накрывает их однообразным льдом самодержавия – и под ним делает из калмыков – солдат, из поклонников далай-ламы – защитников православия, из немцев – отчаянных русских патриотов [4, с. 776]. Но всё изменится в процессе трансформации власти. Народы, входящие в состав России, определив свою самобытность, добровольно в процессе самоорганизации будут заключать союзы, были убеждены народники. Русские, пишет А.И. Герцен, потомки поселенцев, а не завоевателей [4, с. 679, 664]. Общие чувства, общие интересы, общие верования и составляют душу народа, только с ее формирования являются государство, отечество. Существо нации зависит от духа народа, а форма нации – от условий местности.

Народники определяли, видели и верили в особый путь трансформации русского общества. Русское земское начало в народническом движении вооружалось против иностранной бюрократии, сословного расчленения и поглощения общины. «Сохранить общину и освободить личность, распространить сельское и волостное самоуправление на города, на государство в целом, поддерживая при этом национальное единство, развить частные права и сохранить неделимость земли – вот основной вопрос русской революции»: писал А.И. Герцен [4, с. 384]. М. Ганди также вскрывал недостатки общины, при этом отстаивая её права [8, с. 22, 205]. Основой деревенской общины, пропагандировал он, должно стать ненасилие с сатьяграхой и не сотрудничество. Управление деревней осуществляется панчаятом в составе пяти человек, который ежегодно избирается взрослым населением деревни. Панчаяты будут одновременно законодательным, судебным и исполнительным органом, срок полномочий которого равен году. Общины сохранились в России вплоть до XX в., которые пытались защититься от правительственного вмешательства. Западноевропейское общество переживало период декаданса и русские формы, к примеру, община, по мнению народников, показали своё преимущества и перспективность.

Народничество содержит главный постулат о том, что государство должно раствориться в гражданском обществе, а реализация желаний, представлений и потребностей народа, под которым подразумеваются каждый человек и все социальные группы, определяют политическую форму. Анархизм М.А. Бакунина определил народническую идеологию в Российской империи, который пропагандировался народниками. Анархические идеи, основу которых определял принцип самоуправления, были популярными в европейской общественной мысли середины XIX в. Мохандас Ганди исходил в своём учении из анархистских концепций о государстве как безусловном зле, так как всякая власть раз-

вращает. Речь М. Ганди в Бенаресском университете Индии породила множество анархистов. При этом русские народники и последователи Ганди не считали себя анархистами. Русские народники верили в монархические настроения крестьянства. М. Ганди был убеждён, что в Индии нет почвы для анархизма. Анархические ценности свободы человека, ненасилия и самобытные нормы самоорганизации стали фундаментом общественного движения. «Я уважаю анархистов за их любовь к родине», - писал М. Ганди [8, с. 463].

Западноевропейский парламентаризм в русской евразийской политической культуре воспринимался отчужденно, как привнесённая извне социальная ценность, как непоследовательная теория представительства пропорционального числу эгоистичных интересов, а не числу индивидов. Русский социолог Л. Оболенский писал: «Забота о целом организме общественном оправдывается только заботой о единицах, составляющих организм» [11, с. 1-24]. Народ Российской империи отличался аполитичностью, не желанием интересоваться и участвовать в политических отношениях. Индийский лидер М. Ганди, к примеру, также не считал необходимым создавать свои политические партии. Русские общественные деятели призывали не тратить напрасно время на политические партийные интриги и заняться более важным делом, а именно изучением потребностей народа и возможностей их реализации. Русский народ, не способный к постановке политических вопросов, были убеждены народники, ближе всех европейских народов к новому социальному устройству [4, с. 382].

Русская общественная мысль предложила альтернативу представительного учреждения в виде Земского собора. А.И. Герцен сделал заключение: «Итак, остается созыв «великого собора», представительства без различия классов, - единственное средство для определения действительных нужд народа и положения, в котором мы находимся [4, с. 679]. Независимость должна начаться с самого низа. Каждая деревня, опираясь на собственные социальные силы, станет государством или панчаятом, обладающим всей полнотой власти. М. Ганди учил индусов, что отдельные целые на основе свободных и добровольных взаимосвязей составят единство. Социальная структура общества представляется не пирамидой с вершиной, поддерживаемой основанием. Вертикальные отношения должны перерасти в горизонтальные, в центре которых будет индивид как независимый атом социальной организации.

Принцип прогресса заложен в самой природе человека. Главная задача ликвидировать все препятствия в развитии народных сил. Путь трансформации не имеет значение, так как общество представляет единое целое, которое стремится к достижению Общего блага. Национальная интеллигенция, которая была отчуждена от народа в результате европейского образования, должна соединиться с народом на основе самобытных социокультурных ценностей и нормах, стать органической частью целого и просвещать всё общество. Сила общественного мнения, соответствующее воспитание и образование являются средством достижения поставленных целей.

Русское народническое движение распространялось по национальным окраинам Российской империи. В 1864–1867-х гг. в Петербурге существовало общество, которое контактировало с народническими организациями в Сибири и за границей. Одним из связующих звеньев был бывший офицер русской службы, член тайной организации в Тобольске И. Гайбулин. Он разъезжал под фальшивыми именами, был в Томске, Барнауле, Семипалатинске. Политическая партия Семипалатинска состояла в постоянных контактах с М. А. Бакуниным. Л.И. Голликов студент одесского университета 1850 г. рождения был осужден в 1871 г. по нечаевскому делу и сослан в Семипалатинск, откуда позже он просил перевести его в Усть-Каменогорск [12]. Семипалатинское областное правление разбило 25 апреля 1865 г. дело об аресте главаря, фанатика муллы Салюбека и его девятерых сподвижников за агитацию в Ташкенте против царизма. Когда их поймали, они были отправлены в укрепление Верное, а затем в Томск [13]. Позже члены тайного общества «Сибирское землячество» будут распространять революционные воззвания в г. Верном [14]. Исследовал народническое движение Казахстана историк В. З. Галиев [15, с. 6].

На территории Алтая в XVIII–XIX вв. была реализована имперская идея «опричнины», против чего самоотверженно выступали народники. Председателем губернского правления П. Фризелем и начальником отделения Разумновым был подписан циркуляр о переселении арестованных народников в Усть-Каменогорск [16]. Исполняющего должность Военного Губернатора Семипалатинской области просили командировать 10 июня 1865 г. пять чиновников, которые обязаны были наблюдать, чтобы состоящие под надзором лица «не составляли в своих квартирах каких бы то ни было сборищ, исключая собраний для молитвы в церкви, дозволив собираться для частных надобностей не более пяти человек» [17]. Выслано было в Усть-Каменогорск с 25 ноября 1864 г. из г. Барнаула Томской губернии всего 26 человек. Тогда уже 29 января 1865 г. в Усть-Каменогорской градской полиции значились политические преступники Ленартович, Добровольский, Сокульский, Славинский, Щенсович, Боровский, Швойницкий, Тржцинский, Станкевич, Лапинский.

Распространялись прокламации, привезенные из Европы, а также писались собственные прокламации. Курганский градоначальник Бучковский доносил в начале 1863 г., что в Семипалатинской области распространяются среди местного населения, казахов и солдат две изданные в Лондоне брошюры [18, с. 145]. Военному губернатору Семипалатинской области было приказано принять меры по розыску причастных к этому делу лиц. Курганский мещанин Константин Григорьев рассказал о том, что 10 мая 1863 г. возле Ботаговского озера за городом Верный два человека передали ему две брошюры: «Русское правительство - под покровительством Жедо-Жеррона», а вторая была без названия, но со штемпелем «Земля и Воля». Два агитатора призывали поступить в члены Тайного Народного Комитета и возбуждать народ к негодованию против правительства.

Народниками обсуждалась возможность осуществления террористических акций. Н.В. Шелгунов хотя и писал о допустимости разных средств достижения политических целей, однако отметил, что выбор остается только за народом [19]. Товарищ Министра внутренних дел генерал-лейтенант Оржевский со слов министра юстиции в середине 1880-х гг. в своем письме господину исполняющему должность Акмолинского губернатора по делу о высланной в г. Кокчетав 18 марта 1883-16 января 1885 гг. под надзор полиции за участие в партии «Народной воли» Зинаиды Зацепиной, Николая Якимова, Надежды Андрущенко и др., которые проследовали через г. Омск в Акмолинское областное управление, называет их членами социально-революционной партии, уточняя их принадлежность к её террористической фракции [20].

Идеология народничества содержит мировоззренческие постулаты, которые способны разрешить национальный вопрос и объединить все национальные общности в союзы на основе взаимопомощи и самобытной социокультурной общности. Установление национальной солидарности способствуют новейшие открытия в области науки и техники. Народничество стало началом самоопределения народов Востока и общественного движения.

Библиографический список

1. Гольцев, В. Историческая эволюция и психологические законы // Русская мысль. – 1895. - № 7.
2. Стронин, А. И. История и метод. – СПб.: Типография А. М. Котомина, 1869.
3. Милуков, П. Главные течения русской исторической мысли // Русская мысль. – Кн. V. – М., 1895.
4. Герцен, А. И. Избранные труды / А. И. Герцен; [сост., автор вступ. Ст., коммент. В. К. Кантор]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
5. Катков, М. Н. Избранные труды / М. Н. Катков; [сост., автор вступ. ст. и коммент. С. С. Секиринский]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
6. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. – М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001.
7. Водовозов, Н. В. Фурье (Опыт критического обзора его учения) // Русская мысль. – 1892. – № 9.
8. Ганди, М. К. Моя жизнь. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1969.
9. Гольцев, В. Историческая эволюция и психологические законы // Русская мысль. – 1895. – Книга X.
10. Кареев, И. История как наука // Русская мысль. – 1895. – № 6.

11. Оболенский, Л. Новое сочинение Герберта Спенсера // Русская мысль. – 1892. – Книга III.
12. ЦГА РК Ф. 523. Оп. 1. Д. 5. Л. 5.
13. ЦГА РК Ф. 15. Оп.1. Д. 145. Л. 4.
14. ЦГА РК Ф. 76. Оп. 1. Д. 715. Л. 236.
15. Галиев, В. З. Ссылные революционеры в Казахстане (вторая половина XIX в.) / В. З. Галиев. – Алма-Ата: «Казахстан», 1978.
16. ЦГА РК Ф. 15. Оп. 1. Д. 252. Л. 53.
17. ЦГА РК Ф. 15. Оп. 1. Д. 252. Л. 111.
18. Шелгунов, Н. Внутреннее обозрение / Н. Шелгунов // Дело. – 1881. - № 3.
19. ЦГА РК Ф 369. Оп. 1. Кн. 1. Д. 398. Л. 46.
20. ЦГА РК Ф 3. Оп. 1. Д. 175. Л. 9.

Н. Ю. Колокольцева / N. Ju. Kolokoltseva*

**РОЛЬ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ
СИБИРСКОГО КУПЕЧЕСТВА НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВВ.
(THE ROLE OF FOREIGN TRADE IN THE PROCESS OF SIBERIAN
MERCHANTS' FORMATION AT THE TURN OF THE XIX-XX CENTURIES)**

Аннотация. Статья посвящена исследованию деятельности сибирского купечества в период первоначального капитала. Автор описывает духовный облик купечества в Монголии.

Ключевые слова: ментальность, купечество, внешняя торговля, биография, облик купца, научные исследования.

Abstract. The article is devoted to the study of Siberian merchant activity in the period of initial capital. The author describes the spiritual appearance of merchants in Mongolia.

Keywords: mentality, merchants, foreign trade, biography, appearance of the merchant, scientific research.

Торговля в России издревле играла важную роль, не только для внутриэкономического развития, но и для внешнеполитических связей. Специфика развития торгового дела в России, состоит в том, что оно находится под государственным контролем. Это сформировало особую систему зависимости степени развития торговли и материального благосостояния чиновников. С.Н. Булгаков в работе «Философия хозяйства» отмечал, что «хозяйство есть явление духовной жизни...Дух хозяйства...не фикция, не образ, но историческая реальность. Всякая хозяйственная эпоха имеет свой дух и, в свою очередь, является порождением этого духа, каждая экономическая эпоха имеет свой особый тип «экономического человека» [1, с. 229]. Территориальная удалённость края способствовала росту самобытной хозяйственной активности.

Условия внешней торговли накладывали отпечаток на облик торгующего купечества. Торговец должен был знать иностранные языки, потребности и интересы местного населения, выработать приемы ведения с ним торговых дел, искать методы борьбы с конкурентами. Такая деятельность предъявляла повышенные требования к деловому и общему культурному уровню торговца, расширяла его кругозор, включала его в общественную жизнь региона. Купцы, которые вели торговлю по Чуйскому тракту, имели облик непривычный для сибирских капиталистов. Они были владельцами библиотек, музейных собраний восточных

* **Наталья Юрьевна Колокольцева**, канд. ист. наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: m_kolokolcev@mail.ru.

редкостей, нередко они писали корреспонденции о своих путевых впечатлениях в газеты, оставили ценные записки, воспоминания и дневники.

Например, мещанин из Ирбита А.Д. Васенев приехал в Монголию в 14 лет как служащий бийского купца И.П. Котельникова и открыл в 1882 собственное дело в монгольском городе Улясутае. В 1896 стал купцом 2-й гильдии и в 1904 совместно с бийскими купцами Г.Г. Бодуновым и П.А. Копыловым основал торговый дом «Русско-монгольское товарищество». Обороты его торговли составляли около 300 тыс. руб.

Возглавляя торговую экспедицию во Внутренний Китай, он вёл путевые записки, где отмечал названия встречавшихся на пути населенных пунктов, расстояние между ними и другие различные сведения. Этот дневник общественный деятель, исследователь и путешественник Г. Н. Потанин впоследствии опубликовал в своих «Очерках северо-западной Монголии».

А.Д. Васенев приобретал для ученых-востоковедов Г.Н. Потанина, М.В. Певцова, А.М. Позднеева, Д.А. Клеменца, У. Рокхилла китайские и монгольские документы, предметы быта, оказывал помощь в организации научных экспедиций. В 1910 совместно с бийскими купцами Н.И. Ассановым и Г. Г. Бодуновым финансировал торгово-экономическую экспедицию в Монголию профессоров Томского университета М.И. Боголепова и М.Н. Соболева. А.Д. Васенев опубликовал дневники и статьи, посвященных географии, истории и экономике Монголии и Китая. Имел хорошую библиотеку с собранием китайских и монгольских книг и рукописей. Он считал, что русские торговцы за границей должны распространять русскую культуру.

Однако были и другие предприниматели. Имея опыт торговли с сибирскими инородцами, они переносили его на коренных жителей Монголии. Составляя в короткий срок значительные капиталы, они разоряли население. Лозунг купцов первоначального накопления был прост: «На наш век хватит». В Монголии русские купцы попадали в условия, которые не могли сдержать их страсти к накоплению. Консульский надзор был минимален, местные китайские власти за взятки смотрели сквозь пальцы на дела подданных «Белого царя».

Однако и в Монголии не все сходило с рук русским купцам. В 1878 г, томскому губернатору было доложено о жалобах маньчжурских чиновников на русских купцов. В 1882 г. «за неблаговидные поступки» из Монголии были высланы торговавшие в Кобдо Кузнецов, Палкин и Молчанов. При простоте нравов того времени нужно было устроить выдающийся скандал, чтобы он вызвал дипломатический резонанс.

Культурный уровень таких купцов, торговавших в Монголии, был невысоким. Профессора Томского университета М.И. Боголепов и М.Н. Соболев, исследовавшие русско-монгольскую торговлю, писали об этом: «Почти никто из них не выписывал ни газет, ни книг, даже специальных коммерческих ... Все ограничивалось интересами наживы, возможно большей и скорейшей». И.М.

Майский также вспоминал, что духовный облик русских торговцев-колонистов в Монголии был, как правило, неприглядным.

Уровень образования среди них был низким. Возникали трудности при назначении на должность купеческого старшины в Кобдо и Улясутае. Русский консул в Урге по этому поводу писал: «Среди торговцев, ведущих свои дела, невозможно найти настолько развитого и сколько-нибудь образованного человека, которому можно было бы вверить отношения с местными властями и поручить надзор за торговлею». Однако торговым старшиной русской колонии в Улясутае в 1894-1903 стал А.Д. Васенев.

Купеческое сословие пополнялось выходцами из различных слоёв. Биографии купцов воплощали в себе мечту о прекрасном будущем, когда простой человек из крестьян, ямщиков, мещан становился одним из состоятельных людей города. Е.Н. Кухтерин вышел из семьи потомственных ямщиков, в 1860-е гг. с семьёй переехал в Томск, который являлся перевалочным пунктом по пути следования товаров из Восточной Сибири в Европейскую Россию. Сосредоточив в своих руках основной грузопоток, Кухтерин становится гильдейским купцом. О Е.Н. Кухтерине говорили, что деятельность свою он начал как грабитель обозов на тракте, а достигнув богатства и могущества, отличался пьянками, скандальными похождениями и самодурством.

А. Старовер в «Мелочах иркутской купеческой старины» писал: «Про двух купцов Дмитрия Гагарина и Василия Казарина существовала даже своего рода поговорка: «нет выше плутов как Митька Гагарин да Васька Казарин». Раз Гагарин в Нижегородской ярмарке набрал в кредит товару на очень крупную сумму. Товар упакован и отправлен в Иркутск по «сибирке», но векселя Гагарин ещё не подписал. В один прекрасный день он скрылся из Нижнего Новгорода. Кредиторы долго ждали его расписки и решили навести справки в Иркутске... На запрос кредиторов Гагарин ответил, что иркутский 1-й гильдии купец Дмитрий Гагарин волею Божью скончался тогда то, что дело его ликвидировано, а вырученные суммы пошли целиком на уплату долгов» [2, с. 212].

Такое поведение было характерно и для более состоятельных купцов: «Купец Василий Александрович Останин в Иркутске пользовался большой популярностью. Про него говорили, что это «умная голова, умеет нажить деньги и обывателя не прижимает». Рассказывают, что он как-то на Нижегородской ярмарке купил разных товаров на миллион рублей. Когда зашла речь об оплате за купленный товар, то Останин заявил, что свободных денег у него теперь нет и попросил в кредит [2, с. 212-213].

Облик сибирского купечества был неоднозначным. Купцы занимались исследованиями и помогали организовывать научные экспедиции. Однако период первоначального капитала и различное происхождение купцов определяли поведение предпринимателей.

Библиографический список

1. Русская философия собственности (XVIII – XX). – СПб., 1993.
2. Старовер, А. Мелочи иркутской купеческой старины // Сибирский архив. – 1913. – № 4.

Т. Ф. Кряклина / Т. F. Kryaklina*

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ АЛТАЙСКОГО
КРАЯ: ОРГАНИЗАЦИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(NATIONAL AND CULTURAL ASSOCIATIONS IN ALTAI KRAI:
ORGANIZATION AND DIRECTIONS OF ACTIVITY)**

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы организации и основные направления деятельности национально-культурных объединений в Алтайском крае. Будучи полиэтничным по составу населения, Алтайский край создает все необходимые условия для реализации федеральных законов и программ, направленных на удовлетворение национально-культурных запросов представителей различных этносов, проживающих здесь. Большую работу в этом плане проводят национально-культурные объединения, которых в крае к началу 2019 г. зарегистрировано 55.

Ключевые слова: этнос, национально-культурные объединения, малочисленные народы, национально-культурная автономия, культурное самоопределение, Российская Федерация.

Abstract. In article problems of the organization and the main activities of national and cultural associations in Altai Krai are considered. Being multiethnic on the structure of the population, Altai Krai creates all necessary conditions for implementation of the federal laws and programs sent satisfaction of national cultural requirements of representatives of various ethnoses living here. A lot of work in this plan is carried out by national and cultural associations which in the region by the beginning of 2019 55 are registered.

Keywords: ethnos, national and cultural associations, small people, national and cultural autonomy, cultural self-determination, Russian Federation.

По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. на территории Алтайского края проживают представители 140 этносов. В соответствии с Конституцией РФ национальная принадлежность граждан указывалась на основе их самоопределения. Самыми многочисленными этносами, представленными на территории края, по данным переписи, были русские – 2 234 324 чел., немцы - 50 701 чел., украинцы – 32 226 чел., казахи – 7979 чел., армяне – 7640 чел. Всего одним человеком представлены такие этносы, как: андийцы, мегрелы, орочи, саамы, кряшены, тофалары, турки-месхетинцы, хорваты, чуванцы, албанцы, нигерийцы,

* Тамара Федоровна Кряклина, д-р филос. наук, проф., помощник депутата АКЗС (Барнаул, Россия).

эфиопы. На территории края также проживают 19 челканев, 47 гагаузов, 36 танышей, 5 абазов [1].

В связи с полиэтническим составом населения в крае создаются национально-культурные объединения, реализующие права этносов, предоставляемые им федеральным законом «О национально-культурной автономии», принятом в 1996 г. [2] К 2019 г. численность зарегистрированных национально-культурных объединений достигла 55. В работе этих объединений участвуют представители 20 этносов, проживающих на территории края. Наиболее развита сеть национально-культурных объединений (НКО) у немцев - 11, казахов - 6, коренных народов Севера – 5 (кумандинские организации), татар - 4, азербайджанцев – 3. В крае по 2 НКО есть у армян, поляков, белорусов, таджиков, украинцев, по одной - у чеченцев, литовцев, евреев, киргизов, узбеков, алтайцев, мордвы, марийцев, китайцев, осетин. В крае также действует одна ассоциация национально-культурных объединений. Организационные формы национальных объединений самые различные: общества, ассоциации, центры, автономии, фонды и т.п. К началу 2019 г. из действующих 55 национально-культурных общественных объединений 38 имеют региональный статус, 17 - местный. Из них три имеют статус региональной национально-культурной автономии (казахи, немцы, татары), 17 – местной [3].

Координирует деятельность объединений Совет по взаимодействию с национальными общественными объединениями по вопросам реализации государственной национальной политики в Алтайском крае. Политика, которая официально закреплена в ряде документов, принятых в России: в федеральных законах «Об общественных объединениях» (1995), «О национально-культурной автономии» (1996); Указе Президента РФ от 7 мая 2012 № 602 «Об обеспечении межнационального согласия», «Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года (утверждена 19 декабря 2012 г. № 1666), Указе Президента РФ «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» (издан 23 июня 2014 г.) и др. Перечень этих документов показывает, как неправы американские исследователи, в частности Питер Ратленд, утверждающий, что в РФ нет национальной и этнической политики [4]. Один из его весомых аргументов – развал Советского Союза под натиском национализма и этницизма. Однако, по мнению другого американского исследователя С. Хантингтона, аналогичная угроза может ожидать и Соединенные Штаты Америки. Поскольку, по его мнению, «общим между Советским Союзом и Соединенными Штатами было то, что оба они не национальные государства в классическом смысле этого слова. Оба государства определяли себя в терминах политической идеологии». И далее пишет: «С падением либеральной демократии Соединенные Штаты присоединятся к Советскому Союзу на пепелище истории. Повсеместный триумф демократии может сделать эту пугающую возможность более реальной, поскольку Соединенные Штаты всегда определяли

свою сущность как противопоставление чему-либо... Всегда имелся враг, который позволял нам формировать общность» [5, с. 22]. Образно эту мысль выразил американский писатель Джон Апдайк в своем романе «Кролик, беги» словами главного героя кролика-философа Энгстрема: «Если нет холодной войны, какой смысл быть американцем?».

Деятельность вышеназванного Координационного Совета связана с выработкой согласованных действий органов государственной власти, местного самоуправления и этнокультурных объединений, направленных на удовлетворение культурных, образовательных, информационных и иных потребностей представителей различных этносов; разработкой и представлением в соответствующие органы исполнительной власти, местного самоуправления, негосударственные учреждения и организации предложений о сохранении и развитии этнической самобытности, развитии национального (родного) языка, национальной культуры.

Логика совместной деятельности национально-культурных объединений приводит к консолидации народов, выстраиванию гармоничности межкультурных отношений. Это подтверждает и содержание мероприятий, проводимых национально-культурными объединениями. Их ежегодный план, формируемый на основе предложений общественных объединений, органов государственной власти и местного самоуправления, включает в себя более 100 названий. Это и традиционные национальные праздники, выставки традиционных предметов быта и материальной культуры, дни национальной кухни и т.д. Большую роль в их организации и проведении играют краевые национально-культурные объединения: Центр татарской культуры, Общество литовской культуры, Центр культуры Азербайджана, Центр башкирской культуры «Курай», Союз армян Алтайского края, местная еврейская национально-культурная автономия, а также региональные общественные организации: Общественный культурный центр Востока, Центр национальной культуры «Вайнах» и др.

Региональные СМИ постоянно рассказывают о деятельности национально-культурных объединений, работе культурных центров представителей различных национальностей, участвуют в освещении крупных краевых мероприятий, проводимых с целью развития в обществе толерантности к различным народам и вероисповеданиям. Традиционно электронные и печатные СМИ широко рассказывают о праздновании Дня России. Сегодня в регионе зарегистрировано более 360 средств массовой информации [6, с. 6]. Есть среди них и такие, которые ведут постоянную рубрику, посвященную межнациональным отношениям, в частности газета «Neue zeit / Новое время» Немецкого национального района. С момента своего создания газета стремится сохранить двуязычие и интерес к новостям, касающимся немецкого этноса. Редакция газеты «Змеиногорский вестник» реализует социальный проект «Земляки: мы разные, но мы вместе». Материалы, посвященные межнациональной тематике, регулярно появляются на страницах краевой газеты «Алтайская правда».

На состоявшемся «круглом столе» в 2018 г., посвященном Дню России, было решено создать электронный портал «Алтай многонациональный». Он проектируется как интерактивная площадка представителей этносов, проживающих в Алтайском крае. Интернет-ресурс рассматривается как своеобразный справочник для сотрудников средств массовой информации, в котором содержатся основные данные о национально-культурных объединениях края.

Большую роль в развитии национально-культурных объединений сыграла долгосрочная программа «Государственная поддержка общественных инициатив и социально ориентированных некоммерческих организаций в Алтайском крае», реализованная в 2011 – 2013 гг. Она обеспечила не только грантовую поддержку этнокультурным объединениям, но и предоставила прямые субсидии для их уставной деятельности, компенсацию затрат на проведение и участие в мероприятиях этнокультурного характера, издательскую деятельность, популяризирующую национальные культуры народов России. Благодаря реализации в 2012 – 2014 гг. целевой программы «Сохранение и развитие традиционной народной культуры Алтайского края» в семи районах края созданы и получили поддержку центры традиционной народной культуры: украинской культуры в Романовском районе, мордовской культуры – в Залесовском районе, русской культуры – в Солонешенском и Троицких районах, кумандинской культуры в Красногорском, традиционной казахской культуры – в Бурлинском районе, традиционной старообрядческой культуры – в Третьяковском районе. В рамках реализации целевой программы «Противодействие экстремизму в Алтайском крае» в 2011 – 2014 гг. был проведен цикл мероприятий по противодействию экстремизму, профилактике толерантности и гармонизации межэтнических отношений, обеспеченной информационной и методической поддержкой. К средствам обеспечения гармонизации межнациональных отношений относят и комплекс мероприятий, направленных на стимулирование гражданской активности и ответственности молодежи, формирование толерантного сознания, профилактики ксенофобии, национальной и религиозной нетерпимости; социальные ролики, формирующие у молодежи вышеназванные качества, размещены на официальном сайте Главного управления образованием и молодежной политики Алтайского края «Алтай молодой» (<http://altaimolodoi.ru/>). Активно используются и ресурсы официального канала «Катунь 24», информационного портала НКО Алтайского края.

Интересен в этом отношении опыт работы Российско-немецкого дома, который был создан 8 января 1998 г. постановлением губернатора Алтайского края. Российско-немецкий дом располагается в здании бывшей усадьбы барнаульского купца И.И. Полякова – активного мецената, который выделял немалые средства на строительство в городе новых начальных школ. Он является региональным центром немецкой культуры, в районах и городах края действует 41 местный центр. В числе задач, которые решает Российско-немецкий дом и центры немецкой культуры:

- возрождение, сохранение и развитие немецкой культуры, национальной самобытности, обычаев и традиций российских немцев;
- популяризация немецкого языка, удовлетворение образовательных потребностей российских немцев;
- удовлетворение культурных запросов и духовных потребностей российских немцев;
- создание и укрепление культурных, промышленных, торговых и иных связей с Федеративной Республикой Германией, находящимися на ее территории гражданами, предприятиями, учреждениями и организациями.

Основные средства решения этих задач: ежегодное проведение культурно-массовых мероприятий, почитание памятных дат, традиционных немецких праздников (Рождество, Пасха, День Урожая, день Матери), российских календарных дат, дней немецкой культуры, памяти и скорби российских немцев; дня толерантности; постановки концертных программ; открытие музыкальных и практических салонов; демонстрация художественных фильмов; проведение дней открытых дверей; выставок и т.д.

В целях создания благоприятных условий для максимального участия лиц разных возрастных и социальных групп российских немцев в развитии немецкого языка и культуры, национальных и религиозных традиций в Алтайском краевом Российско-Немецком Доме действуют различные клубные формирования и ансамбли: детский клуб «Libelle» (6 – 12 лет), подростково-молодежный клуб «ИМКА – Vineta» (14 – 24 года), молодежный клуб «Perspektiv» (17 – 24 года), молодежный клуб «Jung und Deutsch» (от 15 лет), женский клуб «DreiK», вокально-хореографический ансамбль «Лорелей». Большое внимание в АКРНД уделяется социальной работе с реабилитированными трудармейцами и людьми преклонного возраста. Им предоставляются бесплатные юридические консультации. Для них создаются проекты по оказанию разнообразной помощи и участию в культурно-досуговых мероприятиях.

Таким образом, проведенный анализ показал, что национально-культурные объединения являются важным социальным институтом, обеспечивающим реализацию этнокультурных запросов представителей различных этносов, проживающих на территории Алтайского края. Удовлетворяя эти запросы, национально-культурные объединения способствуют бесконфликтному развитию региона, формированию добрососедских отношений, сотрудничеству и уважительному отношению к людям иной национальности и иной культуры.

Научной новизной исследования является включение современного конкретного этносоциологического материала, характеризующего деятельность национально-культурных объединений в Алтайском крае и подтверждающего наличие российской государственной национальной политики, реализуемой в регионах РФ.

Библиографический список

1. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 28.01.2019).
2. О национально-культурной автономии: федеральный закон от 17.06.1996 г. № 74 – ФЗ (ред. от 02.07.2013 № 185 – ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 1996. - № 25. – Ст. 2965.
3. Национально-культурные объединения Алтайского края [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.altaregion22.ru/gov/administration/isp/kompart/gosudarstvennaya-natsionalnaya-politika/Natsionalno-kulturnye-obedineniia-kraia/> (дата обращения: 05.02.2019).
4. Ратленд, П. Присутствие отсутствия: об этнической политике в России / П. Ратленд // Полис. – 2011. - № 2. – С. 172 – 189.
5. Хантингтон, С. Неуправляемость демократии / С. Хантингтон // Демократия 90-х. Специальный выпуск журнала «Глобальные проблемы переходного периода. – 1993. - № 6.
6. Ливер, У. Карта народов и общий дом / К. Ливер // Алтайская правда. – 2018, 15 июня.

С. А. Мальченков / S. A. Malchenkov*
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**
(CIVILIZATION ASPECTS OF NATION-BUILDING IN MODERN RUSSIA)

Аннотация. В статье исследуется влияние цивилизационных факторов на процесс нациестроительства в современной России. На основе анализа трудов различных учёных автор приходит к выводу о преобладании подхода, согласно которому российское нациестроительство на текущий момент напрямую связано с поиском «особого пути» развития отечественной цивилизации.

Ключевые слова: нация, нациестроительство, национальные интересы, цивилизация, цивилизационный выбор.

Abstract. The article examines the influence of civilization factors on the process of nation-building in modern Russia. Based on the analysis of the works of various scientists, the author comes to the conclusion of prevailing of the approach, according to which the Russian nation-building is currently directly related to the search for a “special path” of the development of the national civilization.

Keywords: nation, nation-building, national interests, civilization, civilizational choice.

Категория «нациестроительство» довольно распространена в современной науке, однако до сих пор не имеет однозначного толкования. Достаточно сказать, что в различных работах под этим термином понимаются совершенно противоположные явления. Так, Р.Г. Абдулатипов и его последователи с 1990-х годов отстаивают точку зрения о том, что нациестроительство подразумевает укрепление и развитие отдельных этносов, населяющих многонациональное государство [1]. В тот же период начинает развиваться и противоположный подход, предложенный В.А. Тишковым, согласно которому нациестроительство – это процесс объединения всего населения страны в единую гражданскую нацию [9, с. 6]. Подобное понимание преобладает в научном и общественно-политическом дискурсе последних лет.

Не менее сложным остается в науке вопрос о том, каковы принципиальные основы механизма нациестроительства. Ряд авторов сопоставляет этот процесс с формированием социокультурных основ того или иного общества. В этом случае

* **Станислав Александрович Мальченков**, канд. ист. наук, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (Саранск, Россия). E-mail: stamal@yandex.ru.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Пространственное развитие России как фактор нациестроительства и формирования национальной идеи» № 18-011-00364 А.

логично применять цивилизационный подход, который, в отличие от формационного, не предполагает одномерности и предопределенности. Путь цивилизации рассматривается современными учеными как извилистая тропа, полная альтернатив и противоречий, вынуждающая государства и нации раз за разом совершать судьбоносный для себя выбор. Именно в этих условиях формируются ценности, объединяющие нацию. На наш взгляд, эти положения находят подтверждение на примере современной России.

Данная проблематика нашла отражение в работах философа Ю.Д. Гранина. Он полагает, что в настоящее время россиянам непросто будет создать уникальную модель модернизации на собственной цивилизационной основе. Обращаясь к отечественной истории, он отмечает, что подобные попытки уже приводили к тому, что наша страна несколько раз полностью потеряла свою цивилизационную идентичность. По мнению ученого, в начале XXI века наиболее значимый вызов для России исходит со стороны Запада. Причем речь идет не столько о его попытках «колонизировать» нашу страну, сколько о навязывании всему миру своего образа «модернити», сводящегося к вестернизации. Автор считает, что на протяжении всей своей истории Россия всегда придерживалась идеи догоняющего развития, но никогда (в том числе, и в годы правления Петра I) не стремилась «раствориться» в западной цивилизации [2, с. 16].

При этом, по словам Гранина, культура России не смогла, подобно, например, японской, приобрести «кентаврические» черты, объединив в себе западные и национальные особенности. Напротив, большинство «евроатлантических ценностей и институтов в массовом сознании остаются чем-то необязательным и условным» [3, с. 78]. В результате консенсус по поводу путей дальнейшего развития отсутствует не только в обществе, но и в правящей элите. Очевидно, что преодоление этого раскола будет важным условием консолидации общества на пути к построению гражданской нации.

Интересна позиция математика и эколога Н.Н. Моисеева. Он полагал, что не только западники, но и славянофилы были по своей сути «европейцами», поскольку обе стороны стремились найти для России нишу в уже сложившемся мире. По мнению ученого, глубоко ошибочна позиция, представляющая нашу страну не соседом и равноправным партнером Запада, а составным элементом единой цивилизационной общности. На его взгляд, история России дала убедительные доказательства того, что «протестантская этика», позволившая добиться взлета Европы и Америки, на отечественной почве не приживается.

Моисеев относил себя к числу неоевразийцев, однако подчеркивал, что не согласен с классическим пониманием термина в духе 1920-х годов. По его словам, если Россия – не Европа, то «уж тем более не Азия». Ученому гораздо ближе точка зрения А. Тойнби, который рассматривал нашу страну как отдельную цивилизацию – «особый мир со своими специфическими интересами и свойственной этому миру внутренней логикой развития» [8, с. 7]. Моисеев отмечал,

что Россия, занимающая всю северную часть евразийского суперконтинента, обладает собственным Западом и собственным Востоком.

В трудах ученого часто встречается образ России как «моста», соединяющего два океана, а также два главных экономических центра мира – Западную Европу и АТР. Он полагает, что укрепление этого моста – важнейший цивилизационный приоритет нашей страны, воплощение которого необходимо всей планете. Тем не менее, решение этой задачи не кажется Моисееву гарантированным: слишком много угроз продолжают бросать вызов России. Главной из них он считает тот факт, что русские после распада СССР фактически оказались разделенной нацией, четверть которой проживает за рубежом. Именно воссоединение русскоязычного населения должно, по мнению автора, стать ключевым условием нациестроительства.

Политолог С.В. Картунов считал национальные интересы России уникальными и специфическими по той причине, что «они формировались на гетерогенной этнической основе как синтетическое выражение потребностей и устремлений многочисленных этносов, населявших обширное евразийское пространство, выполнявшее одновременно функции барьера и моста между Европой и Азией» [7, с. 26].

Картунов полагал, что Россия и в XXI веке должна претендовать на статус империи. Впрочем, речь идет не о западном понимании этого термина, основанном на империализме и колониализме, а о едином государстве, несущем цивилизаторскую миссию. Именно поэтому, по мнению автора, «имперская идея сегодня – это формирование российской нации как сообщества всех проживающих на территории России» [7, с. 465]. Интересно, что Картунов еще в начале XXI века видел перспективу концепции «собирания русских земель», которая приобрела большую популярность в 2014 году в связи с присоединением Крыма. Он считает, что нынешние границы России – случайны и юридически необоснованны. Автор полагает, что национальной идеей России в XXI веке должно стать восстановление ее территории в границах суперэтноса: речь шла не только о решении проблемы Крыма, но и о Северном Казахстане, Приднестровье, Абхазии, Осетии и Карабахе. Ученый отмечал, что основным механизмом такого расширения сфер влияния должны стать референдумы, проводимые под эгидой международного сообщества. Впрочем, С.В. Картунов не сомневается, что такая активность встретит значительное сопротивление со стороны Запада, который «на исторически не любит» и будет всячески пытаться помешать появлению сильного игрока, занимающего «осевой регион» мировой политики.

С точки зрения философа Н.Г. Козина, в XX веке Россия, как никакая другая страна, доказала верность положения о том, что логику всемирной истории составляют не только формационные, но и цивилизационные закономерности. По его словам, наша страна «буквально выстрадала» необходимость понять собственную культурную сущность и обрести основы своего исторического бытия, без которых невозможно национальное возрождение. Козин формулирует цивили-

лизационную сущность России следующим образом: «это огромный, целостный и уникальный мир со своим генетическим кодом истории, системой архетипов социальности, культуры, духовности, особым способом их проживания в истории и самой истории, со своим типом бытия и развития» [5, с. 523].

Называя Россию одной из самых молодых цивилизаций современного мира, Козин, тем не менее, не может гарантировать, что ее независимость будет в дальнейшем сохранена. Главной угрозой автор считает идеологию национального «нигилизма, беспамятства и самоотрицания», которая стремится навязать России «бегство от основ локальности своей цивилизации, от архетипов русско-российской социальности, культуры, духовности» [4, с. 213]. К числу подобных «нигилистов» Козин относит и фашистов, и коммунистов, и либералов. По мнению автора, любой «цивилизационный переворот» неизбежно разрушит основы единства России и самого ее бытия. В конечном итоге насаждение чуждых вне-российских архетипов развития непременно приведет нашу страну к кризису цивилизационной и национальной идентичности. А оказавшись в подобном положении, Россия полностью утратит свою «вестибулярную систему» и запутается «в понимании элементарного, без чего не может существовать ни одно общество – себя как нации, своей истории, своего места в мире, природы своих базовых национальных интересов» [4, с. 238].

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что большинство современных ученых и политиков сходятся во мнении о том, что цивилизационный выбор России оказывает существенное влияние на продолжающиеся в нашей стране процессы нациестроительства. Упомянутые выше авторы сходятся во мнении о том, что уникальные черты отечественной цивилизации позволяют ей копировать западный или восточный путь.

Следует отметить, что цивилизационная составляющая нациестроительства нашла отражение не только в научных и публицистических трудах, но и в официальных государственных документах. В частности, в Концепции внешней политики РФ 2016 года содержится ключевое положение о том, что Россия «как многонациональное и многоконфессиональное государство, имеющее многовековой опыт гармоничного сосуществования различных народов, этнических групп и вероисповеданий, способствует развитию диалога и формированию партнерства между культурами, религиями и цивилизациями», а также «противодействует экстремизму, радикализации общественных настроений, нетерпимости, дискриминации и разделению по расовому, этническому, конфессиональному, лингвистическому, культурному и иным признакам» [6]. Такое понимание роли страны в целом созвучно идее «особого пути развития», которое популярно в работах многих мыслителей, начиная со славянофилов XIX века.

Библиографический список

1. Абдулатипов, Р. Г. Нации на распутье: опасные заблуждения оракулов национализма // Национальная политика России: история и современность. – М.: Русский мир, 1997. – С. 561-576.
2. Гранин, Ю. Д. Модернизация России: итоги и перспективы // Вестник электронных и печатных СМИ. – 2014. - № 17. – С. 5-26.
3. Гранин, Ю. Д. Сохранятся ли «национальные государства» в XXI веке? // Свободная мысль. – 2015. - № 2. – С. 65-80.
4. Козин, Н. Г. Постижение России. Опыт историософского анализа. – М.: Алгоритм, 2002. – 254 с.
5. Козин, Н. Г. Россия. Что это? В поисках идентификационных сущностей. – М., 2012. – 528 с.
6. Концепция внешней политики Российской Федерации: утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 17.02. 2019).
7. КОРТУНОВ, С. В. Становление политики безопасности: формирование политики национальной безопасности России в контексте проблем глобализации. – М.: Наука, 2003. – 307 с.
8. Моисеев, Н. Н. Российское самостояние // Татарский мир. – 2002. – № 8.
9. Тишков, В. А. Россия как национальное государство // Независимая газета. – 1994. – 26 января.

А. Т. Сабилов / A. T. Sabirov*

**УСТНАЯ ИСТОРИЯ В ИЗУЧЕНИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО
ПРОСТРАНСТВА. ОПЫТ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
(ORAL HISTORY IN THE STUDY OF SOCIOCULTURAL SPACE. CENTRAL
ASIAN EXPERIENCE)**

Аннотация. Статья характеризует развитие такого направления современных исторических исследований, как устная история в изучении социокультурного пространства. Автор показывает значимость использования устных исторических источников, выявляет специфику данных материалов в центральноазиатском регионе.

Ключевые слова: Устная история, социум, микроистория, антропология, интервью, респондент, беседа, воспоминания.

Abstract. The article characterizes the development of such direction of modern historical research as oral history. The author shows the importance of the use of oral historical sources, reveals the specifics of these materials in the Central Asian region.

Keywords: Oral history, society, microhistory, anthropology, interview, Respondent, conversation, memories.

Перед тем как взглянуть на опыт устной истории в изучении социокультурного пространства Центральной Азии, следует отметить, что в развитие этого нового направления гуманитарных исследований в нашем регионе, есть большой вклад российской научной школы устной истории.

В российской гуманитарной науке такой путь получения исторической информации был традиционно привычен больше для этнографов, чем для историков. Об этом свидетельствуют “своды данных этнографических материалов” архива князя В. Тенишева: информаторы, созданного князем в 1890-х годах этнографического бюро, опрашивали десятки людей в разных губерниях России и затем скрупулезно систематизировали поступившие записи “об образе жизни русского народа” [1].

В 1931 г. появился любопытный проект “История фабрик и заводов” – в том числе на основании записей и устных воспоминаний [2, с. 590-591].

После войны 1941-45 годов активным сбором устных источников занимались отдельные энтузиасты, как например, доцент филологического факультета МГУ В. Д. Дувакин, по чьей инициативе на кафедре научной информации фило-

* **Алишер Турсунович Сабилов**, канд. ист. наук, доц., Ташкентский государственный педагогический университет им. Низами (Ташкент, Узбекистан). E-mail: al_sobir@inbox.ru.

логического факультета МГУ, в 1967 г. была создана группа фонодокументации [3].

В 1990-е годы устная история превратилась в одно из перспективных направлений современной исторической науки России.

Во второй половине 1990-х – середине 2000-х гг. появились первые российские диссертации и учебно-методические труды Д.Н. Хубовой, М.В. Лоскутовой, М. Мокровой, Е. Лейбовой, Т.К. Щегловой¹. Они были сориентированы главным образом не на теоретико-методологическое осмысление проблем становления нового научного направления в России, а на обеспечение практических потребностей людей, овладевающих технологиями сбора, фиксирования, хранения, расшифровки и анализа устно-исторической информации.

В странах Центральной Азии, потребность в документировании истории недавних революций и стремительных социально-политических перемен привела к ренессансу устной истории.

Например, в Афганистане любопытным представляется проект устной истории, целью которого было собрать и записать истории учителей во времена гражданской войны. Свидетельства преподавателей не только вызвали широкий общественный резонанс, но и привели к серьезным политическим дебатам в Афганистане по поводу новых учебников истории, в которых фактически пропущены последние тридцать лет афганской истории.

В Турции университеты вводят и расширяют программы устной истории в ответ на растущий спрос со стороны студентов и исследователей.

Устная история в Турции возникла после 1980-х годов, когда приватизированные СМИ, новая общественная среда, повторное открытие истории, а также личное, семейное и коллективное самосознание турок, сформировали условия для появления и роста интереса к устной истории.

В Кыргызстане и Таджикистане Академия ОБСЕ провела два исследования по направлению "Устная История" - это "Устная история Независимого Кыргызстана", отражающее состояние населения и элиты страны в переходный период 1980-1990 годов, и "Устная история независимого Таджикистана", сфокусированное на гражданской войне 1992-1997 гг.

На мой взгляд, кыргызские коллеги, в рамках вышеуказанного проекта реализовали очень интересное исследование. Это проект «История Кыргызстана глазами очевидцев (начало 20 века)» [4]. Работа имела в основе, отличающийся от многих других работ принцип: обобщить, как можно большее количество

¹ См.: Хубова Д. Н. Устная история и архивы: зарубежные концепции и опыт. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва, 1992; Она же. Устная история: «Verba volant...»? : метод. пособие. М., 1997; Лоскутова М.В. Устная история: метод. рекомендации по проведению исследования. СПб., 2002; Мокрова М. Устная история науки: от историографических традиций к комплексному источниковедению. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва, 2004; Лейбова Е. Методика обучения старшеклассников приемам работы с устными историческими источниками: на примере курса истории России XX-XXI вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Новосибирск, 2006.

конкретных сведений, полученных от свидетелей и очевидцев определенных событий и сравнить все это с той информацией, которая появлялась в газетах и учебниках соответствующего периода. Рассказы очевидцев, их потомков и знакомых дополнялись официальными документами, статьями в печати того времени, материалами учебников.

При этом, в таджикской и кыргызской гуманитарной науке устная история неплохо представлена развитием нового типа исторических исследований под названием «устная женская история», так как в регионе «историческая» деятельность женщин во все времена была «в тени» и не имела отражения в официальной истории, создаваемой мужчинами, которую на текущем этапе необходимо восполнить и реконструировать.

В данном аспекте, можно отметить проект в Таджикистане с целью задокументировать истории таджикских женщин о пережитом ими во время гражданской войны 1990-х гг. К сожалению, эта работа не была до конца реализована – в основном из-за опасений местных организаций гражданского общества о том, что проект может нанести психологический ущерб женщинам-респондентам, заставив их вновь эмоционально пережить травму.

Однако, в процессе работы появились ряд исследований, например, Кабиловой и Н. Халимовой «Устные истории женщин Таджикистана», где гендер осмысливается применительно к исторической науке и народному песенному творчеству¹. Так же статья Наргис Халимовой «Война без документов (воспоминания женщин Таджикистана о гражданской войне 1992-1997 гг.)».

Здесь же можно отметить, работу Людмилы Мягкой «Устные истории пожилых русскоязычных женщин Таджикистана» [5, с. 129].

Через устные рассказы русских женщин о своей жизни и жизни своей семьи исследователь осуществляла историческую фиксацию времени «мира социализма» и «коммунизма», как идеологии, с позиции женщины в процессе её движения.

Примерами «женской устной истории» могут служить наработки Э. Араповой (г. Ош Кыргызстан) [6] и К. Мухамбетовой (Казахстан, Астана. Проект: «От феминистской эпистемологии к методам: специфика женских исследований»).

В своей работе казахская исследовательница дает обзор особенностей феминистски-ориентированного научного подхода, ставящего в центр анализа уникальный женский опыт. Показана особенность феминистской эпистемологии, понимаемой как вызов, альтернатива традиционному позитивистскому взгляду на процесс познания.

¹ См. Кабилова Б., Халимова Н. Устные истории женщин Таджикистана. Душанбе, 2003; Кабилова Б. Женские песни как устные истории // Современные проблемы тендерных исследований в Таджикистане. Душанбе, 2002; Мецгеркина Е. Качественные методы в гендерной социологии // Воспоминания женщин: устные истории переходного периода. Бишкек, 2001. С.272.

Интересный опыт устной истории, как опыт международной группы исследователей в Казахстане, «Афганская война 1979-1989 гг. глазами очевидцев (Oral history)»¹.

Это были результаты трехлетней работы международной группы исследователей из России, Казахстана, Таджикистана и Узбекистана.

Аналогичным проектом сотрудничества казахстанских, российских и среднеазиатских экспертов можно отметить работу над проектом «Депортация народов в Казахстан в 1930-1950 гг.: общность истории» [7].

Начальным опытом применения научного подхода устной истории, в Узбекистане можно считать исследования профессора Х. Зияева в конце 50-начале 60-х годов прошлого столетия, когда он лично собрал воспоминания у оставшихся в живых участников мощного национально-освободительного восстания 1916 г. против царской колониальной власти в Ферганской долине².

Активно практика сбора устных свидетельств стало использоваться с обретением Независимости Республики Узбекистан.

С целью институционализации работы по сбору и анализу устных воспоминаний Институтом истории Академии Наук Узбекистана в 2010-2011 гг. был реализован исследовательский проект «Устная история Узбекистана XX века как метод и источник исторического исследования»³.

Для более успешной реализации данной цели, была начата параллельная работа по совместному узбекско-российско-германскому проекту «Вызовы времени и устная история» (развитие в Узбекистане новой исследовательской практики oral history – «устная история»).

Проект охватывал исследования по изучению повседневной жизни советского периода Узбекистана (60-80-е годы XX века), в трех областях Ферганской долины, сельских регионах древних исторических центров узбеков Бухары и Самарканда, проблемный экологический регион страны Каракалпакию.

Работа фокусировалась на изучении социокультурной истории малых городов Узбекистана, чей уклад жизни постепенно исчезает в силу глобализации и миграции населения.

Любопытный пример универсальности метода устной истории, является применение устно-исторического инструментария в изучении архитектуры, как в

¹ Фильм находится на официальном сайте Исследовательского института «Общественное мнение». URL: http://www.opinions.kz/?page_id=259

² См.: Устная история восстания 1916 г. в Ферганской долине // Восстания 1916 г. в азиатской России: неизвестное об известном (коллективная монография) / (ред.Т. В. Котюкова). М.: Русский импульс, 2017. С. 481-485.

³ Например, в мае 2009 г. вышла в свет четвертая книга из данной серии "История и самосознание IV: региональная интеграция и история". В ней опубликованы материалы проектной недели, прошедшей в 2008 году в Узбекистане. Книга была опубликована при содействии шести немецких организаций: Представительством *dvv international*, Гёте-Институт Ташкент, Фондом им. Фридриха Эберта, Фондом им. Фридриха Науманна, Фондом им. Герды Хенкель и Германской Службой Академических Обменов (DAAD).

историческом, так и в практическом плане. Об этом свидетельствует совместный проект узбекских и немецких исследователей "Традиционная и современная архитектура узбекской махали через oral history". Он был направлен на выявление через методики устной истории историко-эстетических и архитектурных концепций в жизни узбекской махалли.

В выбранных махаллях Ташкента, были собраны устные рассказы жителей, информация фиксировалась в виде аудио-записей, фото и видео-документов. Беседы шли в соответствии с разработанными схемами и касались таких тем как: ощущение чувства общности, проведение досуга, форма проведения традиционных мероприятий, моно/полиэтничность, степень автономности семьи и индивидуума, новые постройки и их роль в махалле и другие.

Активно обсуждались вопросы специфики института, махалли, как традиционного общинного института, так и демократического самоуправления; традиций махали и их соответствие реалиям сегодняшнего дня.

Можно констатировать, что на сегодняшний день в регионе активно формируется сообщество устных историков, с определенными полевыми навыками и опытом аналитической работы.

Однако в центрально-азиатской истории сбор воспоминаний ведется очень фрагментарно, в то время как интересные исторические эпохи остаются вне поля зрения исследователей. Например, перед учеными, до сих пор остается малоизученным, как отразились ключевые события нашей истории на жизни людей, как воспринимали их сами жители, как трансформировались их культура, повседневный быт в периоды социальных потрясений, которыми изобилвала история Центральной Азии XX в.

Результат краткого научного обзора центральноазиатского опыта устной истории, приводит к следующим проблемам, который присутствует в региональном контексте oral history:

1. Выход за рамки национальных границ на глобальный уровень. В глобальном масштабе пока используется лишь малая часть потенциала устной истории. Существует широкое поле для новых совместных исследовательских проектов и научных обменов в этой области.

2. Разнообразные сферы применения устной истории. Методы устной истории применяются в самых разных сферах и целях: они могут подвергнуть сомнению (и скорректировать) выводы традиционного исторического анализа, и помочь поставить диагноз современным политическим проблемам. Хотя исследователи по-разному видят цели устной истории, в своей работе они используют схожие и взаимодополняемые методы.

3. Плюсы и минусы новых технологий. Прогресс в области новейших технологий, особенно в сфере информации и коммуникации, способствует распространению проектов по устной истории. Но он требует от исследователей и большей ответственности, особенно в методологическом плане, на стадии планирования проектов, в принятии непростых решений этического, а также техни-

ческого характера (например, по вопросам архивирования данных и доступа к ним).

Библиографический список

1. Пушкарева, Н. Л. Устная история и гендерная история. Сближение и перспективы развития // *Общественные науки и современность*. – 2012. – №1. – С. 168-169.
2. Зак, Л. М. История фабрик и заводов // *Советская историческая энциклопедия*. Т. 6. – М., 1965.
3. Научная библиотека МГУ им. М.В. Ломоносова. Подразделения библиотеки. Отдел устной истории [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.nbmggu.ru/search/fono.aspx?cat=FONO> (дата обращения: 15.02.2019).
4. Кокайсл, П., Усманов, А. История Кыргызстана глазами очевидцев (начало 20 века). – Praha : Nostalgie, 2012. – 280 с.
5. Мягкая, Л. Жизнь как судьба, или Устные истории пожилых русскоязычных женщин Таджикистана. – Душанбе: Ифрон, 2003.
6. Невозможное возможно. Женские устные истории. – Бишкек, 2005.
7. Депортация народов в Казахстан в 1930-1950 гг.: общность истории» (*интервью с пострадавшими от депортаций в 1930-50 годы в Казахстане*) // под общ ред.: Б. Ракишевой. – Астана, 2013.

И. Г. Федин / I. G. Fedin*

**ИНТЕГРИРУЮЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРАВОВОГО КОНЦЕПТА РУССКОГО
МИРА «СОВЕСТЬ» ПРИ ЕГО РАЗВИТИИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИИ И СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
(THE INTEGRATING MEANING OF RUSSIAN WORLD'S LEGAL CONCEPT
"CONSCIENCE" IN ITS DEVELOPMENT IN RUSSIA'S AND CENTRAL
ASIA'S LEGAL ACTIVITY)**

Аннотация. В статье рассматривается такой правовой концепт Русского мира как «совесть». Автор анализирует вытекающие из этой категории понятия, используемые в законодательстве России и стран Центральной Азии. В работе обосновывается уникальность концепта «совесть» для правовой культуры Русского мира и необходимость его разработки в указанных регионах с целью организации законодательства на идентичных началах.

Ключевые слова: правовые концепты, идеи права, принципы права, совесть, добросовестность, русская правовая культура, правовая культура Русского мира.

Abstract. In the article such legal concept of the Russian world as "conscience" is considered. The author analyzes the concepts following from this category used in the legislation of Russia and the countries of Central Asia. The uniqueness of a concept "conscience" for the legal culture of the Russian world and need of its development for the specified regions for the purpose of the organization of the legislation on the identical beginnings is proved in work.

Keywords: legal concepts, ideas of the right, principles of the right, conscience, conscientiousness, Russian legal culture, legal culture of the Russian world.

Русский мир традиционно рассматривается как культурно-историческая идея международного межгосударственного и межконтинентального сообщества, объединённого причастностью к России и приверженностью к русскому языку и культуре [12, с. 1-2].

Говоря об этническом составе Русского мира В.А. Тишков отметил, что Русский мир не ограничивается только этническими русскими. К Русскому миру по языку и демонстрируемой связи с Россией относятся представители других национальностей, включая даже часть представителей титульных национальностей, многие из которых никакого другого языка, кроме русского, не знали и желают связывать свою судьбу с Россией. [12, с. 8]. Таким образом, помимо России – являющейся ядром Русского мира, рассматриваемая культурно-историческая

* **Федин Илья Геннадьевич**, магистр юриспруденции, аспирант, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: fedinig@mail.ru.

идея находит свое проявление и в других близлежащих государствах, в том числе в странах Центральной Азии. Данный фактор, в конечном итоге, формирует широкое разнообразие этнического состава Русского мира.

Помимо этого, большинство государств Центральной Азии имеют с Россией длительные и общие культурные традиции, связанные с пребыванием в рамках единых политических образований, а именно Российской империи и Советского Союза. Важное значение имеет и то, что в четырех из семи государств Центральной Азии без учета России, русский язык продолжает оставаться пока еще вторым официальным или языком международного общения. В их число входят Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан.

Следовательно, в рамках взаимоотношений между Россией и странами Центральной Азии имеется благодатная почва, для усвоения указанным регионом концептов Русского мира, для целей укрепления взаимного сотрудничества соответствующих стран на одних философских, моральных, этических и эстетических и основах.

На фоне набирающего силы противостояния России, с западными государствами рассматриваемые вопросы, связанные с необходимостью интеграции Российской Федерации с государствами Центральной Азии приобретают дополнительную актуальность.

Исследуя факторы, положительно влияющие на консолидацию стран Центральной Азии и России, необходимо, прежде всего, рассматривать высокоморальные концепты Русского мира несущие в себе созидательные и стабилизирующие смыслы.

В качестве одного из таких системообразующих концептов Русского мира традиционно рассматривается категория русской правовой культуры «совесть». Так И.В. Кучерук, исследуя базовые концепты Русского мира, среди основных для русского менталитета фундаментальных составляющих, назвал «совесть» [3].

Л.С. Муфазалова характеризует рассматриваемый концепт следующим образом: «Важность концепта совесть для мировосприятия русских находит свое отражение в большом количестве пословиц и поговорок, передающих многовековые итоги осмысления народом понятия совести. Ценность пословиц о совести, причина их большой популярности объясняется глубоким содержанием, мудростью. Совесть в народном понимании – основополагающее в человеческом характере. В народном сознании совесть выступает в качестве важнейшей, основополагающей части человеческой души: Глаза – мера, душа – вера, совесть – порука. Тесные взаимосвязи концептов совесть – бог, совесть – долг, со-весть – разум, совесть – честь находят свое подтверждение в анализе ассоциативного поля слова совесть, репрезентирующего этот базовый для русской культуры концепт [4, с. 256-257].

Перечисленные позиции определяют, кроме прочего, также и правовые характеристики концепта «совесть», которые отчетливо проявляются в послови-

цах, как самом явном показателе укоренённости в народном быту определенным образом сложившихся правил поведения. В качестве примера можно привести следующие пословицы: «Хоть мошна пуста, да совесть чиста»; «Лучше на гривну убытку, чем на алтын стыда»; «Деньги потеряешь – можно нажить, а совесть потеряешь – беду узнаешь» [7]. Данные пословицы дают отчетливое представление о регулятивных и правовых свойствах концепта «совесть» в рамках регламентации им хозяйственных отношений.

На сегодняшний день концепт «совесть» продолжает оставаться для Русского мира ведущей правовой идеей. Подтверждением этому служит опубликованная в «Экспресс газете» предвыборная речь президента Российской Федерации В.В. Путина 2018-го года, который призывая народ сделать правильный выбор указал, что: «В России люди всегда выбирали свою судьбу сами согласно велению совести, руководствуясь чувством справедливости и любви к Отечеству [9]».

Примечательным является то, что концепт «совесть» легализован как в праве Российской Федерации, так и в праве стран Центральной Азии. Реже всего рассматриваемый концепт выражен в законодательных системах данных стран в виде понятия «совесть», но чаще всего в виде категории «добросовестность».

Российское законодательство показывает широкую палитру использования и развития категории «добросовестность» посредством различных методов юридической техники. Данное понятие употребляется в различном качестве, как в частном, так и в публичном праве. Так например, согласно «Основам государственной политики Российской Федерации в сфере правовой грамотности и правосознания граждан», определено, что положения этого документа направлены на формирование высокого уровня правовой культуры населения, традиции безусловного уважения к закону, правопорядку и суду, добропорядочности и добросовестности как преобладающей модели социального поведения, а также на преодоление правового нигилизма в обществе, который препятствует развитию России как современного цивилизованного государства» [6].

В странах же Центральной Азии, категории «совесть» и «добросовестность» в законодательстве находят не такое частое применение. К тому же, правовая сфера не уделяет достаточного внимания разработке данных концептов, хотя категория «добросовестность» встречает свое использование в базовых отраслях законодательства таких государств как Казахстан, Киргизия, Монголия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан.

При этом в литературе России и стран Центральной Азии «добросовестность», как основное понятие, основанное на совести, используемое в законодательстве этих стран, принято рассматривать исключительно как концепт, вытекающий из древнеримского «*bona fides*». Также понятие «добросовестность» предлагается приравнять к иным, вытекающим из «*bona fides*» аналогам иностранных языков: немецкому «*Treu und Glauben*», французскому «*bona foi*», английскому «*good faith*». Поскольку на практике основным языком международ-

ного права стал английский язык, в рамках интернациональной юрисдикции устоялось именно понятие «good faith». Так, под эгидой Международного института унификации частного права, членом которого является как Российская Федерация, так и страны Центральной Азии, были разработаны «Принципы международных коммерческих договоров», которыми, среди основных принципов международного права выделен принцип «good faith», традиционно переводимый на русский язык как «добросовестность» [8].

Между тем приведенные понятия иностранных языков и категория «добросовестность» не являются идентичными, поскольку последняя является продуктом исключительно русской правовой культуры. Давая краткую характеристику добросовестности сквозь призму такого подхода, необходимо отметить, что данное понятие русского языка состоит из смысловых единиц «добро» и «совесть».

Смысловая единица «добро» согласно «Словарю русского языка» С.И. Ожегова, следует понимать как все хорошее и полезное [5, с. 165]. По толковому словарю В.И. Даля, в понятии «совесть» среди прочих признаков необходимо выделять такие черты, как внутреннее сознание добра и зла; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее ото лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; прирожденная правда, в различной степени развития [2, с. 515-516]. Таким образом, соотнося понятия «совесть» и «добросовестность», следует констатировать, что совесть, как определенный механизм, даже без явной ссылки на другие понятия, содержит в себе необходимость оценки волевых актов на предмет их соответствия концепту «добро». Следовательно, понятие «добросовестность» и понятие «совесть» являются тождественными. Использование же в категории «добросовестность» ссылки на концепт «добро» обосновывается одним из сложившихся в правовой культуре Русского мира подходов к допустимому использованию данных понятий.

Анализируя рассматриваемую категорию В.В. Сорокин указал: «Древнерусское понятие «совесть» предполагало соотнесение личного и соборного чувства, - то, что тревожит душу человека, когда он совершает недобрый поступок по отношению к ближнему. Слово «Совесть» составлено из двух основ: со-весть – соборная весть. Русский человек издревле соборный, все происходящее с ним, его поступки и отношения на духовном уровне согласовываются с Собором всего русского народа» [11, с. 331]. Таким образом, в российской культуре совестные акты ориентируются на объективные критерии – выработанные народом абсолютные моральные ценности. Зарубежные правовые порядки не встречают аналогов данного понятия. Говоря об этом А.В. Сергеева, будучи специалистом по преподаванию русского языка как иностранного, отметила, что: «Слово «совесть» как отдельная лексема отсутствует в европейских языках, поскольку переводится словом производным от латинского *consientia*, что соответствует русскому «знание» [10, с. 137].

Из этого следует, что использование понятия «добросовестность» в законодательстве России и странами Центральной Азии должно происходить посред-

ством его коннотации в соответствии с глубинными смыслами, вкладываемыми в него именно русской правовой культурой. Такой подход приведет к развитию соответствующих моральных начал в праве. На это обращают внимание исследователи данных вопросов. А.В. Волков в частности, отметил, что принцип добросовестности отражает сам «дух» права, принимая на себя роль резервных правил, и воспитывает у субъектов права юридическую культуру взаимоотношений [1, с. 5]. Это указывает на то, что утверждение принципа добросовестности в праве в его традиционном смысле способно привести к позитивному преобразению взаимоотношений, подпадающих под его регулирование.

Таким образом, рассматривая вопрос об укреплении связей между Россией и странами Центральной Азии посредством развития законодательства этих регионов на одних началах, встает вопрос о выборе правовых категорий и принципов морального характера, способных заполнить максимальный объем необходимого для взаимодействия нормативного пространства. На эту роль, среди других правовых категорий, идеально подходит принцип добросовестности, который позволяет преобразовать и усовершенствовать соответствующие правовые связи. Это, среди прочих причин вызывается необходимостью унификации правовых систем рассматриваемых государств, создания условий для одинакового восприятия закона и формирования идентичной сферы для высокоморального правового воспитания, исключения разночтений законодательных положений, в том числе на международном уровне, при заключении региональных соглашений между рассматриваемыми странами.

Библиографический список

1. Волков, А. В. Соотношение принципа добросовестности и принципа недопустимости злоупотребления правом / А. В. Волков // Юрист. – 2013. – № 8. – С. 3-7.
2. Даль, В. И. Толковый словарь великорусского языка. В 4 тт. Т. 4: С – У / В. И. Даль. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 576 с.
3. Кочерук, И. В. Базовые концепты Русского мира [Электронный ресурс] / И. В. Кочерук. – Астрахань: Астраханский государственный университет, 2016. – URL: <http://evansys.com/articles/novshestva-v-oblasti-gumanitarnykh-nauk-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdunarodnoy-nauchno-pr/sektsiya-8-teoriya-i-istoriya-kultury-spetsialnost-24-00-01/bazovye-kontsepty-russkogo-mentalnogo-mira/> (дата обращения: 22.02.2019).
4. Муфазалова, Л. С. Концепт совесть в русской языковой картине мира / Л. С. Муфазалова // Вестник ИрГТУ. – 2011. – №11 (58). – С. 352-357.
5. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: Ок. 60 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под общ. ред. проф. Л. И Скворцова. – 25 изд., испр. и доп. – М.: ООО «Издательство Оникс», 2006. – 972 с.

6. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан: Утверждены Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168 // Российская газета. – 2011. – № 151.
7. Пословицы о совести [Электронный ресурс] // Большой сборник пословиц. – URL: <http://posloviz.ru/category/sovest> (дата обращения: 25.02.2019).
8. Принципы международных коммерческих договоров. Принципы УНИДРУА 2004 [Электронный ресурс] // Miripravo.ru. – URL: <http://www.miripravo.ru/lexmercatis2004.htm> (дата обращения: 14.01.2019).
9. Путин опубликовал предвыборное обращение к россиянам [Электронный ресурс] // Экспресс газета. – URL: <https://www.eg.ru/politics/485909/> (дата обращения: 25.02.2019).
10. Сергеева, А. В. Русские: Стереотипы поведения, традиции, ментальность / А. В. Сергеева. – 8-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 320 с.
11. Сорокин, В. В. Понятие и сущность права в духовной культуре России: Монография / В. В. Сорокин. – М.: Проспект, 2007. – 480 с.
12. Тишков, В. А. Русский мир: смысл и стратегии / В. А. Тишков // Стратегия России. – 2007 - №7. – С. 1-9.

Е. П. Цепенникова / E. P. Serennikova*
МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПЕЧАТНЫЕ
ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ТЕМЕ: “ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
АЛТАЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ
КАК КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ”
(METHODOLOGY AND PRINTED PRE-REVOLUTIONARY SOURCES ON
ALTAI CLERIC MISSION’S ACTIVITY AS A CROSS-CULTURAL
PHENOMENON)

Аннотация. В статье анализируются методологические основы исследования деятельности Алтайской Духовной миссии и печатные дореволюционные источники по этой теме. Автор обращается к широкому кругу опубликованных дореволюционных источников духовного и светского направления и делает вывод о несомненной их репрезентативности.

Ключевые слова: методология, репрезентативность, источниковая база исследования, Алтайская Духовная миссия, кросс-культурные явления.

Abstract. The article analyzes methodological fundamentals of the study of Altai Cleric mission’s activity and printed pre-revolutionary sources on this very theme. The author refers to a wide circle of printed pre-revolutionary sources (both cleric and secular) and comes to a conclusion about their doubtless representativeness.

Keywords: methodology, representativeness, research sources, Altai Cleric mission, cross-cultural phenomena.

Конец XX века и начало XXI характеризуются обострением интереса к миссионерству. С 80-х гг. XX в. этот интерес приобретает лавинообразный характер. Причины возрастания интереса к названным феноменам мировой и отечественной культуры многообразны¹.

Это и оживление в конце XX в. миссионерства, своеобразным проявлением которого можно считать всплеск деятельности международных деструктивных

* **Евгения Павловна Цепенникова**, директор Центра культуры Гуманитарного факультета АлтГТУ им. И. И. Ползунова (Барнаул, Россия). E-mail: zep49@mail.ru.

¹ Абаев Н.В., Алексеева Т.Ф. Роль христианства в диалоге и взаимодействии культур Востока и запада в Сибири и Странах Центральной Азии // Исторические судьбы православия в Сибири. Иркутск, 1997. С. 44-47; Миссионерская деятельность церкви (2-я половина XIX в – 1917 г.) // Русское православие. Вехи истории. М., Политздат, 1989. Под ред. д.и.н. А.И. Клибанова. С. 5-9: 438-462; Никольский Н.М. Сектантство и развитие капитализма в России // Религия и общество. М., Аспект-пресс, 1996. С. 622-639; Перетолчина О.А. Православные восточные миссии (деятельность И.Д. Касаткина в Японии) // Исторические судьбы православия в Сибири. Иркутск, 1997. С. 64-67.

сект. Большинство исследователей называют в качестве причины этого всплеска – тотальный прессинг западного, техногенного типа культуры. Под воздействием этого прессинга и в ответ на него региональные, автохтонные варианты культуры перед угрозой полного уничтожения обретают новый уровень самосознания, самозащиты, самовыражения и самоидентификации, новый уровень бытия. Этот процесс стал поистине глобальным: в защиту самобытности и неповторимости своей культуры выступают народы всех регионов Земного шара: Азии, Африки, Америки, Океании, России. Обращаясь к анализу современного миссионерства, ученые – гуманитарии всех стран мира обращают взоры к историческому прошлому своих культур, изучая опыт (как позитивный, так и негативный) кросс – культурных контактов, проявляющихся, в том числе, и в миссионерской деятельности¹.

В связи с этим на новом уровне осмысливаются проблемы, связанные с ролью христианства в формировании культур народов мира; христианской церкви как субъектом культуры; основными направлениями деятельности христианской церкви; христианским миссионерством как явлением мировой культуры.

Одновременно на грани тысячелетий разразился общемировой кризис социальных наук, корни которого кроются в утрате доверия к некоторым методологическим подходам еще недавно столь широко признанным и используемым: марксизма, структурализма и клиометрии. В отечественной науке кризис протекал особенно остро и болезненно, поскольку на протяжении почти всего XX века единственным методологическим фундаментом, приемлемым в отечественных гуманитарных исследованиях, считался марксизм².

¹ Кобишанов Ю.М. Северо-восточная Африка в раннесредневековом мире (VI – сер. VII) // М., Наука, 1980. 222 с. / разделы: Христианство и иудейство в Южной Аравии в V- нач. VI вв. С. 0-16; Объединение и христианизация Нижней Нубии. Крещение Алвы. С. 89-103; Антивизантийские движения в Египте и нубийские царства. С. 113-120; Общества и государства Северо-восточной Африки в VI-VII вв. С. 162-170; Культура Аксума и Нубии в VI-VII вв. в системе раннесредневековых цивилизаций. С. 179-207; Колоткин М. Миссионерство в Горном Алтае // Звезда Алтая. Горно-Алтайск, 22.01.1988.

² Боровкова О.В. К вопросу об исходных детерминантах исторического сознания // *Метаморфозы сознания*. Барнаул, 1997. С. 79-84.; Бош Д. Преобразования миссионерства. Сдвиги парадигмы в богословии миссионерской деятельности. Спб., 1997. С. 495; Вебер М. «Интеллектуальная честность» как принцип научного познания религии // *Религия и общество*. М., 1996, Аспект-Пресс. С. 145-161; Гарнак А. Восточное и западное христианство // *Религия и общество*. М., 1996, Аспект-Пресс. С. 538-548; Григулевич И.Р. Прикладная миссионерская этнография // *Современная американская этнография. Теоретическое направление и тенденции*. М. АН СССР, 1963. С. 239-259; Гулыга А. Революция духа. Что такое постсовременность. Размышления о перестройке в свете тысячелетия русского христианства // *Опыты*. 1990. С. 51-91; Гурвич И.С. К вопросу о картографировании элементов духовной культуры народов Сибири // *Народы и языки Сибири*. М., Наука, 1978. С. 15-22; Гуревич А.Я. Что такое исторический факт // *Источниковедение: Теоретические и методические проблемы*. М., 1969. С. 59-78; Гуревич А.Я. «Новая историческая наука» во Франции: Достижения и трудности // *История и историки*. М., 1985. С. 119-123; Гуревич А.Я. Изучение ментальностей: социальная история и поиски исторического синтеза // *Советская этнография*, № 6, 1988. С. 19-25; Гуревич А.Я. Историческая наука и историческая антропология // *Вопросы философии*, № 2, 1988. С. 25-40.; Давыдов Ю.Н. Память и культура / О смыслообразующих началах человеческого действия // *Социс*, № 6, 1987. С. 11-22.

В марксистской парадигме – вера характеризуется негативно как социальное явление, Церковь трактуется как орудие классового угнетения и господства, миссионерство как один из методов насильственной русификации народов, живущих на окраинах России.

На этом фоне возникла, существует и все большим числом исследователей российской культуры осознается объективная необходимость изучения на адекватной методологической основе, истории РПЦ и всех направлений её деятельности, в том числе и миссионерской.

В качестве методологической основы исследования истории РПЦ и всех направлений её деятельности, в том числе и миссионерской нам представляется возможным использовать систему методологических основ изучения Российской и русской культуры, предпринятую в рамках АКИРН. Это работы доктора философских наук, академика Е.С. Троицкого, доктора философских наук, заслуженного деятеля науки России А. М. Ковалева, доктора филологических наук, профессора Ю. И. Сохрякова, доктора экономических наук О. А. Платонова, доктора философских наук, профессора А.С. Фролова и мн. др.

В трудах представителей АКИРН обоснована необходимость преодоления формационного подхода к общественному развитию, “т.к. он ограничивается анализом лишь материально-производственной сферы”, культура же не исчерпывается этой сферой. Наряду с этим, подчеркивается необходимость нового уровня осмысления Православной духовной основы Российской культуры, соборности, как принципа бытия, механизма взаимодействия духовного и материального начал Российской культуры.

По мнению представителей АКИРН, при исследовании Российской культуры следует применять совокупность аналитических приемов и операций, поскольку необходим интегративный подход, вбирающий в себя результаты исследования ряда дисциплинарных областей (социальной и культурной антропологии, этнографии, социологии, психологии, лингвистики и т.д.)¹.

Следует отметить, что вопрос "Миссионерство как явление мировой культуры" и вытекающие из него проблемы - "Социокультурные и кросс - культурные аспекты деятельности миссий", "Деятельность миссий (в т.ч. и православных) - как явление культуры", не сформулированы в отечественной гуманитарной науке сколько-нибудь удовлетворительно. Не разработана и адекватная методо-

¹ Гулыга А. Революция духа. Что такое постсовременность. Размышления о перестройке в свете тысячелетия русского христианства // Опыты. 1990. С. 51-91; Гуревич А.Я. Изучение ментальностей: социальная история и поиски исторического синтеза // Советская этнография, № 6, 1988. С. 19-25; Кинжалов Р.В. Культура древних майя. Ленинград. ЛО АН, 1971. 363 с.; Кноров Ю.В. Древняя письменность Центральной Америки // Советская этнография. 1952. № 3; Ковалев А.М. Особенности русской цивилизации // Русская цивилизация и соборность. М., 1994. С. 63-70.; Ковалев А.М. Цивилизационные основы: общероссийский и национальный. М., 1996. АКИРН и др. С. 65-69; Колеченков Н.В. Нравственные аспекты межнациональных отношений // Патриотизм: общероссийский и национальный. Истоки. Сущность. Типология. М., 1996. АКИРН и др. С. 77-80.

логическая основа исследования этих актуальных для современной мировой и отечественной культуры явлений.

Наиболее разработан на сегодняшний день историко-этнографический срез проблемы, хотя большей частью изыскания в области истории и этнографии проводились на базе внешней по отношению к миссионерству методологической основы: атеистического, материалистического мировоззрения. О слабых сторонах этого подхода к явлениям культуры немало написано в последнее десятилетие. Сильной стороной множества исторических и этнографических исследований следует признать содержащийся в них солидный эмпирический материал, наглядно демонстрирующий различные методы христианизации народов Америки, Африки, Австралии, Океании, России.

Если о православном миссионерстве в целом написано мало, то о таком его "частном" проявлении, как деятельность АДМ в Южной Сибири тем более написано немного. По теме защищено две диссертации: на звание кандидата исторических наук - Н.Ю. Храповой, и магистра богословия - о. Борисом Пивоваровым.

Работа Н. Ю. Храповой имеет добротную эмпирическую основу, содержит подробное описание основных этапов становления миссии. Магистерская диссертация о. Бориса Пивоварова посвящена описанию фонда АДМ, хранящегося в ГААК, его информативным возможностям. Как видим, в современной отечественной науке не предпринято попыток анализа ни православного миссионерства в целом, ни деятельности отдельных миссий, в т.ч. АДМ.

Существует ряд исследований исторического, этнографического, религиозно-ведческого характера, где в различных контекстах рассматривается деятельность АДМ. Не являясь основным предметом исследования, деятельность АДМ, тем не менее, интересовала историков, этнографов, религиоведов, поскольку соприкасалась, так или иначе, с непосредственным предметом их научных интересов. Кроме того, существует определенный круг работ, где деятельность АДМ характеризуется достаточно полно - это публикации духовного характера. По отношению опубликованных произведений к нашей основной методологической посылке можно разделить их на светские и духовные.

Дореволюционные духовные издания можно разделить на публикации в периодических духовных изданиях, сведения, содержащиеся в учебниках, монографические работы. Здесь по широте охвата, информативной насыщенности первенствуют такие издания:

Бюллетень Российского Библейского общества, который издавался с 1811 по 1826 гг. После длительного перерыва, с 1863 по 1917 гг. В нём были опубликованы уникальные сведения о переводе Библии на русский язык основателем АДМ о. архимандритом Макарием (Глухаревым). К ним примыкают Бюллетени Миссионерского общества, регулярно выпускавшиеся во второй половине XIX в.

На страницах этого издания периодически помещались сведения о составе АДМ, направлениях ее деятельности, проблемах и достижениях миссионерства в

Сибири, публиковались записки и дневники самих миссионеров, а также все законодательные акты, касавшиеся Миссионерского общества и движения в России.

К ним примыкают духовные издания: "Странник", "Душеполезное чтение", "Православный Благовестник", "Домашняя беседа", "Христианские чтения", "Слово", "Лепта" - различные по периодичности, но информативно насыщенные. В них полно, ярко, основательно освещаются все стороны миссионерской деятельности на Алтае. Наибольший интерес для нас представляют - "Епархиальные ведомости", до 1880 года издававшихся постоянно, но не регулярно, а с 1880 по 1917 гг. с периодичностью два раза в месяц. В "Томских епархиальных ведомостях" можно найти следующую информацию об АДМ: статистические сведения и отчеты о деятельности АДМ ежемесячно и ежегодно; состав миссии ежемесячно - количественный и качественный; количество обращенных, количество церквей, молитвенных домов, приютов, монастырей – ежемесячно; записки миссионеров (В. Вербицкого, И. Смольянинова, С. Ландышева, И. Штыгашева и др.).

А также – описание быта миссионеров, их обязанностей, трудов; программы миссионерских училищ, школ, состав учителей и учеников; перечни переводческих и издательских трудов АДМ; биографические сведения о наиболее известных миссионерах; Устав Миссий, Устав Миссионерского общества; обязанности миссионера; сведения о культуре и быте тюркоязычных народов Южной Сибири; описание таинства рукоположения во епископы Бийские, Викария Томской епархии, о. архимандрита Владимира (Петрова), что при скудости сведений о нем, как третьем начальнике миссии - весьма ценный материал; извлечения из всеподданнейших отчетов Обер - Прокуроров Святейшего Синода по ведомству православного исповедания (погодно); просветительская работа миссионеров; множество сведений различных авторов об основателе миссии о. Архимандрите Макарии (Глухареве)¹.

¹ Выписка из дневника Миссионера АДМ протоиерея Стефания Ландышева за первую треть 1859 г. // Душеполезное чтение. 1860. Ч. 1. С. 230-248, 480-494; Записки Улалинского отделения АДМ миссионера, священника Иоанна Смольяникова за 1859 г. // Душеполезное чтение. Ч. 1. 1861. С. 408-430; Заметки Стефания Ландышева об АДМ // Душеполезное чтение 1864 г. Ч. 1. Январь. С. 9-138. Известия и заметки; Записки Урскульского стана миссионера иеромонаха Смарагда за 1861 г. // Душеполезное чтение 1862. Ч. 11. С. 136-160.; Записки миссионера АДМ иеромонаха Макария за 1863 г. // Душеполезное чтение. 1864. Ч. 2. С. 44-60; Записки Урскульского миссионера АДМ иеромонаха Смарагда за 1864 г. // Душеполезное чтение. 1865. Ч. 111. (Известия и заметки) С. 154-166; Записки Алтайского миссионера Черно- Ануйского отдела священника Филарета Синьковского за 1879 и 1880 гг.; Записки Алтайского миссионера за 1880 г. // ТЕВ, № 9. С. 269-272; № 11.1.06.1882. С. 305-310; № 12.1.07. 1882, С. 369-374; № 15.11.08. 1882. С. 432-436.; Записки Кебезенского отделения АДМ священника Сергея Ивановского // ТЕВ за 1889 // ТЕВ, 1890. № 12, 15.06.1890. С. 16-28.; Извлечение из писем покойного архимандрита Макария, бывшего начальника АДМ // Душеполезное чтение, ч. 2. Май-август. С. 97-132.; Издательские и переводческие труды АДМ // ТЕВ. № 5, 1.03.89. С. 1-19.; Инородческий вопрос на Алтае // ТЕВ, № 9, 1.05.1885. С. 1-21.; К воспоминанию об АДМ // ТЕВ. № 3.1.02.1881. С. 1-45.; Миссионерские записки по Кузнецкому отделению АДМ священника Филарета Синьковского за 1889 г. // ТЕВ. № 11, 1.16.1890. С. 1-16. Часть неофициальная.;

Следующий источник - дореволюционные учебники Закона Божия, переиздававшиеся достаточно часто и имели обязательный раздел "История Русской православной церкви", где содержались параграфы "Миссионерская деятельность", с указанием основных ее направлений. Наиболее полно история АДМ освещена в учебнике за 1909 г., где не только пишется о целях, задачах, итогах миссионерства на Алтае, но и кратко характеризуется личность каждого из начальников миссии.

Монографических исследований немного, самым типичным и полным можно назвать исследования А.И. Макаровой - Мирской - племянницы второго начальника АДМ - Стефания Ландышева, ее труды: "Апостолы Алтая" ("Сборник рассказов из жизни алтайских миссионеров"), "Лето на Алтае", содержащая 28 рисунков и портрет Высокопреосвященнейшего Макария, Архиепископа Томского и Алтайского (ныне митрополита Московского); "На служении Алтаю" (повесть о жизни и деятельности Высокопреосвященного Макария, митрополита Московского и Коломенского в связи с деятельностью других миссионеров, содержащая 87 редчайших портретов и видов Алтая - все были изданы в разное время в Харькове (с 1909 по 1914 гг.).

Эти работы написаны в живой интересной форме, искренне рассказывают о жизни миссии во всем ее многообразии. Особый интерес исследователя вызывает богатый иллюстративный материал к повествованию. Светские дореволюционные публикации, в соответствии с принятой классификацией следует подразделить на официальные, либерально-демократические, марксистские.

Официальные источники представлены следующими периодическими изданиями: "Сборники статей различных Императорских обществ", Известиями следующих обществ: «Русского Географического общества», "Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете", "Общества любителей старины".

Самым ценным источником можно назвать сборник "Алтайские инородцы" под редакцией А.А. Ивановского, выпущенный Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете" в 1893 году. Основанные, так же как и исследования духовного характера, на православном мирозерцании, они представляют непреходящую эвристическую ценность, в связи с наполненностью богатыми эмпирическими материалами, биографическими сведениями об алтайских миссионерах в связи с их лингвистическими, географическими, ботаническими и др. исследованиями.

Второй блок дореволюционных официальных изданий составляют светские издания: Справочники", "Адрес-календари", "Энциклопедии", "Путеводители" – которые наполнены статистическими сведениями. Ежегодно издаваемые Памят-

Миссионерство в Сибири. Извлечение из всеподданнейшего отчета Обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания // Томские епархиальные ведомости (в дальнейшем – ТЕВ) 1.09.1882. С. 490.; Миссионерство на Алтае и в Киргизской степи // ТЕВ. № 5.1.03. 1886. С. 1-12. № 9, 1.05.1886. С. 1-26.

ные книжки Тобольской (1864-1915) и Томской (1871-1913) губернии, Адрес-календари гг. Томска, Тобольска, Бийска, Барнаула - как правило, содержали вводные статьи, аннотации, авторские справки, которые включали также оценку роли выдающихся миссионеров на Руси, ее окраинах, анализ и оценку культуртрегерской деятельности миссий.

Монографические исследования этого направления выдержаны в том же стиле и духе. Наиболее интересны монографии А.А. Чистовича "История перевода Библии на русский язык", содержащая уникальные сведения о многолетнем труде о. архимандрита Макария (Глухарева) над полным русским переводом Библии, совершенным им на Алтае. К ним примыкает труд И. А. Ястребова "Архимандрит Макарий, основатель АДМ. Краткие сведения о его жизни и деятельности", изданный в Санкт-Петербурге в 1892 г."¹.

Сборник исторических материалов о жизни и деятельности настоятеля Болховского Троицкого Оптиного монастыря о. Архимандрита Макария Глухарева", изданный в Орле 1897 г. Сборник дает представление о самом малоизвестном периоде жизни ныне канонизированного и причисленного к лику Святых первого начальника АДМ – Макария Глухарева. Таким образом, эти два направления историографии высвечивают деятельность АДМ в контексте истории РПЦ, русской православной культуры.

Следующие два направления дореволюционной историографии рассматривали Русскую Православную Церковь и ее миссии, в соответствии со своим мировоззрением, как инструмент политического господства Российского правительства на окраинах России, отсюда обращение к политической, социальной стороне взаимодействия АДМ и местных этнических общностей. Работы, большей частью носят критический характер и часто анонимны.

К этим двум направлениям относятся многочисленные публикации в газетах и журналах, таких как:

- "Алтайская газета", "Алтайский край" – издатель обеих А.Я. Шпунтович. Это ежедневные газеты, выходившие с 1908 по 1912 гг.,
- еженедельная газета "Алтайский крестьянин" издатель М. О. Курский - годы выхода 1912-1916 гг.,
- ежегодный журнал "Алтайский сборник", издаваемый Обществом любителей исследования Алтая и Алтайским подотделом Русского географического общества, в Барнауле, годы выхода - 1894-1912 гг.
- "Сибирский вестник" ежедневная газета, издатели - редакторы В. П. Картамышев – М. Ф. Картамышева, М. П. Загиблов, годы издания - 1885-1905 гг. С 1906 г. переименована в "Вестник Сибири" под редакцией И.П. Баева, место издания г. Томск; еженедельник.
- Газета "Восточное обозрение" под ред. Н. М. Ядринцева, И. И. Попова, издававшаяся поначалу в СПб., а затем с 1888 г. в Иркутске (годы существования 1882-1906 гг.). С конца 1893 г. периодичность - 3 раза в неделю, с 1901 ежедневная.

¹ Ястребов И. Архимандрит Макарий, основатель Алтайской духовной Миссии. Краткие сведения о его жизни и деятельности. СПб., 1892. 48 с.

• Приложение к газете "Сибирские сборник" - периодичность различна в разные годы, годы издания 1886-1905 гг.

• множество других, всего 313 наименований, как в центральных, так и региональных изданиях.

Особенно внимания заслуживают опубликованные в них работы: Л. Банзарова "О шаманизме", Соболева М. "Алтайцы" (первая в сб. "Алтай", вторая в "Азиатской России") - и та и др. посвящены духовной культуре тюрков, Н. Б. Шерр "Из поездки к кумандинцам в 1898 г.", опубликованная в "Алтайском сборнике" т. 5 за 1903 г., работы Юрцовского Н. С. и Ярикова А. А., анализирующие "былое и настоящее сибирских инородцев". Интересна работа К. В. Харламповича "Макарий Глухарев и Тобольские декабристы"¹.

Кроме периодических изданий, эта группа публикаций представлена также монографиями, носящими "областнический характер". И здесь наиболее информативно насыщенными являются работы Радлова В. В. и Ядринцева Н. М. Произведение В. В. Радлова было опубликовано Иркутским университетом и было посвящено этнографическому обзору телеутских племен Сибири и Монголии. Многочисленные работы Н.М. Ядринцева посвящались исследованиям этногенеза угро-алтайских племен, быта и современного положения сибирских инородцев, в т.ч. алтайцев и черневых татар. К этой же группе следует отнести монографии С. Шашкова "Сибирские инородцы в XIX в." и Катанова Н.Ф., исследовавшего шаманские бубны и колотушки, а также образцы народной литературы тюркских племен².

Методологической основой большинства из них был или деизм, или атеизм, большинство из представителей этого направления двойственно или критично относилось к РПЦ, вере, миссионерству. Тем не менее, эта группа работ, при определенных коррективах, может служить источником информации в вопросе об особенностях культуры аборигенов Южной Сибири и конкретных деяниях АДМ, о которых сведения в этой группе публикаций немногочисленны, но своеобразны и интересны.

Краткий анализ содержания дореволюционных изданий позволяет нам характеризовать данный вид опубликованных источников как информационно-насыщенный и репрезентативный источник по теме: «Деятельность АДМ как кросс-культурное явление».

¹ Харлампович К.В. Макарий Глухарев и Тобольские декабристы // Русский архив. 1904. Вып. 11.

² Ядринцев Н.М. Отчет о поездке по поручению Западно-Сибирского отдела Императорского Географического Общества в Горный Алтай, к Телецкому озеру и вершинам Катни члена-сотрудника Н.М Ядринцева 1880 г. // Записки Зап.-Сиб. отд. ИРГО, Омск, 1882. Кн. IV. С. 1-46; Ядринцев Н.М. Алтай и его инородческое царство // Исторический вестник. Т. 6., 1885. С. 605-644; Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб., 1891. 108 с.; Ядринцев Н.М. В дальних странствиях (из путешествия в Алтай) // Памятное завещание, 1990. Горно-Алтайск. С. 291-307.

Н. В. Цыганенко / N. V. Tsyganenko*
**РЕЛИГИОЗНОСТЬ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И РОССИИ:
К ПРОБЛЕМЕ ПОИСКА КРИТЕРИЕВ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
(RELIGIOSITY IN CENTRAL ASIAN COUNTRIES AND RUSSIA: TO THE
PROBLEM OF SEARCHING FOR THE CRITERIONS
OF SOCIOLOGICAL RESEARCH)**

Аннотация. На основе сравнительного анализа результатов социологических исследований в некоторых странах Центральной Азии и России рассмотрены основные проблемы и тенденции, связанные с научным поиском критериев религиозности.

Ключевые слова: религиозность, религиозная идентичность, конфессиональная идентичность, постсоветское пространство, Центральная Азия, Россия, религиозное сознание, религиозное поведение.

Abstract. On the basis of a comparative analysis of the results of sociological research in some countries of Central Asia and Russia, the main problems and trends related to the scientific search for the criteria of religiosity are considered.

Keywords: religiosity, religious identity, confessional identity, the post-Soviet space, Central Asia, Russia, religious consciousness, religious behavior.

Одним из общих симптомов духовной жизни стран бывшего СССР стал всплеск религиозности в 90-е гг., принявший различные формы и проявления религиозной атрибутики в повседневной и общественной жизни. В целом в странах постсоветского пространства происходит интенсивный поиск новых ценностно-смысловых векторов, и религиозность может быть одним из способов обретения новых идентичностей взамен утраченной советской идентичности. При этом обнаруживается не только культурное, но и социально-политическое влияние религии.

Процессы, протекающие в религиозной жизни постсоветских стран, вызывают повышенный интерес со стороны научного сообщества, стремление осмыслить роль и функции религии как значимого социального института.

В настоящей работе, в соответствии с общей тематикой социокультурного взаимодействия и перспектив развития трансграничного пространства России и Центральной Азии, предполагаем сделать акцент на теории и практике изучения религиозности в некоторых странах центрально-азиатского региона.

* **Наталья Викторовна Цыганенко**, канд. социол. наук, Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова (Барнаул, Россия). E-mail: ziganenkonw@mail.ru.

Первичный анализ научных работ, посвященных анализу религиозности, показывает, что в научном сообществе не выработаны единые критерии исследования религиозных явлений, которые позволили бы, с одной стороны, учесть их локальное, этнокультурное многообразие, а, с другой стороны, корректно сопоставить результаты этих исследований.

Не решена проблема критериев измерения религиозности в исследованиях крупных научных центров мирового уровня. Например, в рамках глобального исследования, проводимого институтом Гэллапа (WIN/Gallup International) в 2008, 2009 и 2015 годах, жителям разных стран было предложено ответить на одинаковый вопрос: «Вне зависимости от того, посещаете ли Вы места общественного богослужения или нет, Вы считаете себя религиозным человеком, нерелигиозным человеком или убеждённым атеистом?» В каждой стране респондентов опрашивали по национальной вероятностной выборке с помощью личных, телефонных или онлайн интервью. Согласно полученным данным, среди стран Средней Азии наиболее религиозной республикой является Таджикистан, в котором 85% населения считают себя религиозными людьми. В Туркмении 80% населения причисляют себя к мировым религиям, в Киргизии — 72%, в Казахстане — 64%. В Узбекистане 51% жителей республики считают себя религиозными. Россияне показали себя в вопросах веры среднестатистическими жителями планеты: 55% назвали себя религиозными людьми, 26% — нерелигиозными, а 6% — убеждёнными атеистами [1].

Сама методика измерения уровня религиозности на основании самоидентификации и только по одному вопросу вызывает дискуссии. Например, возражения высказаны политологом Аждаром Куртовым в интервью «Sputnik Узбекистан». По его мнению, данные социологического опроса WIN/Gallup International, говорящие о том, что Узбекистан является самой светской страной в Средней Азии, не соответствуют действительности. По словам эксперта, на протяжении многих веков Узбекистан оставался центром мусульманской цивилизации в Средней Азии. Граждане республики всегда были более религиозны в соблюдении исламских традиций. А. Куртов считает, что результаты опроса расходятся с реальной ситуацией [2].

Актуализированная в дискуссии проблема не нова для социологов. Некоторые из российских исследователей считают, что самоидентификацию индивида можно читать критерием религиозности. «Идентифицировать людей в качестве неправославных, если они считают себя православными, вследствие того, что не всё у них соответствует церковным канонам, на наш взгляд, неправомерно», — отмечает Ю. Ю. Синелина [3, с. 96]. Вступая в полемику со сторонниками измерения религиозности по объективным признакам сознания и поведения, она больше выступает не с социологической, а с философской позиции, апеллируя к таким понятиям как «религиозный опыт», «путь духовного самосовершенствования», «путь христианина». Однако надёжность измерения религиозности на основании частного показателя - самооценки индивида, - вызывает сомнения.

Так, в условиях господства негативного отношения к религии, социологи заметили тенденцию к сокрытию своей религиозности. Сегодня существует прямо противоположная тенденция: при высоких показателях уровня религиозности, измеренного на основе самооценки, наблюдаются не соответствующие ему характеристики религиозного сознания и поведения, что находит свое объяснение в преобладающем позитивном отношении к религии, своеобразной моде на нее.

Считаем целесообразным уровень религиозности, измеренный на основе самоидентификации, считать *номинальным уровнем религиозности*, а тот показатель, который исследователь получает на основе учета комплекса признаков религиозности, обозначать как её *реальный уровень* [4].

Такой позиции придерживаются многие исследователи. Например, социологи узбекского центра по изучению общественного мнения "Ижтимоий фикр" («Социальное мнение») отмечают, что есть грань «между людьми верующими и просто верящими». Согласно результатам исследования, проведенного в Узбекистане (выборка две тыс. респондентов), только 20,5% опрошенных считают себя прежде всего мусульманами, 28,5% чувствуют себя сначала узбекистанцами, а уже потом приверженцами веры, 43,5% вообще не разделяют эти понятия. Тех, для кого ислам - это и религия, и культура, и образ жизни - всего около 12% [5].

Аналогичные процессы слияния религиозной и социокультурной идентичности отмечают социологи Казахстана. Как показывают результаты исследований в этой стране, за годы независимости неуклонно шел рост религиозности населения. В 2003 г. доля респондентов, назвавших себя религиозными людьми, составила 38,7 %, в 2007 г. верующими себя назвали уже 77,3 % опрошенных [6]. Согласно результатам переписи населения в 2009 г. относят себя к мусульманам около 70%; 26% относят себя к христианам, 4% исповедуют другие традиционные религии. В 2012 году 96- 97% казахстанцев не затруднились с выбором мировоззренческой идентичности. Однако, по мнению социологов, проблематично осуществлялась самоидентификация с верующими, при которой только 10,3% респондентов указывают на свою принадлежность религиозной общине, а 56,2% отмечают, что не участвуют в религиозной жизни. Однозначно назвали себя верующими 43,8% респондентов и еще примерно каждый третий (34,4%) склонен относить себя к группе «скорее верующих, чем неверующих». Почти каждый пятый (18,7%) отождествляет себя с неверующими [7].

Как отмечают эксперты, ислам в Казахстане стал частью народной культуры. В общественном сознании между принадлежностью к казахскому этносу и приверженностью исламу ставится знак равенства. Для большинства казахов религия выступает именно как часть объединяющей традиции, но не в качестве инструкции на все случаи жизни. Строго соблюдают все предписываемые религией обряды только 10 % опрошенных. 60% мусульман Казахстана не чувствуют потребности вести религиозный образ жизни ежедневно. Однако они ощущают сопричастность к представителям своей религии во время праздников и прове-

дения крупных мероприятий, связанных с религиозными обрядами: похорон, причащении к религии новорожденного, свадебных церемоний и т. п. [8].

Несколько иначе интерпретируют результаты исследований социологи из Кыргызстана. Анализ результатов анкетного опроса, проведенного в 2016 году, показал, что подавляющее большинство респондентов (98,4%) определяют себя верующими, только 0,7% относят себя к неверующим и 0,4% затруднились ответить однозначно. Абсолютное большинство опрошенных - 92,9% указали на свою принадлежность к исламу, 5,0% православному христианству, 0,4% относят себя к Церкви Иисуса Христа, 0,3% считают себя баптистами, 0,3% – приверженцами Свидетелей Иеговы. У кыргызов уровень религиозности составляет 98,9%, у русских - 90,2%. Между тем, 40,9% опрошенных респондентов вообще не выделяют какие-либо религиозные практики, но считают себя «мусульманами в душе». Эксперты отмечают, что в республике происходит рост религиозного самосознания, но, в то же время, мало кто реально практикует религию [9].

Высокий уровень религиозности так же существует в Таджикистане. На вопрос: «К какой религиозной группе Вы принадлежите?» 93% жителей Таджикистана ответили «ислам», 5 % - «христианство». На следующий вопрос: «Считаете ли Вы себя религиозным человеком, верующим?» 88% ответили «да» и 3% «нет». По результатам социологического исследования, проведенного представителями ОБСЕ, в Таджикистане происходит усиление исламистских настроений. Более половины таджикстанцев выступают за усиление роли ислама в общественной жизни страны, а около 7% готовы жить в теократическом государстве. Внешние признаки исламизации таджикского общества, как отмечают эксперты, заметны в любом населенном пункте. В стране увеличивается число прихожан в мечетях, а почти четверть таджикских женщин носит религиозную одежду - хиджаб. Самым же ярким примером религиозности, по мнению исследователей, является соблюдение исламских обрядов. 88% таджикстанцев держат пост в священный месяц Рамадан [10]. Противоречивости между декларируемой и реальной религиозностью социологи Таджикистана не фиксируют.

Согласно исследованию, проведенному исследовательским центром «Среда» и представленному в «Атласе религий и национальностей России» религиозная идентичность россиян вообще и конфессиональная идентичность, зафиксированные с помощью разных вопросов, дают различные результаты. Например, при ответе на вопрос «Считаете ли вы себя верующим человеком? И если да, то к какому вероисповеданию (конфессии) вы себя относите?» получены следующие данные: не считаю себя верующим человеком – 25 %; исповедую православие – 64%; исповедую ислам – 6%; затрудняюсь ответить, не могу назвать определённую конфессию – 4%; другие христианские конфессии (католики, протестанты, униаты, баптисты и др.) – 1%; другие религии – 1%.

Более развернутую характеристику российской религиозности дает вопрос, в котором предложили выбрать из предлагаемого списка одно утверждение, кото-

рое больше всего характеризует их вероисповедание. В итоге складывается несколько иная модель религиозности, сочетающая некоторые параметры как собственно религиозной, так и конфессиональной идентичности:

- «исповедую православие и принадлежу к Русской Православной Церкви» - 41%;
- «верю в Бога (в высшую силу), но конкретную религию не исповедую» - 25 %;
- «не верю в Бога» - 13%;
- «исповедую ислам (в том числе суннитского и шиитского направлений)» - 6,5 %;
- «исповедую христианство, но не считаю себя ни православным, ни католиком, ни протестантом» - 4,1%;
- «исповедую православие, но не принадлежу к Русской Православной Церкви и не являюсь старообрядцем» - 1,5%;
- «исповедую традиционную религию своих предков, поклоняюсь богам и силам природы» -1,2%;
- «исповедую буддизм» - 0,5%;
- «исповедую православие, являюсь старообрядцем» - 0,5%.

Анализ соблюдения религиозных ритуалов показывает преобладание внецерковной, внеинституциональной модели религиозности. Среди респондентов, определивших себя как православных, практически не молится каждый четвертый (25%), молятся «своими молитвами» 33%, молятся церковными молитвами 11%, молятся иногда своими, а иногда церковными молитвами 18% опрошенных. Похожая ситуация и с посещением храмов (Таблица 1).

Таблица 1 – Частота посещения храмов в РФ

Как часто вы обычно посещаете храм? (Вопрос не задавался мусульманам и выбравшим ответ "другие религии" – отвечали 93% респондентов.)	По РФ, в %	Православные
практически никогда не посещаю	31	14
реже одного раза в год	13	13
один-два раза в год	21	26
несколько раз в год, но реже, чем один раз в месяц	19	26
раз в месяц и чаще	8	10
затрудняюсь ответить, не помню	1	1

Низкая степень культовой активности коррелирует с параметрами религиозного сознания, которое может быть охарактеризовано как неопределенное, «размытое». Респонденты нечасто выражали согласие со следующими суждениями, являющимися индикаторами убежденной религиозности:

- «я по возможности соблюдаю все религиозные предписания (в соответствии с моим вероисповеданием)» – 22%;

- «я поддерживаю традиционные семейные устои, когда главой семьи является мужчина» – 20%;
- «я хотел бы верить в Бога больше, чем верю сейчас» – 19 %;
- «религия играет важную роль в моей жизни» – 15%;
- «я прочитал(-а) Евангелия» – 5 %;
- «я прихожанин (участвую в жизни общины)» – 3%;
- «я исповедуюсь раз в месяц и чаще» – 2%.

Таким образом, на основе эмпирических данных, мы можем сделать вывод о том, что религиозная практика россиян, как и в рассмотренных ранее исследованиях религиозности населения стран Центральной Азии, оказывается ниже религиозной идентичности. Безусловно, эти социальные факты имеют множество объяснений, связанных и с историей России в 20 веке, и с современными тенденциями духовной жизни.

В целом обращение к результатам социологических исследований религиозности, проводимых в России и странах Центральной Азии, позволяют сделать следующие выводы:

- Наиболее обобщенной, первичной характеристикой религиозности является самоидентификация человека по отношению к религии вообще и к конкретной конфессии, в частности. Как правило, этот показатель применяется при массовых межрегиональных исследованиях, позволяет зафиксировать количественные, поверхностные показатели религиозности.

- В большинстве исследований социологи отмечают тенденцию к сочетанию религиозной, этнической и социокультурной идентичности (русский – значит православный, казах – значит мусульманин).

- Существует разрыв между номинальной (декларируемой) религиозностью, измеряемой на основе самоидентификации, и религиозностью реальной, предполагающей глубокую религиозную убежденность, которая реализуется в религиозной практике. Как правило, практикующих, воцерковленных верующих оказывается в два-четыре раза меньше, чем просто называющих себя верующими.

- Социологи, как правило, выделяют три типологических группы населения по отношению к религии: верующих, колеблющихся между верой и неверием и атеистов (возможны так же иные названия этих групп или выделение их большего числа). Число типологических групп определяется целями и задачами, масштабами и глубиной исследования, имеющимися в распоряжении исследователей возможностями.

- Большинство социологов проводят исследования на основе принятых в социологии теоретико-методологических оснований: существуют разработанные программы исследований, системы гипотез, шкалы и индикаторы измерения религиозности, инструментарий исследования, обоснованные выводы и практические рекомендации, отражение результатов в научных публикациях, открытых для ученых и общественности.

- В странах Центральной Азии складываются национальные исследовательские центры, школы и коллективы, изучающие религию; постепенно происходит разрыв с советской религиоведческой наукой.

- Исследователям центрально-азиатского региона присущ повышенный интерес к проблемам религиозного экстремизма и распространения радикальных течений ислама, особенно в молодежной среде.

Библиографический список

1. Исследование Gallup: Мир становится менее религиозным [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/news> (дата обращения: 20.04.2019).

2. Узбекистан не может быть самой светской страной в Средней Азии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://uz.sputniknews.ru> (дата обращения: 20.04.2019).

3. Синелина, Ю. Ю. О критериях определения религиозности населения / Ю. Ю. Синелина // Социологические исследования – 2001. – №7. – С. 89-94.

4. Цыганенко, Н. В. Религиозная ситуация в регионе: проблемы социологического исследования / Н. В. Цыганенко // Актуальные проблемы региональных исследований. Сборник материалов. Выпуск 11. – Барнаул, Изд -во АлтГТУ, 2012. – С. 82–101.

5. Ижтимоий фикр: главной опасностью жители Узбекистана считают религиозный экстремизм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mresearcher.com> (дата обращения: 20.04.2019).

6. Государственно-конфессиональные отношения в Республике Казахстан // Методическое пособие для государственных служащих. – Астана: МЦКР, 2014. – 113 с.

7. Шаукенова, З. К. Феномен религиозности в современном Казахстане (социологический взгляд) / З. К. Шаукенова, Е. Е. Бурова, М. К. Бектенова // Вестник КазНУ. Серия религиоведение. – 2015. - № 1. – С. 4–13.

8. Насколько казахи религиозны — цифры от эксперта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://365info.kz/2018/12> (дата обращения: 20.04.2019).

9. Элебаева, А. Б. Влияние религиозного фактора на социально-политическую ситуацию в Кыргызской республике / А. Б. Элебаева, Н. С. Эсенмананова, З. Д. Чотаев. – Бишкек, 2016. – 205 с.

10. Акилова, М. М. Религия как часть культуры и ее роль в общественной жизни Таджикистана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/religiya-kak-chast-kultury-i-ee-rol-v-obschestvennoy-zhizni-tadzhikistana> (дата обращения: 20.04.2019).

11. Атлас религий и национальностей России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sreda.org/arena> (дата обращения: 20.04.2019).

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

**ОБРАЗОВАНИЕ И РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ФАКТОРЫ
РАЗВИТИЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР НАРОДОВ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Р. В. Алиева / R. V. Alieva*

**ПЕРЕДАЧА СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЙ
ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
(НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА «БУРМИСТР» И. С. ТУРГЕНЕВА)
(TRANSFER OF SOCIAL AND CULTURAL REALITIES
IN THE TRANSLATION OF ARTISTIC TEXT
(USING THE EXAMPLE OF THE STORY “THE BURMISTR”
BY I. S. TURGENEV))**

Аннотация. В данной статье проведен анализ перевода на кыргызский язык социально-культурных реалий рассказа «Бурмистр». Выявлены несоответствия выбранных переводчиком лексем с русской действительностью, отраженной в оригинале. Также определены ошибки, приводящие к искажению национального колорита, утере настоящей информации, приводящее к ложному восприятию художественного мира.

Ключевые слова: реалии, трансляция, ментальный код, национальная картина, стиль, этнокультурное своеобразие, транскрипция, замена, лексема, описание.

Abstract. This article analyzes the translation into the Kyrgyz language of the social and cultural realities of the story “The Guardian”. The discrepancies of the lexemes chosen by the translator with the Russian reality reflected in the original are revealed. Also identified errors that lead to a distortion of the national color, the loss of this information, leading to a false perception of the artistic world.

Keywords: reality, translation, mental code, national picture, style, ethnocultural identity, transcription, substitution, lexeme, description.

В «Записках охотника» И.С. Тургеневу удалось создать русскую национальную картину мира, найти точные стилевые формы и средства для её воплощения. Наряду с портретными характеристиками персонажей, формами и средствами художественного психологизма; автор использует простонародную лексику, диалектизмы, фольклорные элементы. П.Г. Пустовойт отмечала, что писатель дорожил диалектной лексикой, бережно к ней относился и умело вводил ее в литературный обиход [1, с. 23].

Отметим, что именно передача стилового своеобразия, этнокультурного своеобразия мировидения является наиболее сложной при трансляции на другие языки, культуру с другими ментальными кодами.

* Рахилия Вахидовна Алиева, канд. филол. наук, доц., Кыргызско-Узбекский университет (Ош, Киргизия). E-mail: rahilyaa@bk.ru.

В данной статье мы попытаемся провести анализ перевода рассказа «Бурми-стр» на предмет выявления отклонений от особенностей тургеневского стиля или определение приемов точной трансформации русского колорита, просторечных и диалектных выражений, иных изобразительно-выразительных средств в кыргызоязычном тексте.

В начале рассказа, в характерной тургеневской манере даётся описание жизненного уклада и интересов помещика Пеночкина. Автор подмечает, что его «дом построен по плану французского архитектора». В кыргызском тексте данная деталь переводится: «үйү француз архитектурасынын планы боюнчасалынган», что значит – «дом построен по плану французской архитектуры». Профессия *архитектор* заменена на вид искусства *архитектура*. В начале рассказа название книги Эжена Сю «Агасфер (Вечный жид)» передано как «Түбөлүкжин». Произошла ошибочная трансформация слова «жид» на «жин».

В «Кратком толковом словаре русского языка» под редакцией А.П. Стояна даётся следующее определение: 1) «жидь – еврей, израелить, иудей. 2) бран.скряга, живодёр, ростовщик 3) клякса» [2, с. 206]. Слово «жид» и его производные употреблялись в русской речи, в том числе и в литературе. В 1882 году издан перевод пьесы Кристофера Марло «Мальтийский жид». Слово «Жин» имеет значение – бес, злой дух, демон [3, с. 79]. Значение слова в оригинале и переводе обозначают разные понятия, несут разное смысловое наполнение. Интересно, что в переводе на кыргызский язык переводчик заменяет слово *жид*, присущее европейскому сознанию, на ориентально-мусульманское понятие *жин*. Последний образ вряд ли был присущ художественной картине мира Эжена Сю и И.С. Тургенева, но вполне органичен для кыргызского переводчика, который, видимо, при переводе текста на подсознательном уровне провел замену столь разных понятий, выбрав более близкое его мироощущению.

Приведём ошибки перевода фактологического характера, искажающие смысловой контекст оригинала:

1. В предложении: «Бабы в клетчатых паневах швыряли щепками в недогадливых собак», – слово *панева* означает «юбку из трех полотнищ шерстяной, обычно полосатой или клетчатой яркой ткани, носимая крестьянками» [4, с. 143].

В переводе: «Гүлдүү чыттан жасалган кийимдерин кийип чыгышкан катындар дайны жок ажылджап чыгышкан иттердин сазайын чыбык менен берип жатышты», – *панева* передано как «гүлдүүчыттанжасалганкийим», что значит одежда из цветной хлопчатобумажной ткани. Таким образом, не достаточно полно воссоздаются бытовые реалии российского крестьянского быта. [4, с. 143].

2. Предложение: «... они выносили оттуда всякую дрянь, прустые жбаны, одеревенелые тулупы, масляные горшки, люльку с кучей тряпок и пестрым ребенком...», – переводчик перевёл следующим образом: «...алар жердн аркандай ыкыр – чыкырларды, толуп жаткан чүпүрөктөрү бар куурчактар менен баланын сүрөттөрүн ташып чыгарышып...» [5, с. 144]. В оригинале говорится о

люльке, то есть детской колыбели [6, с. 325]. в переводе об игрушках (*куурчак-тар*). Эпитет «пестрый» в оригинале относился к ребенку, так как в крестьянской семье он был обернут, чем возможно, всякими разноцветными тряпками, и поэтому выглядел пестрым. В переводе же говорится о детских картинках, рисунках (*баланын сүрөттөрүн*).

3. Междометное предложение: «Слава тебе, господи, Аркадий Павлыч, слава тебе, господи!», – в переводе: «Сага даңк, Аркадий Павлыч, сага даңк, мырзам!», – существенно меняет значение. В тексте оригинале герой славит господу, а в кыргызском переводе славится Аркадий Павлыч.

4. «Сокрушаете вы меня совсем, батюшка; известить меня не изволили о вашем приезде-то», – передаёт настроение героя И.С.Тургенев. В переводе герой испытывает совершенно другое состояние: «Өзүнүздүн келээриңиз жөнүндө кабар кылбастан, менин жанымды чыгарып жибербедиңизби». Слово сокрушать применительно к состоянию человека, имеет значение: «привести в состояние печали, в отчаяние» [6, с. 735]. Смысл данной фразы переводчик трактует: «жанымды чыгарып жибербедиңизби» [5, с. 145], что значит *разозлить, вывести из себя*, то есть такое состояние человека, когда он может выразить ответное агрессивное действие, которое *бурмистр* не мог позволить себе по отношению к господину (помещику).

Следующий эпизод: «Кучера начали вносить сундуки, ларцы и прочие удобства, стараясь умерить стук своих тяжелых сапогов», – переводится следующим образом: «Кучерлер ар кандай сандыктарды, үкөктөрдү жана бариндин толуп жаткан керек – жарактарын киргизип жатышты, өздөрүнүн оор өтүктөрүнүнүнүнүнүнүн чыгышына кубангансыгандай жылмайышты» [5, с. 144].

В оригинале кучера всячески старались умерить стук своих тяжелых сапогов, а в переводе они улыбались, радуясь стуку своих тяжелых сапог (өздөрүнүн оор өтүктөрүнүнүнүнүнүнүн чыгышына кубангансыгандай жылмайышты). Происходит искажение действий персонажей, что приводит к иному восприятию, представлению о происходящих событиях.

В тексте переводчика Р. Джумалиева наблюдаются неточности при дословном переводе отдельных лексем, обозначающих как слова-обращения, так и слова-реалии:

1) «*хомуты и армяки* чистят» – «*каамыттарды сүртүп, күрмөлөрүн* ганата-залап»;

2) «*туфли без задков*» – «*такасы жоксары сандал*». Здесь допущена ошибка в передаче формы обуви. Если в оригинале говорится о туфлях открытыми сзади, то в переводе о туфлях без каблуков.

3) «они ехали с *гумна* и пели песни» – «алар эски *кырмандан* келе жатышып-тыр»;

4) «третьего дня *сказку* подписали», – переводится буквально: «үчкүнмурда *жомокко* кол койдук». При этом в оригинале употребляется понятие: «Сказка ревизская – документ, отражающий результаты проведения ревизий податного

населения Российской империи в XVIII – первой половине XIX вв., проводившихся с целью подушного налогового обложения населения. Ревизские сказки являлись поимёнными списками населения, в которых указывались имя, отчество и фамилия владельца двора, его возраст, имя и отчество членов семьи с указанием возраста, отношение к главе семьи. Краткий словарь видов и разновидностей документов [7, с. 80]. При переводе выделенной лексемы уместно было бы применить прием комментированного перевода или описания, поскольку для читателя другой социокультурной среды лексема сказка (жомок) не передает семантические компоненты надлежащего документа. В переводе произошла потеря информации, несущей историко-культурное значение.

5) При переводе текста: «мы осмотрели *гумно, ригу, овины, сараи, ветрянную мельницу, скотный двор, зелена...*», – на кыргызский язык: «биз кырманды, үй-короосун, кой короосун, желтегирменди, мал короосун жашылчаларды ... карапчыктык», – пропущена и не переведена реалия *рига* – «сарай для сушки снопов и молотьбы» [6, с. 671].

6) «на другой день я рано поутру велел заложить свою *коляску...*» – «кийинки күнү эртең менен эрте мен өзүмдүн *арабамды* чегүүгө буйрук бердим...»;

7) «несколько мужиков в пустых *телегах* попадались нам на встречу» – «бош *арабаны* айдап келе жаткан бирканча мужик биздин алдыбыздан чыкты». Реалии *коляска и телега* переданы на кыргызском языке одной лексемой *араба*.

Множество слов, обозначающих национально-культурные реалии жизни русского народа XIX века, переданы способом транскрипции: *поместье, кучер, дворовый, ливрея, камердинер, барин, котлет, фес, оброк, барщина, батюшка, канава, флюгер, бунт, мужик, бурмистр, староста*.

Великолепно владея всей палитрой народного русского языка, Тургенев не стремился к натуралистической детализации в описании крестьянского быта, он рассматривал различные диалектные слова и выражения в качестве характерологического средства, создающего яркую экспрессию на фоне литературной нормы авторской речи [1, с. 20].

В этой связи нам было интересно проследить за передачей простонародной диалектной лексики, которые выражены в словах-обращениях, в высказываниях Сафрона (бурмистра).

В речи Сафрона часто звучит обращение к господину Пеночкину – батюшка:

– «Насилу – то изволили пожаловать! Ручку, *батюшка*, ручку...»;

– «Да, *батюшка*, Аркадий Павлыч, – продолжал неугомонный бурмистр»;

– «Размежевались, *батюшка*, все твоею милостью»;

– «Как же, *батюшка*, Егор Дмитрич, как же»;

– «Да что, *батюшка* Аркадий Павлыч, позвольте вам доложить...».

Каждый из указанных эпизодов передается в кыргызском тексте по-разному:

– «Колуңузду, *батюшка*, колуңузду». В данном случае в переводной текст способом транскрипции перенесено звуковое выражение слова-обращения.

В иных случаях переводчик передал русское обращение *батюшка* кыргызскими лексемами обиходного просторечного характера:

- «Ой – *агабай*, Аркадий Павлыч, – депулантты безилдеген бурмистр»;
- «Өзүндүн ырайымың астында, *агажан*, размежевать эттик»;
- «Эмнедесениз, *атажан*, Аркадий Павлыч, бизде бир иш чыкты, ал иш жөнүндө билдируүгө уруксат этиңиз».

Придавая слову *батюшка* разговорный характер, переводчик использовал суффиксы ата – *бай*, ага – *жан*, ата – *жан*.

Употребляя в каждом отрывке новое кыргызское слово для передачи одной и той же лексемы, переводчик выиграл в выразительности своего текста, в его обогащении просторечиями, что помогло ему приблизиться к тургеневскому стилю.

Приведём примеры трансляции русских слов выражениями, фразеологическими просторечными единицами кыргызского языка: *приказал стащить* – *сүйрөп тааштоогобурдум*; *двести рублей – как калач* – *нансыяктууэки-жүзсомду*; *заест* – *сойбой канын ичет* (выпьёт кровь); *забьет* – *сазайын колуна берет* (отомстит сполна), *невтерпежь* – *жаны ачыгандан кийин* (если душа болит); *с ума спятил* – *эсимден танып баратсам* (выбор идентичной фразеологической единицы); *сначала поломались* – *кежигесин кекр тартышты* (эквивалентный выбор фразеологической единицы).

В целом переводчику удалось передать жанрово-стилевые особенности рассказа И.С. Тургенева, раскрыть социальную и историко-культурную эпоху, национальное мировидение, речевые характеристики персонажей.

Обогатил переводной текст фразеологизмами из разговорного языка, яркими диалогами, раскрывающими события и психические характеристики героев. При переводе цвета, формы, предназначения предметов, обозначения социально-культурных и национальных реалий выявлены несоответствия.

В некоторых случаях были выявлены ошибки фактологического характера, когда предмет передавался лексемой, обозначающей совершенно другой предмет или понятие, что приводило к иной ложной трактовке образа.

В некоторых эпизодах имеются смысловые несоответствия целых выражений, оборотов речи, которые исказили оригинальное представление о настоящих событиях, действиях.

При передаче историко-культурных реалий русской действительности 19 века, переводчик воспользовался или приемом дословного перевода, или заменой русской реалии кыргызской. Такой подход не является оптимальным и в большинстве случаев приводил к замене российской действительности кыргызской и потере национального своеобразия оригинального текста.

Перевод на кыргызский язык произведения И.С.Тургенева «Бурмистр» переводчиком Р. Джумалиевым, несмотря на некоторые неточности, можно считать успешным достижением в кыргызском переводческом искусстве. Через восприя-

тие перевода Р. Джумалиева кыргызский читатель открывает для себя неповторимый художественный мир Тургенева.

Библиографический список

1. Пустовойт, П. Г. И. С. Тургенев – художник слова / П. Г. Пустовойт. – М.: МГУ, 1987.
2. Краткий толковый словарь русского языка / А. П. Стоян. – М., 1913. – 206 с.
3. Мусаев, В. Кыргызско-русский и русско-кыргызский словарь / В. Мусаев. – Б.: Раритет Инфо, 2003. – 79 с.
4. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова. – М., 2006. – 144 с.
5. Тургенев, И. С. Записки охотника. Перевод Р. Джумалиева / И. С. Тургенев. – Фрунзе: Кыргызмамбас, 1954.
6. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М., 1990.
7. Краткий словарь видов и разновидностей документов / Главархив, ВНИИДАД, РГАДА. – М., 1974. – 80 с.

Д. В. Аникин / D. V. Anikin*

**РУССКИЙ МИР И НОВОПЕРСИДСКИЙ КОНТИНУУМ: ПРОБЛЕМЫ
ИНТЕГРАЦИИ И ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ
(THE RUSSIAN WORLD AND THE NEW PERSIAN CONTINUUM:
PROBLEMS OF INTEGRATION AND LANGUAGE POLICY)**

Аннотация. Риторико-политическая стратегия Русского мира выступает концептуальной основой новой спациальной политики. В ситуации коммуникации культур стратегия Русского мира становится стратегией соизучения культур и языков стран ШОС, коммуникации с новоперсидским континуумом, существующим на территории Центральной Азии и распространяющимся от Ирана до афгано-пакистанской границы. При интеграции концепции Русского мира и онтологии новоперсидского континуума важна разработка спациальных аспектов языковой политики трансграничных территорий.

Ключевые слова: Русский мир, Новоперсидский континуум, Шахнаме, Фирдоуси, языковая политика, спациальная политика.

Abstract. The rhetorical and political strategy of the Russian World is the conceptual basis of the new spacial policy. In the situation of cultural communication, the strategy of the Russian World becomes a strategy of studying the cultures and languages of the SCO countries, communication with the New Persian continuum, which exists in Central Asia and extends from Iran to the Afghan-Pakistan border. When integrating the concept of the Russian world and the ontology of the New Persian continuum, it is important to develop the spatial aspects of the language policy of cross-border territories.

Keywords: the Russian World, the New Persian continuum, Shahnameh, Ferdowsi, language policy, spacial policy.

Политика в отношении соотечественников и концепция Русского мира, как считает И. Зевелев [1], задумывались в качестве инструментов, позволяющих одновременно чтить постсоветские границы и решать проблемы тех, кто не воспринимал их как полностью легитимные. Постепенно эта концепция преобразуется в риторико-политическую стратегию, которая, в свою очередь, становится концептуальной основой новой спациальной политики. В качестве элемента этой спациальной политики выступает языковая политика.

Элементом современной языковой политики, на наш взгляд, должен стать элемент методический, предполагающий совершенствование лингвокультурных навыков представителей контактирующих территорий. В методике преподава-

* **Денис Владимирович Аникин**, канд. филол. наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: anikin@edu.asu.ru.

ния иностранных языков значимость приобретает методика соизучения иностранных языков и культур, или методика кросскультурном соизучения языков [2, 3], которая приобретает особую актуальность для модернизации коммуникативной стратегии «Русский мир» в условиях возобновления миграционных потоков в третьем тысячелетии.

Значимость приобретает при накоплении языкового капитала коммуницирующими территориями и их представителями овладение специальными навыками, которые формируются через лингвокультурные умения и компетенции масштабирования реальности, в том числе, семантической и информационной.

Масштаб реальности определяется представлением фактов в логическом пространстве, в котором положение знака определяется его окружением, степенью близости пребывания в пространстве других знаков [4]. В таком случае знак является самостоятельной формой или частью формы, а относительный семантический континуум – совокупностью понятий, с которыми знак может быть связан. Это – «сгусток» содержимого или маркерная последовательность значений. В ситуации коммуникации культур стратегия «Русский мир» становится стратегией соизучения культур и языков стран ШОС, коммуникации с новоперсидским континуумом, существующим на территории Центральной Азии и распространяющимся от Ирана до афгано-пакистанской границы. Континуумом принято называть все народы, способные понимать друг друга и говорящие на языке одной семьи.

В история становления и развития новоперсидского континуума возможно говорить о существовании трех периодов: 1) древнего – функционирование древнеперсидского языка засвидетельствовано в древнеперсидских клинописных памятниках VI—III вв. до н. э.; 2) среднего – функционирование среднеперсидского языка представлено разнообразными письменными памятниками с IV в. до н. э. по VIII—IX вв. н. э.; 3) нового – функционирование новоперсидского языка (классического персидского/персидско-таджикского) и образовавшихся на его базе современных языков – персидского, таджикского и дари [5].

Д. Марк, М. Эгенхофер [6] отмечают, что семантика пространственных отношений многомерна, что влияет на выбор слов пользователями языка. Это значения объектов, форма объектов и их масштаб, отношения в пространстве между объектами. Уровень культуры влияет на выбор слов, образование и качество естественного языка индивидов, использующих пространственные термины. Концепция Русского мира и методика соизучения культур преобразует уровень культуры коммуницирующих представителей особенно сопредельных территорий, оценку масштаба реальности и отношений в пространстве между субъектами.

В.В. Ксенофонов считает, что литература и искусство отражают сущность русского мира, бытие народа через реализацию гносеологической, онтологической, аксиологической функций [7]. Онтологическая функция искусства и литературы способствует реализации потребности людей к объединению для сов-

местного преодоления возникающих трудностей и испытаний. Это обуславливает консолидирующую роль в общественном и эстетических идеалов, рассматриваемых как универсальное средство решения проблем взаимодействия личности и общества и раскрываемых через эстетический идеал героических поступков.

Эстетические идеалы прошлого создает особый масштаб синхронной реальности. В этом плане актуально погружение в новоперсидский континуум через текст «Шахнаме» Фирдоуси, который содержит точные сведения об исламских и общечеловеческих проблемах, утверждая ценность человеческую жизнь, жизнь каждого человека в выразительной вербальной форме [8].

Приобретаемые навыки тщательного прочтения «Шахнаме» могут быть использованы для совершенствования коммуникативной стратегии «Русский мир». Методика соизучения языков и культур позволяют на персональном уровне связать область специальных знаний, ментальные карты и соотносимые с ними темы с коммуникативными стратегиями конструирования виртуальной – «воображаемой» – реальности и ее масштабирования.

Особо значимым при интеграции концепции Русского мира и онтологии новоперсидского континуума является понимание того, как люди рассуждают, чтобы получить новые знания, какова роль в их жизни различных источников географической информации и как они строят свои отношения с окружающим миром.

Важным в современной политической ситуации является модернизация концептуального содержания терминологического сочетания «Русский мир» через разработку специальных аспектов языковой политики трансграничных территорий.

Библиографический список

1. Zevelev, I. The Russian World in Moscow's Strategy [Электронный ресурс] // Center for Strategic and International Studies. – 2016. – Т. 22. – URL: <https://www.csis.org/analysis/russian-world-moscows-strategy> (дата обращения: 07.08.2019).
2. Современная методика соизучения иностранных языков и культур / Под общ. ред. М. К. Колковой. – СПб.: КАРО, 2011. – 200 с.
3. Карандасова, Е. Д. Методика соизучения языков и культур в основной школе в условиях мегаполиса. Дисс. ... на соиск. уч. степ. канд. пед. наук. – М., 2012. – 203 с.
4. Khalina, N. V., Valulina, E. V., Anikin, D. V. Topological semantics: foundations of the description of the spatial distribution of propositional signs // Russian linguistic Bulletin. – 2017. – №. 4. – С. 49-53.
5. Языки мира: Иранские языки. I. Юго-западные иранские языки. – М.: Индрик, 1997. – 207 с.

6. Mark, D. M., Egenhofer, M. J. Topology of Prototypical Spatial Relations Between Lines and Regions in English and Spanish // Proceedings of Ксенофонов В.В. Русский мир и глобализация // Век глобализации. – 2009. – №2. – С. 172-177.

7. Zanalimahmodabadi, M., Amirahmadi, A., Eshghisardehi, A. Comparison of the Wise and Philosophical Ideas in Ferdowsi's Shahnameh and Nasser Khusraw's Book of Poems // Journal of History Culture and Art Research. – Vol. 6. – No. 2, March 2017. – С. 624-635.

**Н. Ю. Бухнер, Н. В. Цыганенко / N. Yu. Buhner,
N. V. Tsyganenko***

**РУССКИЙ МИР В ИНТЕРПРЕТАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ
(RUSSIAN WORLD IN STUDENT'S UNDERSTANDING)**

Аннотация. В статье представлены результаты исследования когнитивных признаков, составляющих содержание концепта «Русский мир», репрезентированного в обыденном сознании студенческой молодежи.

Ключевые слова: Русский мир, социокультурная идентичность, студенты, концепт.

Abstract. The article is presented the results of cognitive signs studies that make up the content of the «Russian World» concept, represented in the ordinary consciousness of students.

Keywords: Russian World, socio-cultural identity, students, concept.

Одним из основных компонентов мировоззрения молодежи является социокультурная самоидентификация – чувство принадлежности к определенному этносу, определенной культуре. В отличие от предшествующих поколений, современной молодежи приходится делать идентификационный выбор в условиях неоднозначности социальных трансформаций. Поскольку молодежь очень восприимчива к внешним воздействиям, нам видится важным способствовать сохранению их идентичности с российской, русской культурой. В связи с этим интересно рассмотреть, насколько обобщенная категория «Русский мир» интегрирована в пространство повседневных представлений студенческой молодежи. Безусловно, данное понятие не исчерпывает всего многообразия возможностей социокультурной идентичности молодых людей, но кажется интересным с точки зрения его близости и актуальности для современной молодежи, которая, благодаря современным технологиям, включается в процессы глобализации.

Экскурс в историю позволяет сделать вывод о том, что понятие «Русский мир» существует на протяжении многих веков. Исторические источники указывают на его употребление во второй половине XI века [1]. Наиболее активные обращения к данной категории как к устойчивому словосочетанию начинаются в 19 веке. Существует мнение, что впервые понятие «Русского мира» предложил граф Уваров [2]. С 1871 выходит газета «Русский мир», характеризовавшаяся ярко выраженной славянофильской направленностью.

* **Наталья Юрьевна Бухнер**, канд. социол. наук, **Наталья Викторовна Цыганенко**, канд. социол. наук, Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова (Барнаул, Россия). E-mail: nbuhner@mail.ru, ziganenkonw@mail.ru.

В современной интерпретации Русский мир выступает как культурно-историческая идея международного, межгосударственного и межконтинентального сообщества, объединённого причастностью к России и приверженностью к русскому языку и культуре [3]. По мнению ученых, слово «русский» указывает на исторические корни общности, общий исток которых в древней Руси, а под слово «мир» понимается как «весь свет», «все люди» [4].

Следует отметить, что трактовка понятия «Русский мир» не однозначна и может быть «идеологически нагружена». Некоторые исследователи считают, что «Русский мир» отражает реальное геополитическое и социокультурное явление; по мнению других – является политическим лозунгом, отражающим постимперские настроения части российского общества.

По определению О. Н. Батановой, категория «Русский мир» является обозначением цивилизационного, социокультурного и наднационального пространства, охватывающего около трети миллиарда русскоязычных людей, которые обладают духовными и ментальными признаками русскости и равнодушны к судьбе и месту России в мире [5]. Е. И. Пивовар следует расширенной трактовке «русского мира» как глобального цивилизационного феномена, охватывающего 300 миллионов человек, говорящих по-русски и интересующихся русской культурой, как в России, так и в ближнем и дальнем русском зарубежье [6]. П. Г. Щедровицкий предложил геоэкономическую трактовку «Русского мира» как сетевой структуры «больших и малых сообществ, думающих и говорящих на русском языке» [7].

Таким образом, мы видим, что категория «Русский мир» является объектом внимания ученых. Но насколько она близка или далека от повседневных представлений россиян? Полагаем, что ответ на данный вопрос могут дать комплексные исследования. Мы попытались в рамках небольшого исследования сделать определенные шаги в этом направлении, сочетая методы социологического и лингвистического анализа.

Объектом настоящего исследования выступают структура и содержание концепта «Русский мир», предметом исследования являются языковые средства актуализации когнитивных признаков «Русского мира» у студенческой молодежи. Цель исследования состоит в выявлении когнитивных признаков, составляющих содержание концепта «Русский мир», репрезентированных в обыденном сознании студенческой молодежи. Специфика исследования заключается в моделировании представления о «Русском мире» как особом социальном, политическом и культурном феномене с опорой на словарные дефиниции, частоту употребления в современном языке и представления отдельной социальной группы.

Методологической базой исследования послужил когнитивный подход к исследованию социокультурных явлений А.А. Залевской, Е.В. Лукашевич, В.А. Пищальниковой. В качестве основного использовался метод свободного ассоциативного эксперимента, который позволяет зафиксировать ассоциативный ряд усредненного респондента, построить и проанализировать ассоциативные взаимо-

связи между социальными явлениями и языковыми средствами, выражающими отношение к ним.

Фактологическую базу первой стадии исследования составили дефиниции понятия «Русский мир» в Интернет-словарях, статистика частоты его употребления в поисковых системах (например, в «Национальном корпусе русского языка» (www.rus.corpora.ru), ресурсах Интернет – сервисов Google (google.com/ngrams) и Яндекс (wordstat.yandex.ru).

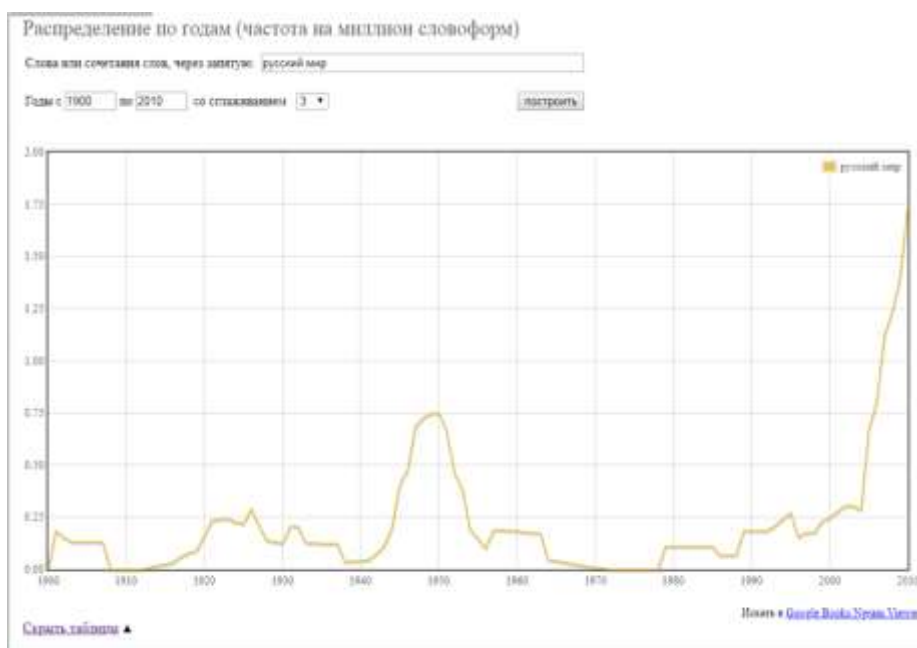

Рис.1. Диаграмма «Частота использования словосочетания «Русский мир» в русскоязычной литературе

С помощью поискового ресурса «Национальный корпус русского языка», мы установили, что для исследуемого словосочетания «Русский мир» среди источников, расположенных в сети Интернет найдено и проанализировано 1314 документов, в которых встречается около 5 тысяч контекстов его использования [8].

Согласно статистическим данным, частота употребления словосочетания «Русский мир» возрастает параллельно процессам распада СССР. Щедровицкий П.Г. определил период актуализации этого понятия в середине 1990-х годов как ситуацию, «когда государство уехало от своих граждан» [7], и самоидентификация с русским языком, русской культурой, русским сообществом являлась способом самосохранения граждан бывшего СССР, причем, важно, не только русских по этнической принадлежности. Пик интереса к данному концепту приходится на 2003 год и к 2014 году достигает максимального значения (рис. 1, таблица 1).

Таблица 1 – Частота использования словосочетания «Русский мир» в русскоязычной литературе

Год	Количество найденных документов	Число словоформ
2015	4	845230
2014	26	1316853
2012	1	2351268
2010	6	2015036
2009	4	3025714
2008	7	2604095
2005	1	2318237
2004	4	9678260
2003	12	15494821
2002	4	10908038
2000	1	6630351

Наиболее часто концепт «Русский мир» встречается в публицистике и иных жанрах нехудожественной литературы (таблица 2).

Таблица 2 – Распространенность концепта «Русский мир» в соответствии с жанром литературы

Значение	Найдено документов	Найдено словоформ
публицистика	55	94 (81.03%)
художественная	10	10 (8.62%)
учебно-научная	8	8 (6.90%)
электронная коммуникация	2	3 (2.59%)
церковно-богословская	1	1 (0.86%)

Анализ распределения концепта по типу текстов так же доказывает, что его смысловой центр смещен в сферу общественно-политической жизни и чаще всего находит отражение в публицистических текстах. Так, наиболее часто он встречается в статьях (24 документа, 50 словоформ, что составляет 43% от всего объема текстов); мемуарах (8 документов, 10 словоформ), заметках (3 документа, 6 словоформ), романах (4 документа, 4 словоформы) и далее по 1-2 документа в приказах, повестях, эссе, лекциях, интервью и пр.

Тематический анализ текстов, содержащих концепт «Русский мир» показывает, что он распространен в следующей тематике:

- «политика и общественная жизнь | армия и вооруженные конфликты» – 19%,
- «политика и общественная жизнь» – 15%,
- «искусство и культура» – 8%,
- «бизнес, коммерция, экономика, финансы» – 4%,
- «религия» – 3%,
- «культурология» – 3% и др.

Согласно поисковой системе wordstat.yandex.ru к концепту «русский мир» было сделано 364 881 запросов в месяц (март 2019 г.). При этом в чистом виде концепт фактически не встречается, он связан с такими поисковыми запросами как: «особенности русского мира» – 19 771, «два русских мира» – 10 841, «русские лучшие в мире» – 10 356, «Россия, русский мир» – 7 085 и другими. Отчасти эти запросы отражают стереотипы об «особой, русской душе» и об этноцентризме некоторой части российского общества.

Безусловно, на уровне обыденного сознания мы обнаруживаем несколько иные признаки концепта «Русский мир». Наше экспериментальное исследование показало включенность в концепт представлений о загадочности русского мира. Этноцентристская тенденция в ходе эксперимента не зафиксирована. В сознании респондентов преобладает восприятие русского мира как социокультурной общности.

В качестве структурных оставляющих социокультурного концепта «Русский мир», могут быть выделены следующие компоненты: понятие, представление, эмоция/оценка, индивидуальные ассоциации (методика В. А. Пищальниковой и Е.В. Лукашевич [9]). Используя данную методику в феврале 2019 года нами был проведен ассоциативный психолингвистический эксперимент среди 106 студентов 1 и 2 курсов Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова. Методика проведения эксперимента заключалась в том, что респондентам был предложен стимульный материал в виде анкет, содержащих список из 10 слов-стимулов. Рядом с каждым словом-стимулом анкеты респонденты написали одно слово-реакцию, которое первым пришло в голову по прочтении.

Полученные в результате эксперимента реакции распределились по компонентам концепта в соответствии с особенностями зафиксированного в них знания следующим образом: к понятию было отнесено 13,2% ассоциаций, к представлению – 51,8%, к эмоции/оценке – 35% (диаграмма 1). Необходимо отметить, что большая часть полученных стимулов-реакций отнесена к такому компоненту концепта как представление, что свидетельствует о том, что в наивной картине мире студентов Алтайского края закреплён сформированный в ходе когнитивного процесса определенный образ Русского мира.

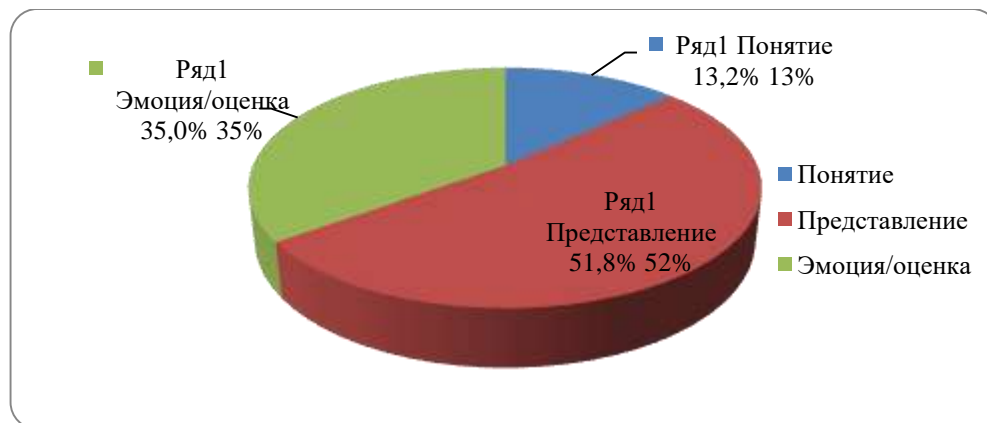

Диаграмма 1. Распределение реакций-стимулов по компонентам концепта (в %)

Такой компонент концепта, как понятие, на долю которого пришлось 14 реакций (13,2% от общего числа) содержит в себе ассоциации, отражающие наиболее общие знания о Русском мире. Наиболее частотной является реакция Россия (7), указывающая на то, что именно государственная принадлежность определяет понятие Русский мир, иными словами Русский мир находится на территории России, на Российской земле – Земля (1), на которой живут люди (1). Другая группа реакций содержит в себе отражение этнической идентичности респондентов и содержит такие реакции как: народ (1), славяне (1) и универсальное понятие Родина (1), присутствующее в любой культуре, а также православие (1) – религию, олицетворяющую Русский мир.

Реакции-представления заняли самую многочисленную группу (55 или 51,8% от общего числа ассоциатов). Большинство реакций представлений (29 или 52,3% от общего числа такого вида реакций) фиксируют *социально-культурные особенности*, присущие русскому миру:

- **языковое наследие:** русский язык (2);
- **историческое наследие:** история (1), большевики (1);
- **литературное наследие:** литература (2), Толстой (5), Есенин (2), Пушкин (2);
- **культурное наследие:** балет (1);
- **традиции:** традиции (1), в том числе наиболее значимые праздники: Новый год (1), 9 мая (1);
- **народная культура и стереотипы восприятия:** хохлома (1), медведь (2), балалайка (3), водка (1), береза (1), стереотипы (1);
- **символ Русского мира:** Солнце (1).

Вторая группа реакций-представлений связана с *политикой и государством* (14 или 25,5% от общего числа такого вида реакций):

- **глава государства и результаты его непосредственной деятельности:** Путин (5), договор (2), мирный договор (1), демократия (1), диктатура (1);
- **международные отношения:** Украина (1), Дональд Трамп (1);

- **внутригосударственные события:** пенсия (1), отключение интернета (1).

Реакции, отнесенные к данной группе, представляют собой, прежде всего актуализированную в последнее время проблематику, а реакции пенсия (1) и отключение интернета (1) связаны с обсуждаемой в СМИ тематикой повышения пенсионного возраста и того, что в России будет свой автономный интернет.

Третью группу реакций-представлений составляют 11 ассоциатов (20% от общего числа реакций-представлений), отражающие *природно-территориальные особенности*: территория (1), природа (2), лес (2), поле (1), Барнаул (1), Поток (1), деревня (1); и *особенности жизнедеятельности в России вообще*: жизнь людей (1), жизнь в России (1).

В единичной реакции-представлении Фонд (1), зафиксировано знание респондентов о существовании Фонда «Русский мир», как одной из организаций, занимающейся продвижением русской культуры и русского мира.

Реакции, отнесенные к эмоционально-оценочному компоненту концепта составили 35% (37 от общего количества полученных ассоциатов). Они отражают отношение респондентов к Русскому миру, которое носит градуированный характер по шкале «положительное/отрицательное».

Большинство реакций (23 или 62,1% от общего числа эмоционально-оценочных реакций) фиксируют положительное отношение респондентов к Русскому миру. 32,3% (12 реакций) характеризуют его как общность – **Большой, дружный и единый Русский мир** (сообщество (1), един (1), единый (1), для всех (1), весь (1), дружба (1), могуч (1), огромен (1), духовные скрепы (1), скрепы (1)), объединенный качеством патриотизм (1) и целью – мир во всем мире (1).

В пяти реакциях респонденты зафиксировали **личностные качества**, присущие представителям Русского мира, такие как гордость (1), терпение (1), сила (1), щедрый (1), хороший (1).

Совокупность культурных и умственных особенностей, присущих представителям Русского мира, были отнесены в группу **ментальные особенности** представителей Русского мира и представлены реакциями, в общем виде отражающими определенный образ мысли: ментальность (1), идейность (1). Также к позитивной оценке, можно отнести ассоциаты, связанные с фиксацией «загадки» русской души и Русского мира: его невозможно познать (познание (1)), он интересный (2), странный (1).

Две эмоционально-оценочные реакции можно отнести к нейтральным, не содержащим ни положительной, ни отрицательной оценки. Они отражают тенденции, связанные с «особым путем» и содержат призыв к динамичному развитию: Русские вперед (1), Вперед Россия (1).

Отрицательное отношение к Русскому миру зафиксировано в 12 реакциях (32,4% от общего числа эмоционально-оценочных реакций). В этих ассоциатах отражаются такие специфические черты, как:

- **противоречивость и чуждость/отстраненность:** другой (1), не только русский (1), оксюморон (1), трудности (1);

- **враждебность и опасность:** война (2), национализм (1), расизм (2);
- **хаотичность и безнадежность:** мрак (1), свалка (1), дно (1).

Таким образом, мы обнаруживаем, что в сознании студенческой молодежи концепт «Русский мир» оказывается достаточно богат смыслами. Проведенное ассоциативное исследование позволяет говорить об актуальности дальнейших исследований в других социально-демографических группах.

В заключение отметим, что исследование концепта «Русский мир» позволяет обнаружить некоторые направления духовного осмысления современным молодым человеком своего социального пространства и выявить способы его языковой объективации. Концепт «Русский мир» – значимый и динамичный, о чем свидетельствуют его многочисленные, неоднозначные интерпретации.

Библиографический список

1. Слово на обновление Десятинной церкви [Электронный ресурс] / Предисловие и подготовка текста С. В. Перевезенцев. Перевод с древнерусского языка Ю. А. Бегунова). – Режим доступа: <https://portal-slovo.ru/history/35613.php> (дата обращения: 07.04.2019).

2. Можегов, В. О. О русской идее, триаде графа Уварова и универсальности христианства. [Электронный ресурс] / В. О. Можегов. – Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/print1593.htm> (дата обращения: 07.04.2019).

3. Тишков, В. А. Русский мир: смысл и стратегии [Электронный ресурс] / В. А. Тишков // Стратегии России. – 2007. – №7. – Режим доступа: <http://sr.fondedin.ru/> (дата обращения: 07.04.2019).

4. Симонов, В. В. Христианская цивилизация: система основных ценностей, формы организации знания, культурная и социальная реализация, прогноз: Мировой опыт и российская ситуация. / В. В. Симонов // Христианская цивилизация: система основных ценностей. Мировой опыт и российская ситуация. – 2007. – № 3. – С. 10–46.

5. Батанова, О. Н. Концепция русского мира: зарождение и развитие / О. Н. Батанова // Вестник Национального института бизнеса. – Москва, 2008. – Вып. 6. – С. 83–91.

6. Пивовар, Е. И. Русский язык и русский мир как факторы социокультурного диалога на постсоветском пространстве / Е. И. Пивовар // Гуманитарные чтения РГГУ – 2010. Пленарное заседание «Диалог культур и партнерство цивилизаций: формирование глобальной культуры». – Москва, 2010. – С. 167–170.

7. Щедровицкий, П. Русский мир. Возможные цели самоопределения / П. Щедровицкий. // Независимая газета. – 14.02.2000.

8. Русский мир [Электронный ресурс] // сайт Национальный корпус русского языка. – Режим доступа : <http://rus.corpora.ru> (дата обращения: 07.04.2019).

9. Пищальникова, В. А. Общее языкознание / В. А. Пищальникова. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2001.

Е. В. Валюлина / E. V. Valuline*
**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ РУССКОГО МИРА
В КИТАЙСКИХ МЕДИА
(LINGUISTIC PORTRAIT OF THE RUSSIAN WORLD
IN THE CHINESE MEDIA)**

Аннотация. В статье рассматриваются образные конструкции и концептуальные единицы, используемые в информационно-оценочном поле газеты «Jenmin Jibao» («Жэньминь Жибао»).

Ключевые слова: «Жэньминь Жибао», китайские медиа, информационно-оценочное поле, русская национальность.

Abstract. The article deals with figurative structures and conceptual units used in the information and evaluation field of the newspaper "Jenmin Jibao" ("People's Daily").

Keywords: "Jenmin Jibao", Chinese media, information and evaluation field, Russian nationality.

Средой формирования и существования русского мира является не только среда реальной коммуникации, где главенствующую роль играет русская литература, но и виртуальная среда, формируемая современными медиа. В 2016 и 2017 Китай и Россия вышли на новый уровень информационного обмена, когда эти года были поименованы «Годами обменов СМИ Китая и России» [1].

Особого внимания, в связи с этим, заслуживает изучение содержания российских новостей в информационном поле китайских медиа, формирующих имидж России в своем информационно-оценочном пространстве.

В информационно-оценочном пространстве газеты «Jenmin Jibao» («Жэньминь Жибао») осуществляется репрезентация духовной жизни российского общества, что важно для создания положительного имиджа страны. Наряду с положительной оценкой деятельности первого лица государства, как считает Лай Линчжи, должны быть представлены и русская культура, и язык, и традиции народа [1].

По оценке авторитетнейшего китайского медиа «Жэньминь жибао», русская национальность в саду национальностей Китая являет собой изумительный цветок [2]. По данным всекитайской переписи населения, проведенной в 2000 году, численность русских Китае составляет 15 тысяч 600 человек. Для определения характера русских в медиа используются эпитеты 'теплый', 'сердечный', умеют петь и танцевать. Образ жизни русской диаспоры представлен концептуальными

* Екатерина Владимировна Валюлина, канд. филол. наук, доц., Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: serev@ya.ru.

ми структурами ‘сохранение традиционной культуры’ и ‘бытовые обычаи русской национальности’.

Территорией компактного проживания русских в Китае является русская национальная волость Шивэй под городом Эргуна Автономного района Внутренней Монголии, в котором находится первый в Китае Этнографический музей русской народности. В этом музее демонстрируются картины жизни русской национальности в Китае.

Безусловно, привлекают внимание русские топонимы, которые, с одной стороны, позиционируют присутствие Русского мира в китайском культурном пространстве, с другой стороны, демонстрируют формы лингвистической интеграции семантики территории и семиотики русской культуры. Поселку Пограничный в уезде Сюнькэ провинции Хэйлунцзян подчинено село Сяодинцзыцунь, в котором проживают более 900 человек, из которых почти половина населения представители русской национальности. С разрешения правительства уезда Сюнькэ провинции Хэйлунцзян село Сяодинцзыцунь переименовано в село Русское Пограничное.

При построении Русского мира в Китае используется семиотические системы русского и китайского языков: русская национальность имеет свой язык, письменность, но при этом владеет китайским письмом и осуществляет коммуникацию на китайском языке.

Особенности русской национальности видятся в соблюдении церемоний и вежливости. Особым уважением пользуется женщина, которой мужчины оказывают знаки внимания и о которой они заботятся. В качестве знаков внимания к женщине приводятся перформативные жесты ‘уступить дорогу и место в транспорте’ и ‘открыть перед женщиной дверь’. Понятие этикета *ли* объясняет, по мнению Н.В. Тен [3], почему китайцы позитивно оценивают вежливость русских в повседневной жизни. Ценность *вэнья*, приобщенности к нормам культуры, также определяет положительное восприятие в Китае информации о высоком уровне образования в России.

В китайских медиа делается акцент на высоком отношении русских к женщине, наследуемом из поколения в поколение, гостеприимстве русских. Отмечается, что русские тепло и сердечно принимают своих гостей и угощают их всем, что только есть.

Уступить место, тепло и сердечно; угощать всем, что только есть – предикаты, составляющие строевые элементы Русского Мира в Китае, репрезентанты русской национальности в семантике китайского коммуникативного пространства.

Русский мир связывается, конечно же, с национальными праздниками, наиболее ярким из которых признается Пасха: «В деревнях праздник Пасху проводят очень торжественно. В каждой семье готовят свои кондитерские изделия и крашеные красные вареные яйца. В тарелках они кажутся разнообразными и разноцветными клумбочками. Говорят, что это символизирует жизнь и процве-

тание. Во время праздника Пасха, кроме наслаждения разными деликатесами русские, умеющие петь и танцевать, всегда с большой радостью поют свои переливчатые национальные песни и танцуют свои веселые национальные танцы. Причем все люди, от мала до велика, принимают участие в праздновании, что создает атмосферу бурной радости» [2].

Атмосфере праздника, который порождается Русским миром, дается особая оценка – это атмосфера бурной радости, т. е. высшей степени проявления радости, которая обусловлена не столько обстоятельствами, мотивирующими появление эмоции, сколько врожденными чертами представителя русской национальности. Состояние “бурная радость” не возникает случайно, оно подготавливается свойством характера – ‘получать наслаждение’ от вкушения пищи, пения, танцев, делать все ‘с большой радостью’. Семантика радости, свойственная русским, передается в медийном нарративе атрибутами ‘переливчатый’ (о национальных песнях) и ‘веселый’ (о национальных танцах).

Н.В. Тен [4] обращает внимание на то, что к моменту создания Шанхайской организации сотрудничества и подписания российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве в 2001 г. Россия в представлении китайцев приобретает образ страны, вышедшей на путь стабильного внутреннего развития и начала отстаивания своих интересов на мировой арене. В качестве необходимого условия развития КНР признается стратегическое партнерство с Россией. В материалах газеты «Жэньминь жибао», наряду с формулировкой «стратегическое партнерство», стали употребляться семантические конструкции, моделирующие стратегические коммуникации между экономическими и культурными партнерами – «доверительные отношения» и «взаимное доверие».

Концепция дуальности «русской души» в Китае воспринимается негативно, поскольку предполагает необоснованные переходы из крайности в крайность, что негативно, как считают китайцы, влияет на российскую внешнюю политику. Подобное отношение к дуальности «русской души» в Китае, объясняется тем, что китайской культуре стремление к гармонии и избеганию крайностей (*чжун юн*) является одной из традиционных ценностей.

Сформировавшиеся в китайских научных кругах концепции российской цивилизации и русского менталитета, которые могут составить содержание китайской концепции Русского мира, получили отражение в литературе для массового читателя, телепередачах, китайском интернет-пространстве, публичных лекциях. Особо выделяется две группы образов России и, соответственно, две дистрибутивные концептуальные системы: 1) негативная оценка территориальных притязаний России и на основе этого создание негативного образа России; 2) благожелательное отношение к России, сформировавшееся и формирующееся носителями *элосы цинцзе*, «особых чувств к России».

Современный «китайский» Русский мир складывается из нативного образа – ‘большая страна с суровым климатом’, ‘страна, обладающая богатыми природными ресурсами’ – и цивилизационного статуса России – ‘важный участник

международных отношений, не принимаемый в европейском, западном, сообществе, но стремящийся в него влиться'. Важнее место в китайском образе России занимает наука, интегрированная с культурой, приносящая России статус страны великих достижений.

Библиографический список

9. Лай Линчжи. Языковые аспекты формирования имиджа России в китайских СМИ // Гуманитарный вектор. – 2018. – Т. 13, № 1. – С.130-135.

10. «Жэньминь жибао» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://asiarussia.ru/articles/4763/> (дата обращения: 01.03.2019).

11. Тен, Н. В. Образ России в современном Китае (1991–2010): автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. н. – М., 2012. – 29 с.

12. Тен, Н. В. Образ России на страницах газеты «Жэньминь жибао» в 1991–2012 гг. // Вестник РУДН, серия Всеобщая история. – 2014. – С.36-50.

О. А. Вольф, Е. В. Шахаева / O. A. Volf, E. V. Shakhaeva*

**ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР ПРИ ОБУЧЕНИИ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ (НА ПРИМЕРЕ ХАКАССКОГО
ГОСУНИВЕРСИТЕТА ИМ. Н. Ф. КАТАНОВА)
(POSSIBILITIES OF THE DEVELOPMENT OF THE DIALOGUE
OF CULTURES DURING TEACHING RUSSIAN AT A UNIVERSITY
(BY THE EXAMPLE OF KATANOV KHAKASS STATE UNIVERSITY))**

Аннотация. Обучение русскому языку в вузе является обязательным для всех направлений бакалавриата. Авторы статьи полагают, что перед изучением русского языка студентам необходимо изучить такие общетеоретические вопросы, как универсальность языка как знаковой системы и проблемы лингвистического разнообразия. Эти знания позволяют формировать у обучающихся не только навыки коммуникации на русском языке, но и межкультурную компетенцию.

Ключевые слова: русский язык, хакасский язык, диалог культур, межкультурная коммуникация.

Abstract. Teaching Russian at the University is mandatory for all bachelor's programs. The authors believe that before studying the Russian language, students need to study such general theoretical issues as the universality of the language as a sign system and the problems of linguistic diversity. This knowledge allows students to form not only communication skills in Russian, but also intercultural competence

Keywords: Russian language, Khakass language, dialogue of cultures, intercultural communication.

Функциональное предназначение языка в качестве способа познания окружающего мира и формирования мышления индивида обусловило его возможности как мощнейшего инструмента не только для создания национальной идентичности, но и культурного диалога между представителями различных социумов.

Как отмечает А. В. Гусейнова, влияние мировых тенденций к глобализации заставляет учёных беспокоиться о лингвистической безопасности в многонациональных государствах и обуславливает необходимость «поиска и эффективного использования различных ресурсов поддержки миноритарных языков» [1, с. 137]. Безусловно, наибольшими потенциями в области защиты лингвистиче-

* Олеся Александровна Вольф, ст. преподаватель, Екатерина Валерьевна Шахаева, магистрантка, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова (Абакан, Россия). E-mail: oles-sya@mail.ru; kate11195@mail.ru.

ского многообразия на территории определённой страны является государственная политика, направленная на укрепление коммуникативных мощностей всех функционирующих в данной местности языков. Изучавшие динамику развития концепции государственной языковой политики России И. А. Петрулевич и Л. М. Месропян сделали вывод о том, что современную ситуацию в этой сфере можно охарактеризовать как имеющую положительные результаты, прежде всего, в части смены стратегии лингвистической политики от «оборонительной» к «наступательной» [2, с. 75]. Однако, указанные авторы отмечают, что для достижения большей сбалансированности между функционирующими на территории Российской Федерации языками теперь необходима корректировка тактических действий, позволяющих реализовать концептуально новую стратегию государственной языковой политики. В частности, И. А. Петрулевич и Л. М. Месропян отмечают тот факт, что замена в российских школах часов, отведённых на преподавание русского языка, часами для занятий на национальном языке может иметь негативные последствия, поскольку есть вероятность, что школьник не овладеет в достаточной мере ни одним из изучаемых языков. Поэтому полное обучение на национальных языках ведётся, в основном, в начальной школе; в старших классах родной язык становится отдельным предметом или факультативом, а все остальные учебные занятия ведутся на русском языке.

Что касается полного преподавания на национальных языках в высших учебных заведениях, то данная проблема практически не исследуется учёными, в связи с тем, что обучение на родном языке происходит, в основном, только на филологических факультетах по направлениям, специализирующимся на национальном языке и литературе. Исключение составляет ряд публикаций, посвящённых татарскому языку (см., например, работы Л. Р. Муртазиной [3] и др.), которым активно пользуются в учебном процессе на некоторых факультетах Казанского федерального университета и других вузов Татарстана.

Между тем, дисциплины по русскому языку («Русский язык», «Русский язык и культура речи» и др.) предусмотрены, в соответствии с Федеральными государственными образовательными стандартами высшего образования, в учебных планах по всем направлениям бакалавриата. Также отметим, что в большинстве учебных планов аудиторная работа с обучающимися предусмотрена только в форме практических занятий.

Подобная ситуация наблюдается и во ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова». В учебном заведении реализуется 41 образовательная программа бакалавриата очной формы обучения, во всех учебных планах имеются дисциплины, направленные на освоение русского языка. Обучение на национальном языке – хакасском – производится только по 2 направлениям института филологии и межкультурной коммуникации (44.03.05 Педагогическое образование, профиль «Хакасский язык и литература» совмещён с профилями «История» и «Иностранный язык»).

Хакасский язык является языком титульной нации Республики Хакасия – хакасов – и закреплён в Конституции региона как государственный. Несмотря на официальный статус хакасского языка, в регионе наблюдается функциональное неравноправие государственных языков, обусловленное рядом факторов. Во-первых, численность коренного населения относительно к общей численности жителей республики невелика: по данным Всероссийской переписи населения 2010 года, число хакасов составило около 63,5 тысяч человек (примерно 12 % от населения Хакасии). Во-вторых, далеко не все хакасы изучают родной язык: по данным той же переписи, на вопрос о владении языками всего около 58 % людей коренной национальности ответили, что знают хакасский язык. Отметим, что на сайте ЮНЕСКО, посвящённом мировому лингвистическому разнообразию, хакасский язык характеризуется как уязвимый [4].

В связи со сложившейся языковой ситуацией, в республике предпринимаются дополнительные меры по поддержке и развитию хакасского языка. В основном, указанные меры реализуются в рамках школьного образования и в культурной сфере региона (деятельность театров, творческих коллективов, Союза писателей, ряд национальных СМИ и т.д.). Причём, по нашим наблюдениям, развитие хакасского языка по большей части обеспечивается мероприятиями, направленными только на представителей коренной национальности. Работа по «продвижению» хакасского языка и развитию интереса к лингвистическому многообразию среди русскоговорящих жителей региона ведётся не столь активно.

На наш взгляд, одним из ресурсов для диалога культур и налаживания межкультурной коммуникации может стать включение в содержание вузовских дисциплин по русскому языку вводного занятия, посвящённого вопросам общей теории языка как универсальной знаковой системы и проблемам лингвистического разнообразия на Земле.

Опыт преподавания русского языка студентам, обучающимся на различных направлениях, показывает, что большинство из них понимает язык не как абстрактную систему, элементы которой находятся между собой в тесной и логически обусловленной взаимосвязи, а просто как набор орфографических и пунктуационных правил. Возможно, данный феномен вызван необходимостью подготовить школьников к сдаче Единого государственного экзамена, что иногда выливается в своего рода «натаскивание» детей исключительно на выработку умений правописания. В таких случаях ученики механически заучивают правила, не понимая исторических и структурных законов развития языка, обуславивших необходимость того или иного написания. В свою очередь, слабое понимание структуры и функций языка порождает не только отсутствие интереса к функционированию русского языка, но и нежелание получать лингвистические компетенции в целом (в том числе, компетенции, связанные с межкультурной коммуникацией).

Указанные проблемы заставили нас ввести в содержание дисциплин, связанных с преподаванием русского языка, вводное занятие, которое призвано дать

минимальные сведения о таких вопросах, как природа и сущность языка, его функции, связь языка с мышлением и культурой, а также различные классификации языков и проблемы их сосуществования на планете.

Практика показывает, что поиск информации по данным темам и их дальнейшая проработка на практическом занятии помогает большинству студентов понять внутренние связи элементов, из которых состоит языковая система, и связи между различными языками и культурами.

Например, при рассмотрении морфологической (типологической) классификации языков разницу между флективными и агглютинативными языками мы объясняем при помощи русских и хакасских слов, известных многим обучающимся, т. к. большую часть групп в ХГУ составляют жители Хакасии, которые так или иначе знакомы с хакасским языком (хотя бы слышали хакасскую речь, знают некоторые слова, названия).

Этот же приём используется при обучении иностранных граждан, приезжающих в Хакасский госуниверситет для изучения русского языка. В 2018 году в рамках педагогической практики магистранты института филологии и межкультурной коммуникации, обучающиеся по программе «Русский язык как иностранный», подготовили вводные уроки для стажёров из Китая, Монголии и Конго. Обучающиеся вместе с практикантами готовили мини-доклады на русском языке, посвящённые родным языкам, а затем рассматривали вопросы лингвистического разнообразия и диалога культур (материал был адаптирован для элементарного уровня, поскольку урок был вводным, а уровни владения русским у стажёров разные).

Таким образом, в рамках преподавания русского языка в вузе необходимо, по нашему мнению, включать в содержание дисциплин материал, способный служить основой для заинтересованного внимания обучающихся любых национальностей к языкам других национальностей и, соответственно, к иным культурам.

Библиографический список

1. Гусейнова, А. В. Формирование медиаобраза хакасского языка в региональных СМИ [Текст] / А. В. Гусейнова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2018. – № 1. – С. 137-139.
2. Петрулевич, И. А. Современная языковая политика Российской Федерации: основные векторы и тенденции развития [Текст] / И. А. Петрулевич, Л. М. Месропян // Гуманитарий Юга России. – 2015. – № 4. – С. 66-76.
3. Муртазина, Л. Р. Некоторые особенности преподавания предметов естественно-математического цикла в вузах на татарском языке (1990-2005 гг.) [Электронный ресурс] / Л. Р. Муртазина // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 3. – URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=6516> (дата обращения: 03.03.2019).
4. UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php?hl=en&page=atlasmap> (дата обращения: 01.03.2019).

И. Н. Каланчина / I. N. Kalanchina*

**ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА
СИБИРИ НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. М. ТОПОРОВА
(POTENTIAL OF CULTURAL AND EDUCATIONAL SPACE OF SIBERIA
ON THE EXAMPLE OF A. M. TOPOROV'S ACTIVITY)**

Аннотация. В эпоху нарастающего системного кризиса как никогда актуальны достижения в сфере отечественной культуры и образования. Это огромный потенциал, который необходимо использовать в процессе социализации подрастающих поколений, при передаче им всего позитивного духовного опыта, накопленного обществом. В данной статье подобные достижения рассматриваются на примере деятельности известного просветителя А.М. Топорова.

Ключевые слова: философия культурного пространства, социально-культурная деятельность, просветительский подход в образовании, идея общественного блага.

Abstract. The author notes that today, during deterioration in system crisis, achievements in the sphere of domestic culture and education are very important. It is the huge potential which has to be used during socialization of the younger generations, by transfer of all positive spiritual experience accumulated by society. In this article similar progress is considered on the example of activity of the famous teacher A.M. Toporov.

Keywords: philosophy of cultural space, welfare activity, educational approach in education, the idea of general welfare.

Образование в его подлинном значении является важнейшим фактором развития общества. С этой точки зрения большой интерес представляют отдельные тенденции, которые наиболее ярко проявились в социально-культурном пространстве Сибири к середине XX века.

Для более глубокого понимания необходимо рассмотреть их в контексте тех изменений, которые произошли в связи с социалистическими преобразованиями во всей стране в целом. Ключевые принципы, на основе которых власти намеревались построить систему образования, прозвучали в обращении народного комиссара просвещения А.В. Луначарского 29 октября 1917 года: «Всякая истинно демократическая власть в области просвещения в стране, где царят безграмотность и невежество, должна поставить своей первой целью борьбу против этого мрака. Она должна добиться в кратчайший срок всеобщей грамотности путем

* **Ирина Николаевна Каланчина**, канд. филос. наук, доц., Алтайский государственный аграрный университет (Барнаул, Россия). E-mail: kalanchina62@mail.ru.

организации сети школ, отвечающих требованиям современной педагогики, и введения всеобщего обязательного и бесплатного обучения, а вместе с тем устройства ряда таких учительских институтов и семинарий, которые как можно скорее дали бы могучую армию народных педагогов, потребную для всеобщего обучения населения необъятной России [6]».

Таким образом, под целью народного просвещения понималось всестороннее образование (как можно более высокого уровня), с равными стартовыми возможностями, т. е. доступное для всех граждан. При этом большое внимание уделялось обучению взрослых — вечерние школы, профессиональные училища, рабфаки в вузах заняли значительно место в общем плане народного обучения. В то время остро стояла проблема обеспечения педагогическими кадрами, поэтому нередко в сельских школах весь штат составляли один — два учителя, которые преподавали по несколько предметов и вели различные творческие кружки и технические мастерские. В городских школах ситуация была более благоприятной. И повсюду представители местного трудового населения принимали постоянное и активное участие в работе школьных советов. При такой активности местного населения педагогическая деятельность школ расширялась и не ограничивалась работой только с учащимися в ней детьми, но и с местным населением через его представителей. Школьные советы порой становились настоящими *центрами культурно-просветительной работы*.

По сути, к 50-м годам прошлого века были заложены идейные, методологические и дидактические *основы отечественного образования всех уровней*, которые оформились в уникальную образовательную систему. Однако в реальной жизненной практике не удалось избежать разного рода ошибок и серьезных перекосов (о которых издано достаточно много критических материалов в постперестроечный период). Но в целом, по прошествии нескольких десятилетий необходимо отметить, что к середине XX века советская система обучения и воспитания, при всех ее недостатках и изъянах, достигла очень высокого уровня и была значительно более эффективной и, если можно так выразиться, организационно и психологически комфортной — и для учащихся, и для педагогов, и для родителей [там же, с. 64].

Рассмотрим специфику этих процессов на примере деятельности яркого представителя искусства и образования в Сибири, а именно — А.М. Топорова, а также его ближайшего социального окружения. Адриан Митрофанович в своей педагогической работе осознанно руководствовался некими представлениями, к чему именно — в собственно образовательном, просветительском или личностно-социальном плане — он ведет своих учеников, воспитанников, соратников, и какими он хочет их видеть. Выявляя общие черты этих представлений и суммируя их, мы так или иначе подойдем к ядру, или социально-педагогическому идеалу, к которому стремились и другие представители учительства. Идеал, как известно, — это эталонный образец, в соответствии с которым каждый сверяет свою эмпирическую деятельность. Есть идеал, и есть эмпирическая реальность,

часто между ними проявляются существенные расхождения. Но идеал, безусловно, необходим, так как служит своего рода маяком и одновременно якорем, приближающим образ более гармоничного устройства общества.

Что касается реальной жизненной практики А.М. Топорова — в своем личностном становлении и впоследствии в своей работе он прошел и реализовал характерные для того времени грани социально-педагогического идеала и формы его воплощения на практике. В частности, к ним можно отнести исключительно эффективный подход, превратившийся на долгие годы в целую традицию, — *принцип синтеза и взаимообусловленности воспитания и обучения*. Для этого двери школ открыли для учащихся и их родителей в течение семи дней недели, что было даже закреплено в нормативном акте Наркомпроса, который одновременно устанавливал широкие полномочия органам школьного самоуправления, куда входили коллектив из всех преподавателей и учащихся, а также школьный совет из педагогов и представителей детей старше 12 лет и местного трудового населения. Поэтому *школы и другие учебные заведения становились буквально центрами просвещения и культуры*.

Также велась серьезная работа по профилактике беспризорности и детской преступности, и поэтому в воспитании широко применялся *коллективистский подход* — создавались *школы-коммуны*. В них одним из важных принципов было *трудовое воспитание*. Ребята сами убирали помещения, сами готовили пищу, выполняли хозяйственные обязанности. При коммуне велась работа, которая позволяла зарабатывать средства на общие нужды — это могла быть сапожная, столярная мастерская или бригада, занятая крестьянским трудом, и пр. Все это способствовало мотивации детей на благоустройство своего жизненного уклада, воспитанию трудолюбия, ответственности, самодисциплины. Часто школы создавались при крестьянских коммунах, и весь общинный уклад жизни взрослых переносился на учебу детей в школе. Несмотря на то, что все эти новые формы со временем претерпевали внешние трансформации, тем не менее гуманистическая их суть и *направленность на общее благо* оставались неизменными и успешно осваивались не только в центральных регионах страны, но и в Сибири.

А.М. Топоров (1891 — 1984), родившийся в бедной многодетной крестьянской семье в селе неподалеку от Старого Оскола (ныне Белгородская область), с малых лет проявлял способности к познанию, увлекался чтением книг, целеустремленно искал любые возможности для учебы и, вопреки сословным предубеждениям и препятствиям в виде Закона О кухаркиных детях, окончил церковно-приходскую школу. Затем по окончании двухклассной учительской школы в Курской губернии получил статус народного учителя и с тех пор по существу полностью соответствовал этому званию всю свою жизнь. Юный Адриан, желая продолжить свое образование, для поступления в народный университет, брал частные уроки в семье обедневшего дворянина, народника Л.П. Ешина, ставшей ему родной. Одновременно А. Топоров приложил много усилий, чтобы научить-

ся играть на скрипке, чему способствовали его любовь к музыке и развитое чувство прекрасного [3].

Свою просветительскую работу А.М. Топоров начал в Курской области. Далее, незадолго до революции он переехал в Барнаул, затем в близлежащее село Верх-Жилинское (ныне село Верх-Жилино Косихинского района Алтайского края). Там в 1920 году Топоров стал одним из организаторов коммуны «Майское утро», где в полную силу проявился его просветительский дар. Он построил школу и в течение 20 лет обучал детей и взрослых грамоте, создал народный театр, краеведческий музей, библиотеку, два хора, струнный оркестр (в первые годы после Гражданской войны в деревенской школе было 50 циммермановских скрипок!), исполнявший классические произведения. По сути, Адриан Митрофанович предпринял уникальную и успешную попытку приобщить крестьян к высокой культуре, породнить с музыкальной и литературной классикой. В коммуне условия для такой работы оказались наиболее благоприятными, так как, с одной стороны, в ней собрались самые активные и пассионарные личности — с сильным стремлением к новому мироустройству, к знаниям и культуре. С другой стороны, коммуна открыла для крестьян широкие возможности, которые предоставляло общинное устройство — и в работе на земле, и в ведении хозяйственных дел, так как сократилось время на повседневные бытовые заботы. Крестьяне могли позволить себе по вечерам собираться в школе для совместного чтения и обсуждения книг, газет и даже для театральных постановок. Впоследствии коммунары имели возможность знакомиться с классической музыкой в исполнении созданного А.М. Топоровым струнного оркестра из школьников [4, с. 170-192].

Приобщение широких народных масс к высоким образцам классического искусства, как мы уже отмечали выше, было приоритетным направлением и всемерно поддерживалось на государственном уровне. Но коммуна «Майское утро» отличалась от других подобных объединений тем, что, благодаря самоотверженности, выдающимся организаторским способностям и приверженности к культуре молодого учителя, искусство прочно утвердилось в жизни крестьянских семей и пробудило в них творческие устремления. В чувстве прекрасного Адриан Митрофанович видел основы для развития в человеке, и особенно в ребенке, нравственных ценностей и подлинного гуманизма. Сами коммунары подтверждали: «Без культуры коммуне не жить. Нам нужна школа, нужны наука, театр, хор, оркестр, курсы, лекции!». Так, однажды, отзываясь на просьбы крестьян, Топоров пригласил из Барнаула профессионального скульптора С.Р. Надольского, который давал школьникам уроки художественной лепки [1, с. 65].

Таким образом, важное значение Топоров придавал творческой составляющей в образовательном процессе. Он считал, что развитие в детях чувства прекрасного и приобщения их к различным видам творчества способствует развитию мышления. В частности, при написании сочинений он пробуждал в детях наблюдательность, прививал любовь к чтению классических книг, тренировал навыки письменной и устной речи. А.М. Топоров в одном из научных исследо-

ваний нашел сведения о том, что наименьшее количество уголовных преступлений совершают люди из мира искусства, с высоким уровнем культуры, и применил его к своей работе: «Школа без искусств – мертвый дом... Конечно, не все дети одарены в равной мере, но никто не поколеблет моей уверенности в том, что все они способны воспринимать творения искусства, а в благоприятных условиях и участвовать в художественном творчестве. Убежден, что это воспитывает их не только эстетически, но и этически [4, с. 170-192]».

В школе «Майского утра» уделяли много внимания и *трудовому воспитанию*. Ребятам выделили участки земли для сельскохозяйственных работ и подсобные мастерские. Теперь крестьянский труд приобрел свободный характер. Хотя по-прежнему он был жизненной необходимостью, но при этом перестал быть рабским. Работа больше не была изнурительной, стала интересной и творческой, например, когда ребята управляли трактором или получали хороший урожай на своих участках. Все это приучало детей к дисциплине и ответственности.

Широкую известность Адриану Митрофановичу принесла изданная им в 1930 г. книга «Крестьяне о писателях», где он опубликовал отзывы своих товарищей по работе в коммуне — на произведения, с которыми он их знакомил. Будучи учителем в «Майском утре», он устраивал чтение вслух, где звучали различные произведения: от А.С. Пушкина до Л.Н. Толстого, от Шекспира до Гейне. После чтения он просил своих слушателей высказаться и записывал отзывы. Известно, что даже А.М. Горький высоко оценил эту работу, а руководитель Международного библиотечного института Н.А. Рубакин прислал восторженный отзыв [5].

Около двадцати лет он проработал в селе Верх-Жилинском на Алтае, куда после репрессий он не смог вернуться, так как не только творческие достижения и успехи в школьном деле составляют книгу жизни этого замечательного человека. Много препятствий встретил он на своем пути, много трагических событий и суровых испытаний ему пришлось пройти и остаться верным своим жизненным принципам и идеалам. Но это тема отдельного исследования.

Спустя годы, вновь имя А.М. Топорова стало популярным и прозвучало в центральной печати в 1961 году, когда в космос полетел Г.С. Титов, который считал его «духовным дедом». Дело в том, что родители космонавта были учениками Топорова в коммуне «Майское утро» и всегда с особой благодарностью и теплом вспоминали годы учебы под руководством Адриана Митрофановича. Трудно переоценить силу благотворного влияния его на всех, кто попадал в поле его педагогического внимания. В наиболее продуктивный период жизни его даже избирали делегатом I-го Всесоюзного учительского съезда (1925), а ряд исследователей нередко приравнивают по силе просветительского воздействия созданную им школу коммуны «Майское утро» с Яснополянской школой Л. Н. Толстого [2].

А.М. Топоров прожил долгую, кипучую жизнь, кроме работы учителем, был сельским корреспондентом, писал статьи и книги, играл на скрипке и в год читал по 300 бесплатных лекций. Его наследие привлекает внимание представителей самых разных профессий. Разработанные им принципы всестороннего развития детей обогатили теорию и практику отечественной системы образования, но многое еще не до конца осмыслено и нуждается в серьезном изучении и популяризации. Сегодня, когда назрел острый кризис в российской системе образования, актуальна мысль о том, что культурно-просветительская деятельность таких подвижников, как А. Топоров, является одной из важнейших, так как именно таким образом происходит передача и закрепление всего культурного опыта, накопленного обществом. Современная школа не будет «мертвым домом», если на новом уровне применять лучшие образцы культурной работы, педагогической науки и практики, одним из которых является система школьного обучения и воспитания, реализованная выдающимся просветителем А.М. Топоровым.

Библиографический список

1. Гусельников, В. В. Счастье Адриана Топорова / В. В. Гусельников. – Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1965. – 79 с.
2. Нуйкин, А. А. Страсти по Макаренко [Электронный ресурс] / А. А. Нуйкин. – Режим доступа: <http://www.jig.ru/golden/016.html> (дата обращения: 30.06.2013).
3. Топоров, А. М. Воспоминания / Адриан Топоров. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1970. – 131 с.
4. Топоров, А. М. Интересное это занятие – жить на земле! / А. М. Топоров. – Барнаул: Алтайский дом печати, 2015. – 398 с.
5. Топоров, А. М. Крестьяне о писателях / А. М. Топоров. – М.: Советская Россия, 2016. – 334 с.
6. Цирульников, А. М. История образования в портретах и документах / А. М. Цирульников. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. – 272 с.

Д. А. Омельченко / D. A. Omelchenko*

**АКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА
В РЕГИОНАХ РОССИИ
(THE ACTUAL STATE, PROBLEMS AND PERSPECTIVES OF PROVIDING
STUFF FOR TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE
IN THE REGIONS OF RUSSIA)**

Аннотация. В статье представлен анализ статистических данных систем общего и высшего образования в области профессиональной подготовки и кадровой обеспеченности преподавания русского языка в регионах России за последние пять лет (по отдельным показателям с 1990 года), описываются основные тенденции и последствия реализации образовательной реформы и специализированных программ в области русского языка. Выявлено два типа стратегий кадрового обеспечения русского языка в регионах в зависимости от особенностей управления кадровым составом, развития профильного обучения и филологического образования в рамках высшей школы.

Ключевые слова: русский язык, преподавание русского языка, кадровое обеспечение, языковая политика, реформа образования, языковая культура.

Abstract. The article provides an analysis of statistical data from general and higher education systems on human resources development in the field of the teaching Russian language in the regions of Russia in the past five years (for selected indicators from 1990), describes general tendencies and consequences of educational reform and target programs realization. Two types of strategies of providing stuff for teaching the Russian language are revealed depending on peculiarities of managing the stuffing, developing specialized training and philological education in the framework of higher school.

Keywords: the Russian language, the teaching of the Russian language, staffing, language policy, educational reform, linguistic culture.

Русский язык выполняет важную историческую миссию, государствообразующие и интегрирующие функции, объединяя народы России, жителей стран постсоветского пространства и дальнего зарубежья, разделяющих ценности русской культуры, осознающих свою ментальную и духовную связь Россией и считающих себя частью «Русского мира» [1; 3]. Осуществляемая в последние годы

* Дарья Алексеевна Омельченко, канд. социол. наук, доц., Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: daria.omelchenko@mail.ru.

активная деятельность государства по защите и поддержке русского языка, включающая реализацию специализированных федеральных и региональных программ, функционирование разнообразных виртуальных и реальных платформ и проектов («Образование на русском», «Русская школа без границ», «Грамота.ру», «Грамма.ру», «Текстология», «Русский по средам», «Тотальный диктант» др.), работу межведомственных совещательных и общественных структур, призвана способствовать сохранению, приумножению и взаимообогащению духовной культуры носителей русского языка [4]. Образовательная статистика в соответствующей области отражает реализацию политики российского государства не только в образовательной, но и культурной, этнонациональной сферах, в какой-то мере выступая зеркалом всего российского общества, представляя его общие проблемы, намечая дальнейшие перспективы развития [2].

На основе большого корпуса статистических данных из различных источников (преимущественно открытых данных профильных ведомств и органов статистики) нами была проведена оценка актуального состояния, проблем и перспектив кадрового обеспечения русского языка в регионах России. Анализировались материалы статистической отчетности, ежегодно предоставляемые образовательными учреждениями в Министерство образования и науки Российской Федерации, данные «Российского статистического ежегодника» (2000-2016 гг.), опубликованные в открытом доступе Федеральной службой государственной статистики, статистические сведения, размещаемые на Портале открытых данных Российской Федерации, официальных порталах «Российское образование», официальном информационном портале единого государственного экзамена и в других информационных источниках.

Проведенный статистический анализ позволил сделать несколько важных выводов о состоянии кадрового обеспечения в области русского языка в регионах России, его качественных и количественных характеристиках.

Резкие демографические изменения в возрастной структуре населения, проявившиеся в сокращении численности младших возрастных групп (так называемая «демографическая яма»), наряду с проводимой реформой образования по оптимизации деятельности образовательных учреждений на всех уровнях обучения и воспитания определенным образом сказались и на характеристиках кадрового состава образовательных учреждений, осуществляющих подготовку по русскому языку и литературе. Наряду с сокращением общеобразовательных учреждений с русским языком обучения (на 2075 единиц в период с 2012 по 2015 год), произошла ликвидация национальных школ, где русский язык изучался в качестве одного из предметов, что, в свою очередь, повлекло за собой сокращение численности учителей-предметников. За последние 15 лет численность учителей русского языка и литературы уменьшилась почти на 90 тыс. человек.

Тремя ключевыми демографическими трендами, наблюдаемыми в динамике характеристик кадрового состава, являются сильная поселенческая диспропор-

ция, высокий уровень феминизации и повышение трудовой нагрузки на старшие возрастные группы учителей русского языка и литературы.

Расформирование сельских школ привело к перераспределению численности учителей в разрезе разных типов поселений и увеличению количественного разрыва между городскими и сельскими учителями. Сокращение количества учителей русского языка на селе, хотя и продиктованное объективными обстоятельствами (сокращением количества учащейся молодежи), является тревожным фактором и требует комплексных решений, затрагивающих не только вопросы развития русского языка, но и сельского образования в целом.

Феминизация является отличительной чертой современного российского общего образования, однако в группе предметов, связанных с русским языком и литературой, она достигает критических значений: на протяжении последних пяти лет доля женщин среди учителей русского языка составляет 97,5%. Проведенный в рамках исследования регрессионный анализ показал, что высокий уровень феминизации является скорее протективным фактором, в частности регионы с большей долей женщин среди учителей-словесников показывают лучшие результаты единого государственного экзамена. Между тем, представляется, что такая существенная гендерная асимметрия требует внедрения мер по ее преодолению, в том числе касающихся изменения негативных стереотипов о профессии учителя как о преимущественно женском, непрестижном и плохо оплачиваемом занятии, неприемлемом для успешного человека.

Основная масса учителей русского языка имеет возраст старше 35 лет, при этом около трети из общего количества учителей являются пенсионерами, что свидетельствует о значительном влиянии феномена постарения населения на всю систему образования и филологического сегмента, в частности. Произошедшее в 2016 году резкое сокращение доли пенсионеров на 7,8% по сравнению с предыдущим годом не привело к существенным изменениям в общей структуре учителей русского языка и литературы, поскольку оно не сопровождалось большим увеличением численности молодых педагогов, и общая численность учителей-словесников компенсировалась за счет других возрастов. Как показал сравнительный анализ, чрезмерная погоня за «омоложением» кадрового состава в некоторых регионах, сокращение когорты опытных учителей имеет крайне негативные последствия в виде снижения качества владения русским языком. Наиболее оптимальной, на наш взгляд, является стратегия ротации кадров, предполагающая не только привлечение молодых специалистов, но и сохранение контингента опытных учителей, с большим трудовым стажем, показывающих хорошие результаты подготовки по русскому языку и литературе.

Учителя русского языка и литературы, работающие в общеобразовательных учреждениях России, имеют высокий профессиональной подготовки: более 96% – имеют высшее образование, в том числе более 95% – высшее педагогическое образование, при этом наблюдается положительная динамика роста как числа педагогов с высшим педагогическим образованием, так и педагогов высшей ква-

лификационной категории. Наблюдается поступательное сокращение работающих в школе педагогов со средним профессиональным образованием. Лидерами по количеству учителей с высшим педагогическим образованием (более 99%) являются Камчатский край, Республика Татарстан, Новгородская область, Республика Тыва, Севастополь, Липецкая область, Республика Марий Эл. Меньше всего учителей с высшим образованием, в том числе педагогическим в Чеченской Республике (87,0%), Забайкальском крае (89,5%), Тверской области (90,8%). Во многих регионах имеется практика взаимодействия с педагогами высшей школы, наличия среди учителей русского языка и литературы специалистов с учеными степенями – кандидатов и докторов наук, что повышает их конкурентные преимущества при подготовке к экзаменам и олимпиадам по русскому языку, в участии в конкурсах научно-исследовательских работ по филологической проблематике.

Одной из отличительных черт современного филологического образования в России является развитие профильного обучения, дающего возможность углубленной подготовки по языковым дисциплинам, сформировать высокомотивированную категорию потенциальных абитуриентов, ориентированных на дальнейшее получение высшего филологического или педагогического образования. Однако, несмотря на позитивные тенденции, наблюдается резкая диспропорция между количеством профильных классов по филологическим и другим направлениям, что свидетельствует о слабой конкурентоспособности гуманитарного профиля, уступающего социально-экономическим и физико-математическим направлениям. Наиболее успешно профильное филологическое направление развивается в Сахалинской и Астраханской областях, Санкт-Петербурге, Севастополе и Республике Ингушетия, где доля «филологов» среди остальных направлений составляет более 15% (в среднем по России не более 4%). В свете имеющихся данных представляется, что комплекс мер по совершенствованию кадрового обеспечения в области русского языка должен включать соответствующие приоритеты по поддержке и развитию профильного филологического обучения как важного фактора повышения уровня квалификации специалистов, стабильного удовлетворения кадровых потребностей в регионе.

В рамках системы высшего образования подготовка по филологическим направлениям и образовательным программам осуществляется в 74 регионах и 196 высших учебных заведениях России. Наблюдается поступательное увеличение количества студентов, обучающихся по филологическим направлениям в рамках программ бакалавриата и магистратуры. Свидетельством изменения отношения государства к вопросам подготовки кадров в области русского языка и литературы является увеличение количества бюджетных мест по филологическим магистерским программам. Всего по указанным направлениям обучается около 29 тыс. студентов, в том числе 22 тыс. – по программам бакалавриата и 7 тыс. – по программам магистратуры. Лидерами по количеству подготавливаемых специалистов в области русского языка и литературы являются Москва,

Санкт-Петербург, Республика Крым и Республика Татарстан. В ряде регионов из-за отсутствия профилирующих вузов и соответствующего студенческого контингента, кадровый потенциал в области русского языка и литературы формируется только за счет обучения в вузах других регионов (Брянская, Владимирская, Еврейская автономная, Калужская области, Ненецкий и Чукотский автономные округа).

Исследование показало, что выпускники филологических вузов и направлений подготовки испытывают большие, по сравнению с выпускниками, трудности с трудоустройством: они реже получают направление на работу, и чаще вынуждены продолжать обучение на более высоких уровнях или других направлениях подготовки, им чаще предоставляется право свободного трудоустройства, что свидетельствует о нарушениях механизма кадрового обеспечения русского языка, слабой востребованности специалистов-филологов на региональных рынках труда, и, в целом о низкой социальной и экономической ценности филологического образования. Данную проблему можно решить только путем выстраивания долгосрочных и тесных отношений с работодателями, поиска новых ниш трудоустройства выпускников, формирования государственного заказа на подготовку специалистов в области русского языка, литературы и культуры, гарантирующего трудоустройство выпускников филологических специальностей после получения диплома о высшем образовании.

В ходе исследования было выявлено два типа стратегий кадрового обеспечения русского языка в регионах. Первый тип (большинство регионов России) характеризуется ориентацией в управлении кадровым составом на сохранение контингента учителей с большим опытом работы (старше 15 лет) и слабым привлечением молодых преподавателей, недостаточным вниманием к вопросам развития профильного обучения и филологического образования в рамках высшей школы. Второму типу присущи ориентации на модернизацию образовательной системы в регионе, сокращение учителей пенсионного возраста и повышение доли молодых специалистов, развитие профильного филологического обучения в рамках общего образования и высокий уровень доступности филологического высшего образования, снижение уровня феминизации. Регионы второго типа включают два федеральных города и национально-специфические территории, такие как Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Республика Крым, Республика Саха, Республика Тыва, Чеченская Республика. По сути, второй тип состоит из двух подтипов со сходными характеристиками кадрового обеспечения, но при этом с различными эффектами, оказываемыми ими на уровень владения русским языком: тип, характерный для образовательной системы мегаполисов, в которых указанные тенденции являются признаками реального повышения эффективности и конкурентоспособности образовательных учреждений и способствуют повышению уровня знаний учащихся, и тип, распространенный в национальных республиках где сходные характеристики кадровой системы сопряжены с высокой долей этнического и языкового разнообразия, что осложняет

подготовку школьников и достижение высоких уровней сдачи единого экзамена, отражается на уровне владения русским языком среди основного населения.

Выявленные особенности кадрового обеспечения в регионах и взаимосвязи между отдельными его характеристиками, а также трудности с доступностью первичных данных и интерпретации некоторых показателей, с которыми столкнулись исследователи в ходе анализа статистических данных, должны учитываться при разработке и последующей апробации комплексной системы мониторинга в области кадровой обеспеченности русского языка в регионах России, требующей более совершенных инструментов статистического учета, проведения сопутствующих социологических исследований общественного мнения и анализа экспертных оценок.

Библиографический список

1. Акимова, О. Б. Современная государственная языковая политика / О. Б. Акимова, Т. С. Табаченко // Образование и наука. – 2015. - №9(128). – С. 161-170.

2. Максимова, С. Г. Русский язык: институциональные и сетевые механизмы продвижения в России, странах СНГ и дальнего зарубежья / С. Г. Максимова, Д. А. Омельченко, О. Е. Ноянзина, О. В. Суртаева. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2017.

3. Стернин, И. А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX - начала XXI века / И. А. Стернин. – М. – Берлин, 2015. – 77 с.

4. Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» от 01.06.2005 N 53-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2005/06/07/yazyk-dok.html> (дата обращения: 01.03.2019).

Н. И. Осмонова / N. I. Osmonova*

**КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКОЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ КЫРГЫЗСТАНА
В ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО
(KYRGYZ-RUSSIAN UNIVERSITY EDUCATION AS A FACTOR OF
INTEGRATING THE KYRGYZSTAN INTO POLICULTURAL SPACE)**

Аннотация. В статье раскрывается роль и миссия Кыргызско-Российского Славянского университета (КРСУ) как первого университета на постсоветском пространстве в реализации и продвижении евразийских идей, в обеспечении устойчивости полиэтничного общества и интеграции Кыргызстана в единое евразийское идейно-образовательное пространство. Подчеркивается, что университетское образование призвано способствовать интеграции личности в национальную и общечеловеческую мировую культуру в условиях поликультурного мира.

Ключевые слова: Кыргызско-Российский Славянский университет, университетское образование, поликультурное образовательное пространство, евразийская интеграция.

Abstract. The article reveals the role and mission of the Kyrgyz-Russian Slavic University (KRSU) as the first university in the post-Soviet space in the implementation and promotion of Eurasian ideas, in ensuring the sustainability of a multi-ethnic society and the integration of Kyrgyzstan into a single Eurasian ideological and educational space. It is emphasized that university education is designed to promote the integration of the individual in the national and universal world culture in a multicultural world.

Keywords: Kyrgyz-Russian Slavic University, university education, multicultural educational space, Eurasian integration.

В настоящее время происходящие глобальные изменения в сфере образования и смена образовательных парадигм, новые требования к качеству человека, его культуры и образованности и создание адаптированной современному обществу системы открытого, свободного образовательного пространства, свойством которой являются конвертируемость, конкурентноспособность, поликультурность и универсальность, задают новые вызовы для университетского образования. В сложившихся сложных обстоятельствах одной из важных проблем, обусловленной современной реальностью, является проблема интеграции университетского образования в поликультурное пространство глобализирующегося общества. В этих условиях, отвечая вызовам современности, Кыргызстан как по-

* Нургуль Исраиловна Осмонова, д-р филос. наук, доц., Кыргызско-Российский Славянский университет (Бишкек, Киргизия). E-mail: osmonova_ni@mail.ru.

ликультурный край в евразийском регионе, имеющий древние историко-культурные корни, где переплелись и переплавились многовековые традиции представителей тюркоязычных, ираноязычных, русскоязычных народов, демонстрирует высокий уровень евразийской интеграции в сфере экономики, международной политики, образования и культуры.

Продвижение и воплощение идей евразийской интеграции в области экономики реализуется в сотрудничестве Кыргызстана с такими организациями стратегического значения, как Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Таможенный союз (ТС), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Кыргызстан эффективно взаимодействует в культурно-гуманитарной сфере и сфере образования, входит в состав Евразийской ассоциации университетов, объединяющей 139 университетов постсоветского пространства, таких как Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Казахстан, Латвия, Молдова, Россия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан и Украина. Кыргызская Республика также входит в состав сетевого Университета Шанхайской организации сотрудничества (УШОС), который в настоящее время насчитывает 82 ведущих университета государств – членов ШОС и Ассоциацию азиатских университетов (ААУ), в состав, которого входят 65 университетов. Они стали площадкой для сетевого взаимодействия и формирования единого образовательного и научного сотрудничества для стран евразийского региона, тем самым осуществляя долгосрочные проекты по эффективной форме сотрудничества вузов в современном мире. Более того, «сетевое взаимодействие университетов в современной высококонкурентной среде позволяет консолидировать возможности развития университетов различных стран, многократно увеличивать тем самым ресурсы интеллекта, кадров, инфраструктуры – сформировать масштабный базис для нового рывка в области знаний и технологий» [1, с. 203].

Примечательным является тот факт, что идея создания Ассоциации азиатских университетов сформировалась по инициативе Алтайского государственного университета, на территории Алтайского края, находящегося на пересечении тюркского, монгольского и китайского цивилизационных ареалов, который еще и является исторической родиной тюркских народов Центральной Азии. Важно отметить, что концепция Ассоциации азиатских университетов основывается на идее о выходе стран-участниц евразийского пространства в глобальное образовательное и поликультурное пространство с учетом их региональной специфики, заключающейся в органичном встраивании исторического, этнонационального, культурного, ментального своеобразия как локального составляющего.

Ключевую роль в реализации и продвижении евразийских идей, обеспечении устойчивости полиэтничного общества и интеграции Кыргызстана в единое евразийское идейно-образовательное пространство играет Кыргызско-Российский Славянский университет (КРСУ) как первый межгосударственный вуз по типу классического университета, созданный в 1993 году на постсоветском пространстве. Недавно в сентябре 2018 года вуз отметил свой 25-летний

юбилей, и его «создание, – как отмечает первый и бессменный ректор КРСУ, академик В.И. Нифадьев – стало поистине знаковым событием – Киргизия и Россия первыми продемонстрировали желание сохранить и укрепить единое образовательное пространство. Опыт дал толчок для создания подобных вузов в Таджикистане, Армении, Белоруссии, Молдавии, Азербайджане. Главное, что в условиях расширяющейся интеграции он имеет огромные перспективы» [2, с. 7]. Сегодня, спустя 25 лет, можно с уверенностью сказать, что идея создания КРСУ во многом предвосхитила и конструировала в будущее активизацию интеграционных процессов во всех сферах центрально-азиатского региона.

Миссия КРСУ, нацеленного на интеграцию в поликультурное пространство, заключается не только в активизации образовательного и научного сотрудничества государств-участников СНГ, но и в решении такой социально и культурно значимой проблемы, как популяризация русского языка и русской культуры на пространстве Центральной Азии и создание языковой и культурной среды русского мира в регионе. Для реализации данной задачи в 2002 году в стенах КРСУ в рамках целевой программы Российской Федерации «Русский язык» открылись постоянно действующие курсы повышения квалификации для учителей русскоязычных школ Кыргызстана, был создан инновационный образовательный центр русского языка, который пользуется большой популярностью среди студентов. Огромный социально-культурный, аксиологический потенциал и интеркультурную коммуникацию несут в себе ежегодно празднуемые КРСУ «Дни Славянской письменности и культуры», «День Александра Сергеевича Пушкина и русского языка», которые являются праздниками не только русского языка и русской культуры, но и праздниками дружбы между Россией и Кыргызстаном.

Отдельного внимания заслуживает другое значительное достижение КРСУ, где кроме «Вестника КРСУ», который издается с 2001 г. и входит в перечень журналов ВАК РФ и ВАК КР, с 2011 года издается информационно-аналитический журнал «Русское слово в Кыргызстане». Именно данный журнал до сегодняшнего дня, являясь коммуникативной площадкой для обсуждения проблем русского языка и вопросов «русскоязычного пространства» во всех регионах республики [3] вносит неоценимый вклад в сохранение русского языка, укрепление кыргызско-русского двуязычия, а также языковой и культурной консолидации в республике. Работу в этом направлении необходимо развивать, «как важнейшее достижение нашего народа и необходимое условие межнациональной и межкультурной коммуникации, развития образования, науки, технологий, сохранения стабильности и устойчивости нашего государства, его социально-экономической интеграции в формирующийся Евразийский союз» [Цит. по: 3, с. 108].

КРСУ как полиэтничная образовательная среда, осуществляющая интеграцию в поликультурное образовательное пространство, выступает фактором «социальной стабильности и адаптации личности в многокультурной среде; путь реализации аксиологических императивов; средство удовлетворения образова-

тельных, познавательных и культурных потребностей человека» [4, с. 125]. В этой связи существенным компонентом учебно-воспитательной работы университетского образования является формирование у студента межкультурной компетентности, которая предполагает «наличие у него таких качеств, как поликультурная ориентированность, общекультурная грамотность, настойчивость, творчество, социальная ответственность. Поэтому процесс образования в вузе целесообразно рассматривать не только как путь овладения студентом определённой специальностью, но и как способ овладения им современной культурой и методами деятельности в поликультурной среде. Современный специалист должен обладать кросскультурными знаниями, владеть иностранными языками, технологиями диалога и межкультурного взаимодействия» [5, с. 78]. Таким образом, университетское образование призвано способствовать интеграции личности в национальную и общечеловеческую мировую культуру в условиях поликультурного мира, сформировать универсальные компетенции для вхождения в культуру посредством образования.

В качестве стратегически значимой составляющей интеграции и расширения образовательного пространства университета является активизация научных исследований и поддержка программ мобильности преподавателей и студентов. В этом направлении КРСУ ведет активную работу по сотрудничеству с университетами Европы, Азии, России и стран СНГ, в частности по программам студенческого и академического обмена, стажировок, совместной научной работы, организации и проведения международных конференций и форумов. В связи с последним можно отметить, что наиболее значимым научным и культурным событием в реализации студенческого сотрудничества на евразийском пространстве стал II Азиатский студенческий форум «Кыргызстан – Азия – 2015», проведенный под эгидой Ассоциации азиатских университетов на базе Кыргызско-Российского Славянского университета. Проведение таких рода мероприятий в рамках Евразийского экономического союза дает большие образовательные возможности для молодежи, перспективы сотрудничества и трудоустройства, а также способствует подготовке высококвалифицированных молодых кадров для национальных экономик евразийских стран.

Таким образом, в Кыргызско-Российском Славянском университете созданы благоприятные условия и лучшие традиции для студенческой молодежи, преподавателей и научной общественности для интеграции в поликультурное образовательное пространство, а также для конкуренции на рынке образовательных и научно-технических услуг. Кыргызско-Российский Славянский университет, опираясь на сложившиеся традиции, видит свою стратегическую цель в развитии университета в качестве ведущего вуза на образовательном пространстве Центральной Азии и неуклонном повышении своего статуса. При этом необходимо учитывать, что активизация процесса интегрирования университетского образования в поликультурное образовательное пространство, безусловно, зависит, не только от качества высшего образования, комплексного совершенствования его

системы и адаптации к современным требованиям, но и от консолидации интеллектуального и духовного потенциала политической элиты, научного сообщества и гражданского общества и их заинтересованном взаимодействии.

Библиографический список

1. Сетевое взаимодействие вузов в трансграничном пространстве Евразийского экономического союза и Китая (2010–2016 гг.): опыт Алтайского государственного университета и Ассоциации азиатских университетов / С. В. Землюков, Р. И. Райкин, А. Ю. Резинкин, С. В. Глушанина // Известия Алтайского государственного университета. – 2016. – №4 (92) – С. 203–207.

2. Нифадьев, В. И. Духовный мост России и Киргизии – Киргизско-Российский Славянский университет отмечает 25-летие / В. И. Нифадьев // Союз криминалистов и криминологов. – 2018. – №2. – С. 7– 14.

3. Шипилов, А. В. Журнал «Русское слово в Кыргызстане» коммуникативная площадка для обсуждения вопросов витальности русского языка / А. В. Шипилов // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – Т.9. №31. – С. 105-111.

4. Гукаленко, О. В. Поликультурное образовательное пространство как фактор социально-педагогического обеспечения безопасности детей и молодежи / О. В. Гукаленко // Ценности и смысл. – 2014. – № 4 (32). – С. 123–133.

5. Гукаленко, О. В. Поликультурное образовательное пространство университета как фактор формирования межкультурной компетентности студентов/ О. В. Гукаленко // Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы: материалы IX Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Москва, РУДН, 21–22 апреля 2016 г. / науч. ред. В. И. Казаренков, М. А. Рушина. – М.: РУДН, 2016. – С. 76–83.

Е. Ю. Позднякова / E. Yu. Pozdnyakova*

**ГОРОДСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ
АСПЕКТЕ (НА ПРИМЕРЕ УРБОНИМОВ Г. БАРНАУЛА)
(URBAN NAMES IN A HISTORICAL CULTURAL ASPECT (ON THE
EXAMPLE OF BARNAUL'S URBONYMS))**

Аннотация. В статье наименования городских объектов – урбонимы – рассматриваются в историко-культурном аспекте. Городские номинации обладают несомненной культурной и исторической значимостью, являясь своеобразным свидетельством развития города, его культурной памятью. В языковом пространстве современного города существует несколько пластов наименований, каждый из которых принадлежит определенной эпохе – дореволюционной, советской и постсоветской.

Ключевые слова: урбоним, городские номинации, официальные и неофициальные наименования, городское ономастическое пространство.

Abstract. The names of city objects – urbonyms – are considered in historical and cultural aspects in the article. City nominations have undoubted cultural and historical significance, because they are a kind of evidence of city's development and its cultural memory. There are several layers of nominations; each of them belongs to different periods – pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet.

Keywords: urbonym, urban nominations, official and unofficial names, urban onomastic space.

В языке современного города функционируют разнообразные наименования городских объектов, служащие не только ориентирами в городском пространстве, но и формирующие неповторимый языковой облик данного города. Для обозначения данной группы наименований используется термин *урбоним* (урбаноним), под которым понимается «собственное имя любого внутригородского топографического объекта, в том числе агороним, годоним, название отдельного здания, хороним» [4, с. 154]. Городские номинации – урбонимы – обладают несомненной культурной и исторической значимостью, являясь своеобразным свидетельством развития города, его культурной памятью.

Ученые отмечают особую важность сферы городских номинаций, которая обусловлена «как типом обозначаемых реалий (общественно значимое пространство), так и факторами “культурогенности” и историчности номинации,

* Елена Юрьевна Позднякова, канд. филол. наук, доц., Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова (Барнаул, Россия). E-mail: Helena_poz@mail.ru.

тем, что имя является важнейшим элементом культуры и национального самосознания» [3, с. 146].

В наименованиях городских объектов мы можем обнаружить фрагменты событий прошлого, при этом названия «залегают пластами», каждый из которых соответствует определенному этапу жизни общества, отдельной эпохе. В российских городах чаще всего выделяется 3 пласта наименований:

- 1) дореволюционные;
- 2) советские;
- 3) постсоветские.

На эту особенность городского ономастического пространства указывает, в частности, Т. В. Шмелева, она пишет: «Годонимия (*прим. – наименования улиц и любых линейных объектов в городе*) российских городов “многослойна”: она сохраняет фрагменты советской поры, восстановленной дореволюционной и новой» [6, с. 111], сказанное справедливо и по отношению к другим группам городских наименований. Отметим, что среди урбонимов встречаются как наименования, специфичные для г. Барнаула, так и названия, существующие во многих крупных городах России, особый интерес вызывают именно те имена, в которых проявляется региональная специфика. «Сквозные» номинации функционируют во многих городах, совокупность таких неофициальных урбонимов образует так называемый «городской фольклор». Рассмотрим более подробно особенности официальных и неофициальных наименований городских объектов с точки зрения историко-культурной информации, зафиксированной в них.

1. Дореволюционные наименования сохранились в архивных документах, на старых картах, упоминаются в периодической печати и исторических документах, также они встречаются в воспоминаниях жителей города. В языковом пространстве г. Барнаула можно встретить следующие урбонимы, несущие информацию о данном периоде.

Название города (астионим).

Существует несколько этимологических версий названия г. Барнаула. Барнаульский историк А. П. Уманский выдвинул предположение, что Барнаул – слово телеутское (алтайское), обозначает «мутная река» или «серая река». Согласно трактовке крупнейшего ученого-тюрколога А. П. Дульзона, первая часть слова Барнаул может быть связана с тюркским бору, бюре – волк; по-монгольски бору также означает волк; в переводе с монгольского языка нуур или нур означает озеро, таким образом, Барнаул означает Волчье озеро или Волчья река.

Названия улиц (трактов, переулков, проспектов) (годонимы).

Например, к середине XIX в. относятся названия *Большая и Малая Тобольская улицы* (ул. М. Тобольская существует до сих пор), *Змеиногорский почтовый тракт* (ныне Змеиногорский тракт), к концу XIX в. относятся названия *улица Олонская, Московский проспект* (прежнее название пр. Ленина), *ул. Соборная* (прежнее название пр. Социалистического), *переулок Прудской, улицы Алтайские, Павловская дорога* (ныне Павловский тракт) и др.

Неофициальные названия поселков, входивших в состав города (хоронимы).

Например, в языковом сознании горожан остались названия, связанные с событиями русско-японской войны 1904-1905 гг.: поселок *Кораблик*, *Мукден*, *Порт-Артур*, *Сахалин*, сейчас этих поселений уже не существует, однако их наименования можно встретить в воспоминаниях жителей города. Данные поселки были расположены в Нагорной части Барнаула, так, поселок *Порт-Артур* находился на склоне берега р. Оби в районе улиц Караева, Сычева, Тачалова. «Просуществовал до конца 30-х гг. XX в., пока из-за оползня не произошло обрушение этой части берега. Возник в результате самовольной, несанкционированной застройки» [2, с. 239]. История возникновения данного поселка и его названия объясняется тем, что в 1905-1906 гг. «в надежде получить землю в Барнауле приехало множество фронтовиков, часть из них осела в городе, самовольно застраивая крутые скаты обского берега на окраинах города и называя возникшие таким образом поселки по местам своей службы» [2, с. 240].

Названия отдельных городских объектов (ойкодомонимы).

Например, четырехэтажное здание на ул. Гоголя, 76, до революции принадлежало купцу Аверину, горожане до сих пор называют его «*Небоскрёб*»: «*Вот Небоскрёб, его называют, тут был в Барнауле, это было самое большое, и почти не было зданий*» (муж., 80 л.).

2. Номинации советского времени многочисленны и обычно не отличаются разнообразием, однако именно в данный период происходит активный рост городов, появляются новые районы, магазины и дома, специфика которых отобразилась не только в официальной, но и в неофициальной номинации.

Неофициальные наименования городских объектов представляют собой параллельно существующую систему городских координат. Эти урбонимы хорошо известны горожанам, используются в сфере обиходно-бытовой коммуникации, кроме того, они отражают особенности городской территории, ее ландшафта, несут сведения об истории застройки и заселения города. При рассмотрении данного пласта наименований особого внимания, на наш взгляд, заслуживают следующие группы имен.

Неофициальные наименования районов и микрорайонов города – городские хоронимы.

Городские хоронимы советского периода содержат информацию об особенностях формирования городского пространства. Например, в воспоминаниях жителей г. Барнаула мы можем обнаружить истории отдельных микрорайонов города: «*И вот приехали мы в Барнаул, нашли квартиру, подле выемки вот там, вот такой был **Копай-Город**, землянки настроены*» (жен., 80 л.). Названия могут рассказать и об особенностях строительства города, например, неофициальное название микрорайона города – *Поток* – сообщает о том, что при его возведении использовался особый метод строительства – непрерывный или поточный: «*Заселяли **Поток** по ходу сдачи: вводят дом, а дорога еще не обустроена, тепло не подведено*» [1, с. 101].

Неофициальные названия площадей, площадок, рынков (агоронимы).

Агоронимы также могут обладать определенной историко-культурной ценностью, например, один из самых крупных рынков, функционировавших в советское время, назывался горожанами «*Старый базар*», хотя в официальной номинации использовалось другое наименование – «*Центральный рынок*». *Старый базар* – старейший рынок г. Барнаула, «основание Рыночной площади (Старый базар) уходит в середину XVIII в. Она указана на планах Барнаула 1785, 1803, 1856 гг.» [5, с. 27]. Рынок, построенный к 250-летию города и официально названный «*Юбилейный*», в неофициальной номинации получил название «*Новый рынок*», в противовес уже существующему «*Старому базару*».

Официальные и неофициальные наименования остановок общественного транспорта.

В официальных и неофициальных наименованиях остановок общественного транспорта можно обнаружить сведения о развитии города в различные периоды его существования, например, остановка «*Аппаратурно-механический завод*» названа в честь бывшего Барнаульского аппаратурно-механического завода, сокращенно – БАМЗ. Предприятие было образовано в 1942 году путем объединения эвакуированных в годы Великой Отечественной войны ленинградского завода имени Матвеева и московского завода «Арматура». До БАМЗа, еще в начале 1920-х годов, на этой территории был лесопитомник, где выращивались саженцы для укрепления барнаульских песков. Во время Великой Отечественной войны этот участок отдали под строительство завода. В настоящее время на территории бывшего «Барнаульского аппаратурно-механического завода» построен торгово-развлекательный центр «*Галактика*», однако официальный вариант названия остановки остался прежним.

Неофициальные названия точечных объектов – домов, памятников и пр.

Ойкодомонимы важны при описании города, поскольку зачастую именно своеобразие отдельных строений, особенности его архитектуры создают неповторимый облик городского пространства, становятся его «визитной карточкой». Одним из таких культурно значимых объектов, символов г. Барнаула, несомненно, является «*Дом под шпилем*» или «*Гастроном под шпилем*». Строительство дома велось с 1953 по 1956 год (автор проекта – архитектор Я. Н. Додица, сотрудник московского института «Горстройпроект»), с 1950-х гг. и до настоящего времени первый этаж дома используется для размещения магазинов и кафе. Название «*Дом под шпилем*» не только функционирует в обиходно-разговорной речи горожан, но и присутствует в поэзии, например, в песне барнаульского барда Александра Хижняка «В Барнауле клёны, тополя зелёны» есть следующие строки: «*Если не бывали, значит, не видали. Значит, не слышали, значит, не гуляли. Если не бывали, значит, вы не пили, Значит, не любили гастроном под шпилем*».

Постсоветская эпоха охарактеризовалась появлением большого количества коммерческих предприятий и необходимостью их номинации. Ситуация «они-

мического бума» отличается тем, что собственные имена получили городские объекты, которые ранее не именовались или имели стандартные имена; еще одной характерной чертой современного ономастического пространства является обилие неофициальных названий различных городских объектов. Неофициальные наименования используются горожанами разного возраста и отличаются вариативностью в зависимости от сферы бытования.

Так, например, название города Барнаула в молодежной среде обыгрывается в следующих неофициальных номинациях: *Барнео (Борнео), Барнеаполь (Борнеаполь), Барнеуполь, Барнауполь, Барнаулапль, Барнаулапол, Барнаул-Apple, Барнео-сити (Barneocity), Барнео, Барни, Барник*. Затемненная внутренняя форма астионима дает большой простор для народных этимологических версий. Фонетическое сходство имени города с названием тропического острова-курорта Борнео служит основой для прозвища – *Барнео (Борнео)* и его вариантов, образованных при помощи телескопии: *Барнеаполь – ‘Барнео + Неаполь’* или *Борнеаполь – ‘Борнео + Неаполь’*. В другом неофициальном варианте названия фонетическое сходство также присутствует, но проводится параллель с прозвищем другого крупного города – Нью-Йорка: *Барнаулапль, Барнаулапол, Барнаул-Apple*.

Названия улиц, переулков, бульваров, набережных и других линейных объектов – годонимы – также существуют в двух (иногда и более) вариантах – официальном и неофициальном, например, *пр. Красноармейский – Красноармянский; Социалистический проспект – Социалистический и Соц; ул. Павловский тракт – Павловский и Павлик; ул. Папанинцев – Папанка; ул. Э. Алексеевой – Эмили Алексеевой и Эмилька; аллея на пр. Ленина среди молодежи называется Кегельбан и Бродвей* и др.

Неофициальные названия домов, памятников, отдельных архитектурных сооружений постсоветского периода вошли в городской ономастикон и активно используются в речи горожан.

Например, одним из объектов, имеющих несколько вариантов неофициальных названий, является элитный жилой дом в центре города (пр. Ленина, 31), построенный в 2000 г., с характерным внешним видом (архитектор проекта – В. И. Золотов). Первоначально этот дом именовали «Дом под куполами», позже употребительным стало название «Три богатыря», известны также такие варианты названия как «Купола» и «Три поросенка»: «Дом, который с куполами построен на пересечении Ленина и Чкалова, по-моему, называется Три богатыря» (жен., 25 л.). Горожане уверены, что это прозвище дому дали сотрудники ФСБ (здание управления ФСБ расположено напротив), которые считают этот дом своим оберегом – «Три богатыря» помогают стоять им на страже порядка.

Названия коммерческих предприятий, «слова на вывесках» – эргонимы – также участвуют в создании образа города, образуют его неповторимое языковое пространство. Например, во многих наименованиях коммерческих предприятий г. Барнаула отражается региональная специфика: турагентства «Барнаул-

Трэвел»; «Алтайавтотур», «Алтаймаршрут», «Алтайтурист», «Алтайтур-маркет», «Атлас Алтай» и др.; бассейн «Обь», гостиница «Алтай», банкетный зал «Алтайские зори», клуб-ресторан «Алтай», кафе армянской кухни «Вечерний Барнаул» и др.

На основании всего вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. Урбонимы обладают культурной и исторической значимостью, являются своеобразным свидетельством развития города, его культурной памятью. В языковом пространстве современного города существует несколько пластов наименований, каждый из которых принадлежит определенной эпохе – дореволюционной, советской и постсоветской.

2. Наибольшей ценностью при рассмотрении городского ономастикона в историко-культурном аспекте обладают несколько групп имен: имя города – астионим; городские хоронимы, годонимы, агоронимы, ойкодомонимы и эргонимы.

3. Одной из характерных черт городских наименований является их вариативность – в языке города функционируют официальные и неофициальные номинации различных городских объектов. Неофициальные наименования городских объектов представляют собой параллельно существующую систему городских координат. Зачастую именно неофициальные наименования содержат ценную информацию об особенностях формирования городского пространства, несут сведения об истории застройки и заселения города.

Библиографический список

1. Барнаул в воспоминаниях старожилов. XX век. Ч. 1 / Отв. ред. Л. М. Дмитриева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 328 с.

2. Дмитриева, Л. М., Макарова, Е. В., Марьин, Д. В. Барнаул и его окрестности: о проекте топонимического словаря // Барнаул на рубеже веков: итоги, проблемы, перспективы: материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 275-летию Барнаула / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 237-241.

3. Подберезкина, Л. З. Языковая политика в системе городских наименований: теоретические и прикладные аспекты (на материале г. Красноярска) // Речевое общение: Специализированный вестник / Красноярск. гос. ун-т; Под ред. А. П. Сковородникова. Вып. 4 (12). – Красноярск, 2002. – С. 146-154.

4. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: «Наука», 1978. – 200 с.

5. Степанская, Т. М. Архитектурное наследие горного города Барнаула // Барнаул на рубеже веков: итоги, проблемы, перспективы: материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 275-летию Барнаула / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 25-33.

6. Шмелёва, Т. В. Ономастика: учебное пособие. – Славянск-на-Кубани: Издательский центр филиала ФГБОУ ВПО «КубГУ» в г. Славянске-на-Кубани, 2013. – 161 с.

**Р. С. Саликжанов, Ш. Б. Саликжанова, Б. М. Сейфуллин,
Ж. Б. Ахметова / R. S. Salikzhanov, Sh. B. Salikzhanova,
B. M. Sejfullin, Zh. B. Ahmetova***

**ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОФЕССИЯ: В ОЦЕНКАХ МОЛОДЕЖИ
КАЗАХСТАНА И РОССИИ
(EDUCATION AND PROFESSION: IN THE ASSESSMENTS
OF KAZAKHSTAN'S AND RUSSIA'S YOUTH)**

Аннотация. В статье анализируются данные конкретного прикладного исследования посвященного вопросам отношения молодежи к образованию и профессии. Предложены выводы, которые опираются на данные опроса и могут характеризовать установки молодежи в сфере образования и профессии.

Ключевые слова: Молодежь, профессия, образование, социальный капитал.

Abstract. The article analyzes the data of a specific applied research devoted to questions of the attitude of young people to education and the profession. The conclusions that are based on the survey data and can characterize the attitudes of young people in the field of education and profession are proposed.

Keywords: Youth, profession, education, social capital.

В Казахстане на протяжении нескольких лет официальная риторика властей подчеркивает значимость разработки молодежной проблематики, решения социально-экономических проблем молодого поколения. Развитие молодежного капитала как фактора развития общества – приоритетная задача, практикуемая многими странами, возведенная в ранг государственной политики является одной из стабильных трендов молодежной политики современного Казахстана [1].

В настоящее время в казахстанском обществе происходит переоценка старых и выработка новых ценностей, формирование новых эффективных подходов для преодоления возникающих трудностей. В данных условиях особое внимание уделяются социальным группам, которые обладают творческим, инновационным потенциалом. Официально декларируемый в Республике Казахстан стратегический ориентир социализации молодежи – формирование новой генерации людей с инновационным, творческим типом мышления, с развитой мировоззренческой культурой, высококвалифицированных профессионалов с этически ответствен-

* Ринат Саттарович Саликжанов, канд социол. наук, доц., Шынар Байроновна Саликжанова, ст. преподаватель, Бауыржан Мубаракулы Сейфуллин, магистрант, Жазира Батырбековна Ахметова, магистрант, Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан). E-mail: Kz87013906994@mail.ru.

ным отношением к миру заставляет социальные институты принимать адекватные шаги в повседневной практике.

Схожая практика социально-политической работы в отношении молодого поколения наблюдается и в Российской Федерации, где провозглашенное развитие человеческого капитала как государственная стратегическая задача актуализирует пристальное внимание и активного привлечения молодого поколения к ее решению. Региональные и общенациональные форумы и акции, программы и проекты социальной работы среди молодежи дают возможность почувствовать, что она включена в систему государственного и общественного развития, когда каждый несет ответственность за свою деятельность и все вместе за будущее страны.

Однако трансформационные процессы в молодежной среде в условиях личной свободы и социального выбора создают определенные социализационные риски, среди которых особо следует выделить размывание и девальвацию системы традиционных культурных ценностей, сложившегося механизма преемственности поколений и, как следствие, разрыв социокультурных связей, процессы унификации духовной и материальной культуры. Каскадная диффузия западных стандартов поведения на постсоветском пространстве, в том числе в Казахстане и в России, способствует усилению бездуховности, падению образовательного и культурного уровня значительной части молодежи и вызывает в обществе моральные паники, негативно влияющие на все стороны ее общественной жизни.

Научные поиски по данной теме предпринимались неоднократно, как наиболее интересный опыт последних лет следует отметить работу российских коллег о влиянии образования на жизненные траектории молодежи [2], особенности учебной мотивации студентов [3] и др.

В данной статье предлагаем обсудить результаты исследования российских и казахстанских социологов, связанные с установками молодых людей в сфере образования и профессии в контексте накопления социального капитала. Эмпирическая база представлена результатами исследовательского проекта Научно-исследовательского центра «Молодежь» при ЕНУ им. Л.Н. Гумилева посвященная изучению проблем социокультурной адаптации молодежи городов Казахстана, для сравнения взяты данные нескольких российских исследований [4]. Нас интересовали вопросы насколько молодежь считает образование необходимым и нужным, какое у нее виды на освоение профессии. Другими словами как близко друг другу императивы власти и собственно молодежные тренды.

В рамках проекта Научно-исследовательского центра «Молодежь» был проведен опрос городской молодежи в ноябре 2012 года. Для массового опроса применена стратифицированная многоступенчатая территориальная кластерная выборка. Объем республиканской выборочной совокупности составил 1200 человек. Точность в $\pm 5\%$ при вероятности $p=0,5$ может быть обеспечена с доверительным интервалом в 95%. Выборочная совокупность отражает структуру гене-

ральной совокупности, в нашем случае - городской молодежи областных центров.

В массовом опросе по этнической принадлежности доля казахов среди всей совокупности опрошенных составила 82,1%, русских 15%, представителей других этносов 2,9%. По полу доля представителей женского пола составила 59,9%, мужского – 40,1%. По уровню образования в выборке превалирует молодежь с высшим и средним специальным образованием.

Обработанные анкеты свидетельствуют, что по роду деятельности 43,1% респондентов заняты учебой – это студенты университетов и колледжей. Среди студентов около одной трети опрошенных заняты временной работой, которую они совмещают с учебой. Заняты только работой 41,8% из числа опрошенных, на момент опроса 9,6% респондентов были ничем не заняты.

Полностью довольных выбором профессии респондентов 55,4%, скорее довольных 27,5%, что в сумме составляет около 83%, см. рис. 1. Сумма процентов «скорее не довольных» и «полностью не довольных» вместе с затруднившимся ответить на данный вопрос составила 17%.

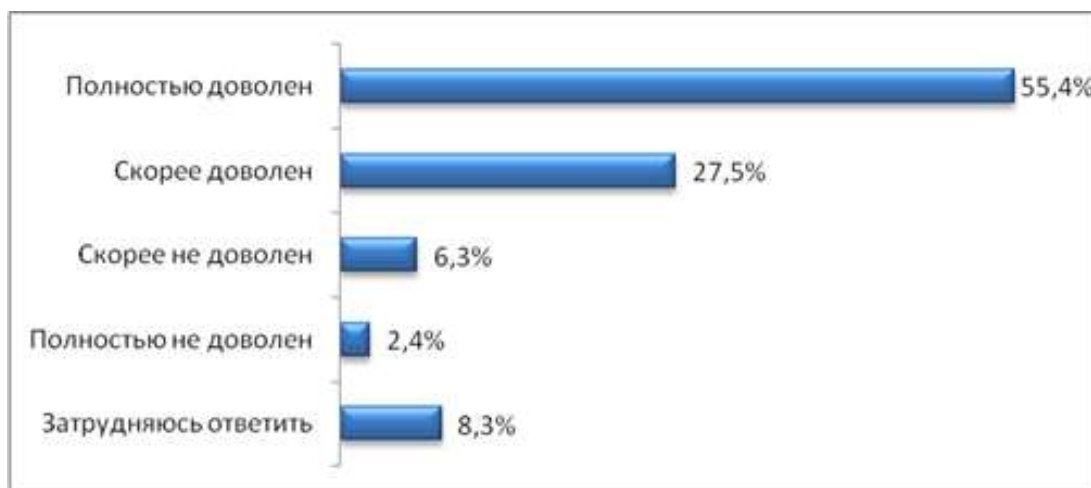

Рис. 1. Насколько Вы удовлетворены выбором профессии?

Нами замечено что, доля не довольных выбором профессии, специальности вуза в разные годы бывает практически одинакова. Данные наших предыдущих исследований проведенные в 2004 и 2009 годах свидетельствуют, что от 12 до 23% опрошенных молодых людей делали не самостоятельный выбор профессии [5]. Такое равнодушие, точнее неумение принять решение за свое будущее мы связываем, во-первых, с отсутствием эффективной диагностики профессиональной пригодности в школе, во-вторых, с общим уровнем неподготовленности выпускника школы к взрослой жизни.

Следует заметить, что удовлетворенность выбором профессии связано с мотивами поступления в учебное заведение: те, которые выбирали место учебу и специальность самостоятельно, впоследствии чаще довольны своим выбором. Соответственно, часть молодежи, которая исходила из принципа «главное по-

ступить» или «родителям виднее», менее довольна выбранной профессией, которую теперь осваивает, см. рис. 2.

Рис. 2. Зависимость удовлетворенности выбором профессии условий и мотивов поступления

Качеством получаемого образования полностью довольны 42,7% респондентов, скорее довольны 36,3%. Недовольных в целом 15%, если сюда добавить респондентов, затруднившихся ответить, то эта доля увеличивается до 21%. То есть, каждый пятый молодой человек недоволен качеством получаемого образования. Более критичны к качеству получаемого образования девушки, среди них больше респондентов выбравших ответы «не доволен» и «скорее не доволен, чем доволен».

Успешность образовательного процесса, подразумевает реализацию многих факторов. На наш взгляд, наряду с самостоятельностью выбора профессии и удовлетворенностью качеством получаемых знаний большую роль играет то, как сам студент относится к учебе. Тревожно, что только половина опрошенных молодых респондентов учатся с полной отдачей, см. рис. 3. У остальной части молодежи наблюдается менее трепетное отношение к учебе.

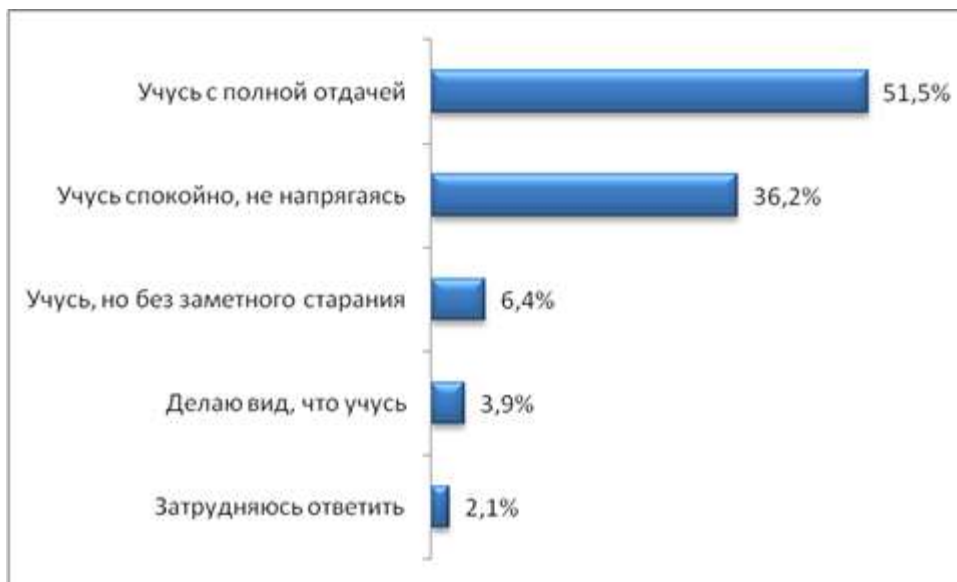

Рис. 3. Как лично Вы относитесь к учебе?

Мы заметили, что респондентов делающих вид, что учатся (3,9%) примерно столько же, что и российских вузах. Так, например, социологи Л.А. Кудринская и В.С. Кубарев приводят данные своего исследования, где 4,1% первокурсников просто «стремятся отучиться» [6]. Различия выборочной и генеральной совокупности не позволяют полностью утверждать о схожести результатов, но предположить о том, что примерно, каждый двадцатый студент просто «отбывает срок» в вузе, думаем вполне возможно.

У тех респондентов, которые высоко оценивают качество образования, чаще личное отношение к процессу учебы более добросовестное, см. рис.4.

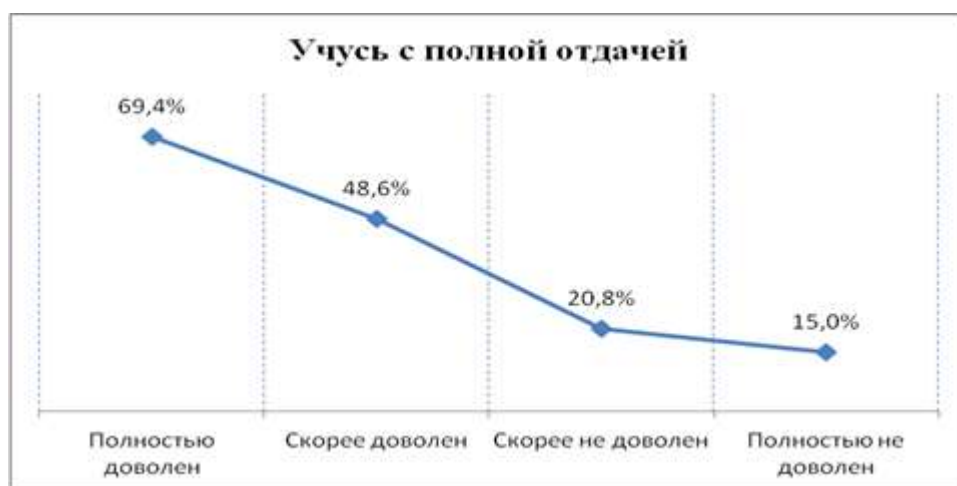

Рис. 4. Отношение к учебе в зависимости от оценки качества образования

Аналогичная зависимость зафиксирована и с таким переменным, как удовлетворенность выбором профессии. Среди полностью удовлетворенных профессией больше учащихся с полной отдачей, их 62,4%. Среди скорее удовлетворенных респондентов эта доля равна 43,6%; среди скорее не удовлетворенных – 18,2%.

Если обратиться к аксеологической стороне учебы, то престижность высшего образования является главным мотивом образовательной стратегии молодых респондентов, см. рис. 5. На втором месте – это возможность получения высокой зарплаты, на третьем – ценность самой профессии. К сожалению, такой мотив как «стать полезным обществу» оказался на последнем месте.

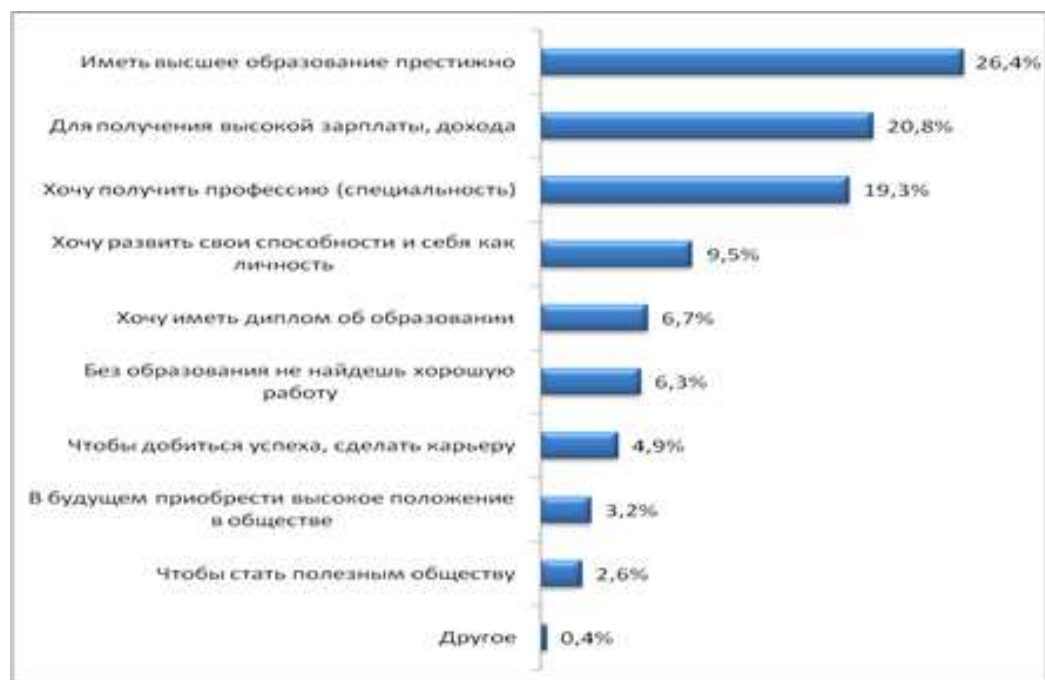

Рис. 5. Если Вы учитесь или собираетесь учиться, то для чего?

Также заслуживает внимание сл. рис.б: для молодежи, которая учится с полной отдачей, чаще, чем другим важен аспект престижности наличия высшего образования. В свою очередь, тем, кто менее добросовестно относится к учебе, чаще важен сам факт наличия диплома.

Рис. 6. Конечная цель получения образования. Ответы в зависимости от отношения респондентов к учебе

Обращает внимание то, что удовлетворенные выбором будущей профессии респонденты, ориентированы в будущем заниматься именно по этой специальности, см. рис. 7.

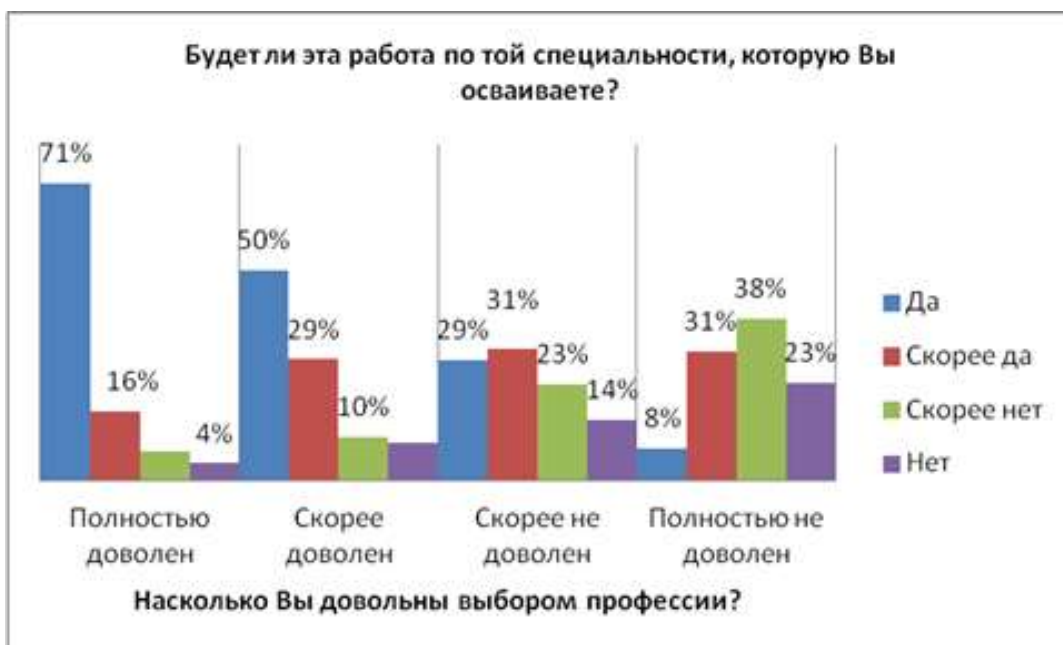

Рис. 7. Связь между удовлетворенностью выбранной профессией и трудовой ориентацией

В ходе исследования были протестированы отношение молодых горожан к труду как ценности. На вопрос «Зачем Вам трудиться?» из числа опрошенных студентов (в скобах количество ответов работающей молодежи) ответили: реализовать свой творчески потенциал – 65% (54%), быть полезным обществу –

23% (21%), много зарабатывать – 87% (98%), не быть бездельником – 71% (86%). Как видим для студентов более важно терминальная ценность труда, а для работающих инструментальная ценность.

Для сравнения отметим, что результаты исследования российских коллег свидетельствует о том, что отношение к труду как терминальной ценности выше в группе специалистов, работающих по полученной специальности (27,8%), чем среди работающих по другой специальности (9,1%) [6]. Можно предположить, что у казахстанских студентов с началом профессиональной деятельности будет снижаться терминальная ценность профессии и труда.

В качестве выводов, можно отметить следующее. Самостоятельный выбор будущей профессии выступает очень важным моментом для молодого человека, поскольку влияет в дальнейшем на успеваемость и удовлетворенность своей профессией. На сегодняшний день, из числа студенты вузов и колледжей Казахстана только 83% довольны выбором будущей специальности.

Молодежь ощущает на себе невысокое качество получаемых знаний – полностью довольных качеством образования лишь 43% от опрошенных. Важно понимать, что отношение к учебе, как показали результаты, зависит от того, как молодой человек оценивает качество преподавания и передаваемых знаний. И пока с полной отдачей учатся только половина из опрошенных. На наш взгляд это низкий показатель.

Отвечая на вопрос для чего они учатся – на первое место молодежь поставила престижность обладания высшим образованием, а затем доход. Оба эти фактора, как известно, выступают показателями статуса индивида в стратифицированном обществе. То есть, высшее образование важен как атрибут классового признака человека. Такое отношение к высшему образованию, на наш взгляд, связано с тем, что в вузах и в общественном сознании наблюдается перекося в сторону усиления общего капитала (получение общих навыков, знание компьютера и другого языка, наработка связей) в ущерб специального капитала (непосредственные знания по выбранной специальности, так скажем, знание предмета в глубину). Возможно именно такой спрос (на общий капитал) доминирует на национальном рынке труда. Так как довольно большая группа молодых людей хотели бы в будущем работать в системе государственного управления, подтверждает тезис о востребованности в обществе в первую очередь общего капитала.

Думаем, что наибольший социальный капитал имеется у тех респондентов, которые самостоятельно выбрали свою специальность, и во время опроса были довольны своим выбором. Надо полагать, что их реальный социальный капитал в виде образования, удачно трансформируется в профессиональную квалификацию для достижения жизненного успеха.

Библиографический список

1. Зайниева, Л. Ю. Государственная молодежная политика: опыт Казахстана. Допл. 2-ое издн. – Алматы: Дайк-Пресс, 2009.
2. Константиновский, Д. Л., Вознесенская, Е. Д., Чередниченко, Г. А., Хохлушкина, Ф. А. Образование и жизненные траектории молодежи: 1998-2008 годы. – М.: ЦСПиМ, 2011.
3. Зубок, Ю. А., Чупров, В. И. Отношение к образованию как фактор повышения эффективности подготовки высококвалифицированных кадров // Социологические исследования. – 2012. – №8. – С. 103-111.
4. Саликжанов, Р. С. Социокультурная адаптация городской молодежи. – Астана, Изд-во ЕНУ, 2013 г. – 162 с.
5. Саликжанов, Р. С. Особенности принятия решения казахской молодежью / Материалы конференции «Человек и его решения - 2009». Католический университет Иоанна Павла II. – Люблин, 2009.
6. Кудринская, Л. А., Кубарев, В. С. Особенности учебной мотивации студентов технического вуза // Социологические исследования. – 2012. – №3. – С. 103-111.

Т. А. Селеменова / T. A. Selemeneva*
**ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ РОССИИ
В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ
(THE INNOVATIVE POTENTIAL OF THE HIGHER SCHOOL OF RUSSIA
IN THE CONDITIONS OF MODERNIZATION)**

Аннотация. Статья посвящена проблеме модернизации современного высшего образования в России. Рассматриваются инновационные резервы процесса обучения в ВУЗе. Выделяются основные инновационные ресурсы модернизации содержания и методики обучения в современной высшей школе.

Ключевые слова: инновация, инновационные ресурсы, модернизация образования, методика обучения, высшее образование.

Abstract. The article is devoted to the modernization of modern higher education in Russia. The innovative reserves of the learning process in a professional University are considered. The main innovative resources of modernization of the content and methods of teaching in modern higher education are allocated.

Keywords: innovation, innovative resources, modernization of education, teaching methods, higher education.

Важной доминантой современных тенденций развития российского высшего образования является ориентация на максимальную реализацию инновационного потенциала ВУЗов [1]. Образую сложную системно-целостную иерархию взаимосвязанных и взаимодействующих сфер различного уровня, инновационный потенциал высшей школы объединяет весь спектр ресурсов, позволяющих преодолеть катастрофическое отставание образования от запросов общества и государства [7]. Речь идет об интеллектуальных, материальных, информационных, технологических, финансовых и других ресурсах системы высшего профессионального образования, реализующей свои функции в условиях постоянно усложняющихся технологий, обостряющейся конкуренции и нарастающей динамики социальных изменений.

Термином «инновации» в научно-практической деятельности принято обозначать не просто новшество, возникшее и существующее в данный момент времени, а лишь то, что способствует прогрессивному и созидательному развитию в будущем, является источником и движущей силой развития и саморазвития [3]. Процесс разработки и внедрения инновационных идей и их продукта

* Татьяна Александровна Селеменова, канд. пед. наук, доц., Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: TISI11@yandex.ru.

неизбежно связан с нарушением равновесия существующей, традиционной системы, рассогласованием связей ее элементов. Наблюдаемое рассогласование, углубляющийся разрыв носят закономерный характер, поскольку вызваны самой сущностью инновационного явления, предполагающего вмешательство будущего в настоящее. В связи с этим практическая реализация инноваций всегда в той или иной мере связана с конфронтацией нового и традиционного, а успешность этого процесса во многом зависит от человеческого фактора [6].

Среди факторов, способствующих интенсификации процесса развития ВУЗа в целом, выделяются инновационные ресурсы образовательного процесса, научно-исследовательской деятельности, кадрового потенциала, материально-технической базы, модернизации структуры и системы управления ВУЗом.

Проблематика, связанная с инновациями в системе образования, достаточно широко представлена в педагогической литературе (П.И. Пидкасистый, А.В. Хуторской, В.А. Сластенин, Н.В. Бордовская и др.). В настоящее время актуальными являются исследования, раскрывающие особенности, закономерности, возможности использования инновационного потенциала высшей школы в связи с реализацией государственного образовательного стандарта [5].

Выделим наиболее существенные аспекты и обобщим возможности использования инновационных ресурсов процесса обучения в ВУЗе, оказывающих непосредственное влияние на профессиональные и личностные качества обучающихся в условиях реализации в современной высшей школе компетентностного подхода (таблица 1).

Таблица 1 – Некоторые инновационные ресурсы процесса обучения в ВУЗе

Аспекты реализации инновационных ресурсов	Примеры практической реализации инновационных образовательных ресурсов в профессиональном ВУЗе
Внедрение новых учебных дисциплин	Интеграция научного знания в дисциплинах «Культурология», «Политология», «Концепции современного естествознания», «Основы научных исследований» и др.
	Дифференциация научного знания в учебных курсах «Информационные технологии в управлении персоналом», «Метрология, стандартизация и сертификация в горном деле», «Геоинформатика», «Горнопромышленная экология».
	Фундаментализация теоретических и практических основ обучения в учебных курсах «Теория информационных систем», «Функциональный анализ», «Математическое моделирование», «Теория игр и исследование операций», «Исследование операций и методы оптимизации», «Физико-химические основы развития и тушения пожаров».

Аспекты реализации инновационных ресурсов	Примеры практической реализации инновационных образовательных ресурсов в профессиональном ВУЗе
Модернизация содержания традиционных учебных дисциплин	Обновление содержания за счет появления и развития новых научно-практических теорий и методов: общая теория риска (риски природных и техногенных ЧС, финансовые, экономические, экологические, информационные и др.) приемы общего анализа, прогнозирования и оценки рисков различных видов.
	<p>Оптимизация содержания на основе использования новых информационных технологий:</p> <ul style="list-style-type: none"> - сокращение материала, связанного с вычислениями, в курсах «Высшая математика», «Эконометрика», «Вычислительная математика» и др.; - корректировка и добавление учебных вопросов, позволяющих максимально раскрыть возможности использования компьютерных технологий при решении научно-практических проблем в рамках изучаемой дисциплины: «Вычисление числовых характеристик случайных величин на основе табличного процессора MS Excel»; «Осуществление корреляционно-регрессионного анализа данных с применением MS Excel».
Совершенствование методики обучения в ВУЗе	Реализация возможностей информационно-образовательной среды ВУЗа
	Применение для раскрытия сущности новых понятий, идей, методов, алгоритмов специального программного обеспечения, электронных презентаций, телефрагментов, возможностей проведения виртуального эксперимента в курсах «Теоретическая физика», «Механика», «Химия», «Геодезия» и др.
	Использование современных активных и интерактивных образовательных технологий: <ul style="list-style-type: none"> - практико-ориентированных учебных проектов; - обучения в сотрудничестве; - дистанционных форм обучения, контроля и коррекции образовательных результатов; - кейс-метода (case-study).

Можно с уверенностью утверждать, что от эффективности реализации в ВУЗах России инновационного потенциала образовательного процесса сегодня во многом зависит успешность подготовки конкурентоспособных специалистов, возможность интеграции национальной системы образования в научную, производственную, культурную инфраструктуры мирового сообщества [2].

В заключение отметим, что система высшего образования России, открытая для инновационных идей Запада и Востока, обладающая собственными традициями, имеет значительные ресурсы, позволяющие ей занять достойное место в мировом образовательном пространстве [4].

Библиографический список

1. Вербицкий, А. А. Контекстно-компетентностный подход к модернизации образования / А.А. Вербицкий // Высшее образование в России. – 2010. - №5. – С. 32-37.
2. Еременко, С. П., Медведева, Л. В., Крюкова, М. С. Структурная модель учебно-методического комплекса «Математика для инженеров пожарной безопасности» // Природные и техногенные риски (физико-математические и прикладные аспекты). – 2017. – № 1 (21). – С. 68-72.
3. Ильин, Г. Л. Инновации в образовании: учебное пособие. – М.: Прометей, 2015. – 426 с.
4. Калинина, Е. С. Интегративный подход в обучении математическим и естественнонаучным дисциплинам в вузах МЧС России // Современное образование: содержание, технологии, качество. – 2018. – Т. 1. – С. 86-89.
5. Калинина, Е. С. Использование математических методов оценки безопасности сложных технических систем при подготовке обучающихся вузов МЧС России // Постулат. – 2018. – № 11 (37). – С. 32.
6. Мандель, Б. Р. Инновационные технологии педагогической деятельности: учебное пособие для магистрантов. – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. – 260 с.
7. Селеменова, Т. А. К оценке эффективности компетентностно-ориентированного обучения в вузе // Тенденции развития образования: педагог, образовательная организация, общество – 2018: Материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Ж.В. Мурзиной. – 2018. – С. 91-93.

ОБЩИЕ РЕШЕНИЯ КОНФЕРЕНЦИИ

Состоявшаяся конференция показала, что проблема развития и выявления социокультурного потенциала развития Центрально-Азиатского региона является предметом исследовательского интереса как российского, так и международного научного сообществ. Направления работы конференции вызвали глубокий интерес многочисленных участников конференции, стимулировали их стремление к эффективному общению и готовность к решению общих задач по сохранению культурных традиций и социально-исторического образа Русского мира.

Учитывая содержание представленных позиций, научный анализ социально-практического опыта, а также выводы, полученные в результате дискуссионного общения, в качестве итогов работы конференции были предложены следующие решения:

- считать продуктивным с теоретико-методологических и социально-практических позиций понимание концепта «Русский мир» как действительно самобытного цивилизационного образования, в основе формирования и развития которого лежат традиционные для самосознания русского народа ценности, утверждаемые им в общении с народами Центральной Азии, а именно: мирного сосуществования, братского отношения друг к другу (в независимости от вероисповедания, национальных особенностей, численного состава, уровня цивилизационно-исторического развития), соблюдения принципов взаимного доверия и взаимного уважения, признания интересов другого, общего развития на основе развития каждого;

- признать актуальность опыта, полученного в результате развития ценностей советской культуры: достигнутый уровень образования и научных знаний, наукоемких производственных технологий, устойчивых профессиональных традиций, а также уровень интеллектуального и духовного развития самого человека для дальнейшего цивилизационного (социального и экономического) развития регионов России и государств Центральной Азии, входящих в состав СНГ;

- считать, что русский язык в течение многих десятилетий способствовал установлению общих культурных, образовательных, социальных, научных, производственных, хозяйственных, экономических и политических связей служил основой взаимного понимания и развития народов России и приграничных стран Центральной Азии и являлся наиважнейшим фактором межгосударственного коммуникативного процесса. Русский язык способен обеспечить дальнейшее развитие межгосударственных интеграционных связей и отношений, так как и сегодня выступает в роли проводника (медиатора) и транслятора жизненно важных для всех народов региона общегуманистических ценностей. Носители русского языка на постсоветском пространстве представляют собой просвещенный слой национальной интеллигенции, интеллектуально-кадровый авангард населения республик, специалистов, являющихся наследниками глубоких профессиональных навыков, способных к передаче кадровых эстафет, обладающих высо-

ким уровнем специальных знаний, без которых невозможно вхождение в постоянно модернизирующийся, технологизирующийся современный мир;

- признать необходимым дальнейшее расширение форм взаимодействия представителей научного и образовательно-педагогического сообществ, технических, производственных, профессиональных кадров с целью совместного решения проблем и общих задач по устойчивому развитию Центрально-азиатского региона;

- рекомендовать проведение организационных мероприятий по созданию межвузовского Центра по комплексному изучению проблем Русского мира в Центральной Азии на базе Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова. Привлечь внимание ученых регионов России и стран СНГ (Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана) к совместному мониторингу и определению базовой тематики дальнейших международных научно-исследовательских и научно-практических проектов и иных форм совместной исследовательской деятельности (международные и онлайн-конференции, вебинары, дискуссионные площадки), имеющих особое социально-практическое и научно-теоретическое значение для региона в целом;

- признать особую роль высшей школы, научно-педагогических работников в сохранении и дальнейшем исследовании содержательного опыта культурных традиций, в формировании национального самосознания народов, населяющих регион, в создании и укреплении традиций профессионального общения и взаимного обогащения, способствующих общим интегративным процессам;

- активизировать деятельность ученых, представителей профессиональных сообществ, общественных организаций по осуществлению экспертно-аналитической оценки, информационной и методической поддержки предлагаемых к осуществлению социальных, производственных, экономических, политических проектов и инициатив с целью создания условий для их реализации и минимизации рисков и возможных негативных эффектов в опыте социокультурного взаимодействия регионов России и приграничных стран Центральной Азии;

- консолидировать усилия общественных и национальных организаций, образовательного и научного сообществ, административно-управленческого аппарата для сохранения, укрепления и развития цивилизационно-коммуникативного потенциала Русского мира. Для решения данной задачи нужна совместная направленная работа по содержательно-смысловому наполнению образовательного и воспитательного процессов, повышающих личностные качества представителей профессиональных кадров самых различных сфер социальной деятельности;

- сделать планомерным и систематическим взаимодействие научной и педагогической общественности вуза, студенческих объединений с представителями национальных и культурно-этнических общественных организаций с целью оптимизации атмосферы поликультурного сообщества на основе жизненных ценностей и этических норм Русского мира; образовательное сообщество должно

содействовать различным формам межкультурной коммуникации, диалогу и взаимному пониманию между народами России и граничащих с ней государств для совместного решения задач хозяйственно-экономического, социального, политического, культурного развития;

- признать, что основные цели и задачи конференции, поставленные организаторами, достигнуты, основные результаты нашли отражение в двух сборниках материалов конференции.

Научное издание

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РУССКОГО МИРА В
ТРАНСГРАНИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Материалы Международной научно-
практической конференции, Барнаул,
27-29 марта 2019 г.

Корректор О.О. Варзанова

Формат 90x62/16. Гарнитура Таймс.
Создание оригинал-макета
сборника статей конференции выполнено
АО «Алтайский полиграфический комбинат»
659023, г. Барнаул, ул. Германа Титова, 3.